

★ ВОСПОМИНАНИЯ О М. И. КАЛИНИНЕ ★

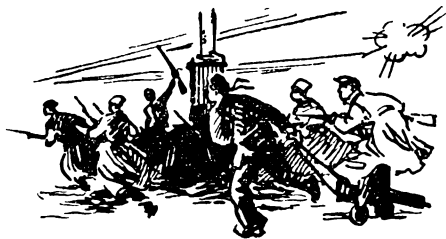

1875-1960

М. И. Калинин

ВОСПОМИНАНИЯ
о
Михаиле Ивановиче
КАЛИНИНЕ

КАЛИНИНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

≡ 1960 ≡

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

***В. А. ПЕТРОСЯН (главный редактор),
Е. И. КАЛИНИНА, Д. М. ЛОГИНОВ,
Б. М. РУДЯК, В. П. ТАЧАЛОВА, А. А. ФЕДОРОВА***

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Жизнь ученика и соратника великого Ленина — Михаила Ивановича Калинина является ярким примером беззаветного служения Родине и народу. О многогранной и плодотворной деятельности М. И. Калинина рассказывают в своих воспоминаниях партийные и государственные деятели, рабочие и колхозники, писатели и художники, деятели науки и культуры.

Настоящий сборник составлен из материалов, поступивших в разное время в Музей Михаила Ивановича Калинина. Часть из них была ранее опубликована в периодической печати и в различных сборниках, являющихся в настоящее время библиографической редкостью. Некоторые из этих воспоминаний редколлегия сочла нужным включить в сборник с незначительными сокращениями и поправками. Наряду с другими авторами со своими воспоминаниями выступают земляки Михаила Ивановича — тверяки-калипинцы, которые встречались, близко общались с ним, работали под его руководством.

Воспоминания располагаются в хронологическом порядке, по трем основным периодам жизни М. И. Калинина: «Годы подпольной борьбы», «Первые годы Советской власти» и «Годы социалистического строительства». В том случае, когда воспоминание освещает различные периоды деятельности Михаила Ивановича Калинина, оно отнесено к тому периоду, который наиболее полно освещен в нем.

В сборе и первичной обработке материалов для сборника принимала участие научный сотрудник Музея М. И. Калинина Г. Г. Скорикова.

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ КАЛИНИН

Советский народ и все прогрессивное человечество с любовью и уважением вспоминают выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства Михаила Ивановича Калинина.

Сын тверского крестьянина-бедняка, М. И. Калинин с юных лет познал нужду, испытал на себе тяжесть помещичьего гнета и капиталистической эксплуатации.

В 1898 году молодым рабочим Путиловского завода вступил он на славный путь пролетарского революционера. Вся жизнь и деятельность М. И. Калинина неразрывно связаны с историей создания и развития большевистской партии, с летописью массового революционного движения в России. Беззаветную преданность народу, партии, делу революции он пронес сквозь мрак тюремных застенков, через десятилетия самоотверженной, мужественной борьбы за свободу и счастье трудящихся.

В тяжелые годы царского самодержавия под руководством Владимира Ильича Ленина из среды передовых рабочих и социал-демократов выросла целая плеяда замечательных революционеров-про-

фессионалов, ставших настоящими политическими вожаками рабочего класса.

Одним из выдающихся представителей этой славной плеяды был Михаил Иванович Калинин. Руководствуясь ленинскими указаниями, он принимал активное участие в создании подлинно марксистской революционной партии в России.

Где бы ни был Михаил Иванович — в Петербурге, Тифлисе, Ревеле, Москве, он становился там вожакom народных масс, звал рабочих на борьбу с самодержавием, создавал марксистские рабочие кружки, организовывал стачки и демонстрации, боролся за соединение социализма с рабочим движением.

Будучи профессиональным революционером, М. И. Калинин не бросал работы у станка, а когда беспокойная судьба забрасывала его в деревню, что случалось довольно часто, он работал на своем скудном наделе земли и поднимал крестьян на революционную борьбу.

Михаил Иванович четырнадцать раз подвергался арестам и ссылкам. Но ни тюрьмы, ни ссылки не сломили воли стойкого революционера-большевика. Неистощимая бодрость и энергия Калинина вдохновляли рабочих на борьбу против царского самодержавия в суровые годы подполья.

Вместе с В. И. Лениным Михаил Иванович Калинин создавал партию большевиков, активно участвовал в революции 1905 года, в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции, в строительстве Советского государства. Как один из передовых рабочих и политических руководителей рабочего класса, М. И. Калинин уже в 1906 году избирается членом Петербургско-

го комитета РСДРП, а с 1912 года входит в состав Центрального Комитета нашей партии.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции М. И. Калинин избирается Петроградским городским головой, является комиссаром городских хозяйств Северной области, принимает деятельное участие в сломе старого, буржуазного государственного аппарата.

В марте 1919 года В. И. Ленин выдвинул кандидатуру М. И. Калинина на пост Председателя ВЦИК. Владимир Ильич высоко ценил Михаила Ивановича, как человека, сочетавшего жизненный опыт передового, марксистски образованного рабочего и трудящегося крестьянина, глубоко и всесторонне знавшего жизнь народа. 27 лет находился он на этом высоком посту главы верховного органа Советского государства.

М. И. Калинин был прекрасным агитатором и пропагандистом. По предложению В. И. Ленина он совершил ряд поездок по стране с агитационно-инструкторским поездом «Октябрьская революция». М. И. Калинин побывал в самых отдаленных уголках нашей страны, на всех фронтах гражданской войны. Выступая в воинских частях, среди рабочих и крестьян, он умел поднять массы на борьбу с врагом. Сила воздействия его речей заключалась в непоколебимой уверенности в правоте политики нашей партии, в неизбежности победы великих идей марксизма-ленинизма.

В своих выступлениях М. И. Калинин никогда не приукрашивал действительности, не обходил острых вопросов, прямо и открыто говорил народу о трудностях, разъяснял, как нужно преодолевать их и что делать для укрепления Советской власти.

Во время доклада о текущем моменте на Иваново-Вознесенской беспартийной конференции в 1920 году М. И. Калинин получил записку, в которой было написано: «А кто дороже для Советской власти — рабочий или крестьянин?» Вопрос был неожиданным. Михаил Иванович ответил на него так: «А что для человека дороже: правая или левая нога?» И далее он подробно разъяснил присутствующим, что сила Советской власти покоится на союзе рабочего класса и крестьянства, что этот союз выгоден как рабочим, так и крестьянам. Крестьяне дают рабочим хлеб, сельскохозяйственные продукты, а от рабочих они получают промышленные товары. Простыми ответами, откровенностью Михаил Иванович всегда умел убедить массы.

Внимательным отношением к нуждам и просьбам рабочих и крестьян, борьбой за ликвидацию злоупотреблений, нарушений советских законов М. И. Калинин способствовал упрочению советских органов на местах, укреплению их связей с трудящимися массами города и деревни, установлению правильных взаимоотношений между рабочим классом и крестьянством.

Отмечая большие заслуги М. И. Калинина в завоевании среднего крестьянства на сторону Советской власти, В. И. Ленин говорил: «Выбор товарища Калинина Председателем ВЦИК исходил из того расчета, что мы должны непосредственно сблизить Советскую власть с крестьянством. И благодаря тов. Калинину работа в деревне получила значительный толчок. Крестьянин, несомненно, получил возможность более непосредственного сношения с Советской властью, обращаясь к тов. Ка-

лину, который представляет в своем лице высшую власть Советской республики»¹.

Много сил и энергии отдал М. И. Калинин борьбе за осуществление ленинской программы превращения экономически отсталой России в передовую, мощную индустриально-колхозную социалистическую державу.

В своих выступлениях перед рабочими он пропагандировал великое значение ленинского плана индустриализации страны, всегда подчеркивал, что Коммунистическая партия и Советское правительство преследуют единственную цель — благо народа и все свои действия направляют к этой высокой цели. «Гигантские предприятия, — говорил Калинин, — это только средство, а целью является полное обеспечение всего трудящегося населения. Вот основная цель советского строительства, основная цель всех тех усилий, которые мы делаем»².

Всей своей государственной и партийной деятельностью Михаил Иванович внес большой вклад в дело коллективизации сельского хозяйства.

В лице Михаила Ивановича партия имела одного из лучших знатоков сельского хозяйства, психологии крестьян, их нужд и интересов. При его непосредственном участии подготавливались важнейшие решения партии и правительства по вопросам колхозного строительства.

Глубокое чувство симпатии и уважения всего крестьянства хорошо выразили в своем письме к Михаилу Ивановичу жители деревни Острово Череповецкого округа: «Тебя, первого мужика респуб-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 125.

² М. И. Калинин. «Статьи и речи. 1919—1935». Партиздат ЦК ВКП(б), 1936, стр. 248.

лики, решили мы избрать почетным крестьянином нашей деревни. Люб ты нам за свою работу, которую ты, как союзный староста, проводишь на пользу нашей дорогой республики и наших мужиков»¹

Крестьянам, строившим новую, социалистическую жизнь, М. И. Калинин давал много практических и деловых советов. Так, например, Михаил Иванович считал, что в организационно-хозяйственном укреплении колхозов огромную роль играют кадры. Выступая на съезде колхозников-ударников Татарской республики, М. И. Калинин говорил: «Удачный председатель колхоза, умеющий использовать человеческую силу и тягло, дождик и солнце, мороз и слякоть, на 90% решает успешность работы колхоза. При таком председателе колхоз работает успешно. Это говорит за то, что выборы председателей колхозов имеют исключительно важное значение»². Руководителей колхозов он призывал прислушиваться к голосу рядовых колхозников, опираться на них во всей своей деятельности, ибо без этого нельзя закрепить успехов в работе.

М. И. Калинин на всех этапах социалистического строительства уделял большое внимание работе органов Советской власти, улучшению советского аппарата и последовательно проводил в жизнь идеи укрепления и развития пролетарской государственности. Он придавал огромное значение привлечению широких масс трудящихся к активному участию в управлении государством и неоднократно подчеркивал, что тесная, органическая связь с массами постоянно питает наш государственный аппарат св-

¹ «Крестьянская газета» № 7 от 14 февраля 1928 г.

² М. И. Калинин. «Статьи и речи». Партиздат ЦК ВКП(б), 1935, стр. 136.

жими жизненными соками, дает ему возможность успешно решать задачи хозяйственного и культурного строительства. Во время поездок по стране он постоянно общался с работниками райисполкомов и сельских Советов, передавая им свой богатый опыт и знания.

Так, в 1934 году, обращаясь к председателям сельсоветов Днепропетровской области, М. И. Калинин говорил, что каждый председатель должен руководствоваться одним правилом: поменьше администрируй, поменьше проявляй власти, носителем которой ты являешься, а побольше организуй.

Главное в работе сельсоветов, говорил он,— организовать, наладить коллективное хозяйство. Советские работники должны действовать методами коллективного руководства, уметь организовывать массы, поднять их активность, заранее готовить их к проведению того или иного мероприятия.

Ярким выражением демократизма советского строя явилась деятельность Приемной М. И. Калинина. За 27 лет работы Михаила Ивановича на посту главы верховного органа Советского государства в его Приемную обратилось свыше 7 миллионов граждан. М. И. Калинин не раз подчеркивал, что разбор жалоб и заявлений трудящихся — это сугубо политическая работа. Десяток правильно принятых решений, говорил он, стоит хорошо проведенного десяти тысячного митинга. Именно здесь, в рассмотрении жалоб, необходимо тонкое политическое чутье и хорошее знание марксизма-ленинизма. Нужно уметь связать решение по частному вопросу с коммунистическими принципами. М. И. Калинин

принимал все меры, чтобы его Приемная была доступна для всех граждан.

М. И. Калинин всегда требовал самой решительной борьбы с бюрократизмом. В своих статьях, речах и беседах он указывал на необходимость постоянно заботиться об удовлетворении законных требований советских граждан. Обладая огромным опытом в деле государственного строительства, он неустанно боролся за укрепление социалистической законности.

В лице М. И. Калинина наша партия имела одного из талантливых и неутомимых агитаторов и пропагандистов, замечательного воспитателя, наставника народных масс. На протяжении всей своей плодотворной деятельности он уделял огромное внимание вопросам коммунистического воспитания трудящихся и, особенно, советской молодежи. Занятый большой государственной и партийной работой, он всегда находил время для выступлений перед рабочими и крестьянами, партийными и комсомольскими работниками, перед учителями и школьниками.

В печати опубликовано около двух с половиной тысяч статей, докладов и выступлений М. И. Калинина.

В своем выступлении перед активом Московской партийной организации в 1940 году М. И. Калинин указывал, что главная задача коммунистического воспитания заключается в том, чтобы воспитывать в советском народе высокую идейность, сознательность, любовь к социалистической Родине, формировать коммунистическое мировоззрение.

Призывая трудящихся и нашу молодежь овладевать марксистско-ленинской теорией, М. И. Калинин резко восстает против школярского заучивания

готовых формулировок. Предупреждая о вреде буквеведства, начетничества и догматизма, он разъясняет, что овладеть марксизмом-ленинизмом — значит глубоко понять сущность этой теории и уметь использовать ее положения как руководство к действию при решении практических вопросов коммунистического строительства.

М. И. Калинин показывал образцы творческого применения марксистско-ленинской теории, марксистского диалектического метода. Любое его выступление, каждая его статья насыщены глубоким идейным содержанием, связаны с насущными задачами коммунистического строительства. На простых обыденных фактах из жизни он умел убедительно показать силу, глубину марксистско-ленинского учения, разъяснить самые сложные теоретические вопросы.

Исходя из ленинского указания, что производительность труда является важнейшим условием победы нового общественного строя, М. И. Калинин главной целью коммунистического воспитания считал борьбу за повышение производительности труда. Повышение производительности труда, говорил он, нужно нам, как хлеб, как воздух, ибо только в этом случае партия может осуществить основную задачу — поднять благосостояние всего народа.

Выступления М. И. Калинина по вопросам коммунистического воспитания особенно актуальны в настоящее время, когда наш народ семимильными шагами идет к светлому будущему, когда по всей стране развернулось соревнование коллективов за право называться коммунистическими.

В годы Великой Отечественной войны М. И. Калинин вел огромную государственную и пропаган-

дистскую работу, отдавал все свои силы и энергию делу победы над врагом. Он неустанно укреплял свои связи с народными массами, выезжал в части действующей армии, в колхозы, на заводы, выступал по радио, в газетах и журналах. Слово Михаила Ивановича Калинина, призывавшее к самоотверженной работе, к победе над фашистскими агрессорами, всегда находило дорогу к сердцу каждого советского патриота.

После окончания Великой Отечественной войны Михаил Иванович всю свою деятельность направляет на выполнение поставленных партией задач по восстановлению разрушенного фашистскими захватчиками народного хозяйства. В своих речах перед трудящимися, в статьях и брошюрах Михаил Иванович выражал уверенность, что советский народ не только залечит тяжелые раны войны, но еще выше поднимет могущество нашей Родины.

Верный сын Коммунистической партии, Михаил Иванович Калинин всю свою жизнь посвятил борьбе за свободу и счастье народов нашей страны, за дело социализма.

Проходят годы, но образ Михаила Ивановича живет и всегда будет жить в сердцах советского народа. Все больше и чаще обращаются трудящиеся к живому роднику трудов М. И. Калинина. Многогранная, неустанная деятельность его служит вдохновляющим примером борьбы за построение коммунистического общества.

Б. М. РУДЯК, А. А. ФЕДОРОВА

ГОДЫ
ПОДПОЛЬНОЙ
БОРЬБЫ

И. Д. ИВАНОВ

ГЕРОИЧЕСКИЕ ГОДЫ

Михаила Ивановича Калинина я знал с 1896 года, когда мы оба работали на Путиловском заводе и жили в одной квартире. Двадцатилетний парень с мужиковатой наружностью, в замасленной рабочей одежде, он выглядел значительно старше своих лет. Зато в праздничные дни он преображался: надевал накрахмаленную сорочку, костюм, пальто, шляпу и обязательно брал трость.

Уже в то время Михаил Иванович неплохо знал не только русскую художественную литературу и критику, но и иностранную. Поэтому беседовать с ним было всегда интересно. Рабочие цеха обращались к нему по вопросам и литературы, и религии, и политики, и быта. Не помню случая, чтобы он когда-нибудь не ответил на заданный ему вопрос. После работы часто можно было видеть Михаила Ивановича сидящим за книгой. В праздничные дни книга опять была его верным спутником.

В характере Михаила Ивановича не было ни кичливости, ни зазнайства. Он относился к товарищам со свойственными ему мягкостью, добродушием и никогда, без нужды, не обострял отношений с людьми. Где бы ни появлялся Михаил Ивано-

вич, он всегда вносил в коллектив живость, душевность. Михаил Иванович был очень прост и скромен. Он никогда не считался с товарищами в грошовых делах, терпеть не мог, когда кто-нибудь заводил препирательства по мелочам, и как следует отчитывал спорщиков.

В те годы Михаил Иванович вел активную пропагандистскую работу, руководил политическими кружками. Авторитет его рос с каждым днем. К станку Михаила Ивановича приходили рабочие не только нашей, но и других мастерских завода.

Царская охранка прослышала про наши кружки и в июле 1899 года арестовала около 60 человек. Михаил Иванович, как один из руководителей, просидел в «предварилке» 10 месяцев, затем его выслали в Тифлис.

В 1902 году я приехал к Михаилу Ивановичу в Ревель, куда он был переправлен из Тифлиса, и доставил ему нелегальную литературу. Всю ночь мы не спали. Михаил Иванович расспрашивал о делах в Петербурге, говорил о положении в Ревеле. На следующий день Калинин показал мне город и познакомил со своими друзьями. Нужно отметить, что до появления Михаила Ивановича в Ревеле почти никакой политической работы среди местных рабочих не велось. С его приездом положение резко изменилось. Михаил Иванович разыскал высланных в Ревель товарищей и привлек их к работе в социал-демократической организации.

В 1904 году Михаил Иванович был выслан из Ревеля в город Повенец бывшей Олонецкой губернии. Из ссылки Михаил Иванович заехал ко мне в Петербург, расспрашивал о петербургских событиях и рабочем движении.

После октябрьской амнистии 1905 года Калинин вернулся на Путиловский завод. Скоро он стал одним из руководителей социал-демократической организации не только на заводе, но и в Нарвском районе.

Когда арестовали первый Петербургский Совет рабочих депутатов, Михаил Иванович был избран

в позый состав Совета. Под руководством Калинина была создана боевая дружина. Во время локаута на Путиловском заводе в конце декабря 1905 года Михаил Иванович входит в комитет безработных и организует помощь нуждающимся. Своей активной деятельностью он снова привлекает внимание охранки, что вынуждает его выехать из Питера.

В 1906 году Михаил Иванович возвращается в Петербург, но теперь уже в другой район, на Трубочный завод. Здесь он быстро знакомится с рабочими, ведет подготовку к Стокгольмскому партийному съезду, на который его выбирают делегатом от Василеостровского района.

По возвращении со съезда Калинин избирается членом правления Союза металлистов. С каждым новым арестом и высылкой Михаил Иванович приобретает все больший опыт революционной борьбы и конспирации. Когда назревала опасность быть схваченным, он старался временно уехать куда-нибудь из Петербурга, чаще всего в деревню, на родину.

Михаилу Ивановичу нельзя было присутствовать на более или менее нелегальном собрании. В этом отношении показателен случай, имевший место в период проведения предвыборной кампании в IV Государственную думу по рабочей курии. Михаил Иванович пришел на нелегальное собрание, где присутствовало человек десять, не больше. И все — вроде проверенные товарищи. Между тем при аресте ему предъявили обвинение в руководстве выборами в Думу. Следовательно, среди участников собрания был провокатор.

Несмотря на многократные аресты и ссылки, Михаил Иванович никогда не терял бодрости духа — всегда был весел, жизнерадостен и полон энергии. Огорчался он лишь тогда, когда ему не удавалось избежать очередного ареста.

— Досадно, как это я не предвидел... и остался дома ночевать. Вот и опять попал! — с сожалением говорил он.

Проработав вместе с Михаилом Ивановичем с 1913 по 1916 год, я не помню ни одного случая, когда в рабочем коллективе ему не принадлежала бы ведущая роль при решении какого-нибудь политического вопроса. Михаил Иванович умел разобратся в обстановке, проанализировать положение и сделать правильные выводы.

М. И. Калинин вел непримиримую, решительную борьбу против меньшевиков. В своих выступлениях против них в период первой мировой войны он говорил:

— У вас осталась только способность носить шлейф буржуазии и мешать рабочему классу наступить на этот шлейф, чтобы окончательно обнажить всю подлость ее. Посмотрите на германских социал-демократов: в кого они превратились, где их принципы? Вы в них увидите себя.

Опытный революционер, Михаил Иванович умел по поведению точно определить, истинным товарищем рабочих является этот человек или нет.

Заметив в ком-либо неискренность по отношению к делу, Михаил Иванович становился более сдержанным, проверял свои наблюдения, спрашивал о мнении других товарищей, и в конечном счете его предположения оправдывались. Так было с провокатором Шуркановым и другими. Михаил Иванович говорил:

— Когда товарищ отстаивает в споре свою позицию, то чувствуешь, как это его задевает, как он живет этим. А вот Шурканов — он как рыба: все споры проходят мимо, ничуть не трогая его.

Способность М. И. Калинина находить, определять друзей, людей, болеющих за пролетарское дело, очень помогала ему в работе.

С. Я. АЛЛИЛУЕВ

БОРЕЦ ЗА РАБОЧЕЕ ДЕЛО

С товарищем Калининым я впервые встретился в 1900 году в городе Тифлисе, куда он был выслан из Петербурга, как один из активнейших членов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

По прибытии в Тифлис Михаил Иванович поселился недалеко от вокзала, около завода Яралова, в квартире ссыльного И. Н. Назарова. Вместе с Михаилом Ивановичем там проживало несколько товарищей из Москвы и Тулы. Все они столовались вместе на началах коммуны, хозяйством ведала жена Назарова — Дуня.

Весной 1900 года с помощью товарищей Михаил Иванович поступил работать токарем в Тифлиские мастерские закавказских железных дорог.

Пребывание Михаила Ивановича в Тифлисе совпало с тем периодом, когда при активном участии ссыльных социал-демократов было уже организовано много марксистских кружков. Членами кружков являлись революционно настроенные и передовые рабочие железнодорожных мастерских, паровозного депо, многих заводов и фабрик Тифлиса.

Михаил Иванович Калинин, 25-летний питерский рабочий, имел трезвый, пытливый ум, был более развит, чем многие другие ссыльные. На одном

из многочисленных нелегальных собраний активистов тифлисской организации, происходившем в горах близ поселка Нахаловка, Михаил Иванович ознакомил рабочих с программой и революционной деятельностью Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Поступив на работу в мастерские, М. И. Калинин близко познакомился с видными революционерами, активными руководителями Тифлисской социал-демократической организации, быстро завоевал уважение и доверие рабочих. Его радовала самоотверженность грузинской молодежи, рвавшейся к революционной борьбе, готовой на любые лишения и жертвы.

Михаил Иванович горел свойственным ему революционным порывом, стремился как можно шире развить агитационную деятельность среди рабочих масс. Но мы сдерживали и берегли Мишу (так называли мы тогда Михаила Ивановича) для других, более полезных дел. Да и местная партийная организация не разрешала ему, как ссыльному, подвергать себя риску и выявлять свою революционную активность. Поэтому его использовали как пропагандиста больше всего вне мастерских и вечерами, по окончании работы.

После маевки, проведенной в горах, заметно повысилось революционное настроение рабочих частных предприятий города. В начале июля началось брожение и среди рабочих железнодорожных мастерских, где Михаил Иванович Калинин руководил в это время нелегальными кружками.

Жандармский ротмистр Цисс впоследствии писал в Департамент полиции донесение, что, согласно признанию одного рабочего, арестованного за участие в августовской забастовке, в железнодорожных мастерских в нелегальном кружке занимался пропагандой и популярным изложением революционного учения Маркса находящийся в Тифлисе поднадзорный рабочий М. И. Калинин, высланный из Петербурга за революционную деятельность.

Августовская забастовка 1900 года началась первого числа, сразу после ареста в ночь на 31 июля нескольких рабочих-активистов. Среди арестованных был и я. Забастовка в железнодорожных мастерских продолжалась две с лишним недели. Михаил Иванович в эти дни развил широкую пропагандистскую деятельность среди бастующих рабочих и семей арестованных. Поддерживая революционный дух, ободряя маловеров, он убеждал их в том, что необходимо держаться как можно дольше и во что бы то ни стало.

Михаил Иванович на этот раз случайно избежал ареста, но из мастерских был все-таки уволен. После окончания забастовки он долгое время оставался без средств к существованию, продолжая при этом революционную работу в условиях самой сложной конспирации.

В декабре 1900 года Михаил Иванович был арестован. После двухмесячного пребывания в Метехской тюрьме ему запретили находиться в Закавказье, и он вынужден был выехать в Прибалтийский край, в город Ревель.

Снова я встретился с Михаилом Ивановичем уже в 1907 году, в Петербурге, откуда он вынужден был вскоре из-за преследований выехать в Москву.

В начале лета 1910 года я видел Михаила Ивановича в Москве. М. И. Калинин работал тогда на электростанции московского трамвая.

В 1912 году он вернулся в Петербург и продолжил свою неутомимую революционную деятельность. С осторожностью опытного конспиратора-подпольщика вел Михаил Иванович неустанную работу по созданию нелегальных кружков, особенно на заводе «Айваз», где он трудился в предвоенные годы и во время войны.

За этот период мы с Михаилом Ивановичем встречались изредка на Выборгской стороне.

К. М. РОХТМА

АГЕНТ «ИСКРЫ»

В 1901 году в Ревеле 15-летним парнем я поступил на работу в железнодорожные мастерские.

Однажды в обеденный перерыв Михаил Иванович Калинин остановил меня. Он поинтересовался, как идет моя работа и из какой я семьи. Еще в школе я учился русскому языку, поэтому понял Михаила Ивановича и смог ему ответить. Я рассказал, что происхожу из рабочей семьи и что тяжелое материальное положение вынудило меня прервать учебу и поступить на работу. Внимательно выслушав меня, товарищ Калинин стал говорить о том, как нелегка доля рабочих под гнетом эксплуататоров, как велика опасность безработицы, подстерегающая рабочих на каждом шагу.

Работали мы в депо по 14—15 часов, получая в день 60—80 копеек. На эти деньги рабочий едва мог прокормить только себя, на семью же не оставалось ни копейки. Напоминание об этом пробудило во мне горькое чувство, но вместе с тем возникло и желание борьбы с угнетателями.

После первой беседы с товарищем Калининым я почувствовал сильное влечение к этому человеку. Я и раньше часто задумывался над несправедли-

востью жизни, но мысли мои были расплывчатые, неопределенные. До сих пор мне не казалось странным, что мы, рабочие, должны наполнять карманы капиталистов. Теперь же у меня открылись глаза: стало ясно, что только путем борьбы сможет рабочий класс завоевать себе свободу.

Товарищ Калинин старался всеми способами расширять кругозор рабочих. Из-за слежки жандармерии, подозревавшей Михаила Ивановича в революционной деятельности, организовывать собрания было почти невозможно. Но зато ему очень ловко удавалось распространять ленинскую газету «Искра» среди тех рабочих, которые владели русским языком. Калинин размножал газету на гектографе. Он часто давал и мне «Искру», причем всегда говорил:

— Возьмите, прочтите, дайте другим рабочим и потом возвратите мне.

Мы переводили номера «Искры» на эстонский язык и с увлечением читали их. С непонятными нам вопросами обращались к товарищу Калинин. В обеденный перерыв Михаил Иванович обычно беседовал с нами и часто подчеркивал:

— Помните, только в социалистическом обществе могут рабочие вкушать плоды своего труда; только в социалистическом обществе нечего бояться безработицы, а труд станет для людей делом чести. Но для этого нам надо бороться и быть бдительными.

Распространение «Искры» и разъяснительная работа требовали от товарища Калинина исключительной осторожности, потому что за каждым его шагом следила жандармерия. Но, несмотря на многочисленные обыски у товарища Калинина, найти «Искру» у него никогда не удавалось. Прятать ее помогали и мы, рабочие: номера «Искры» мы хранили в половицах цеха.

Только сейчас, вспоминая те годы, я представляю, насколько трудной была революционная деятельность товарища Калинина. Тем не менее он всегда поднимал революционный дух рабочих, раз-

вивал их политическое сознание, вселял в них бодрость и учил как практике, так и теории революционной борьбы.

Я горжусь тем, что мне привелось работать с товарищем Калинин, мудрым человеком, неутомимым организатором, боевым руководителем рабочих. Много, очень много сделал он для эстонского рабочего класса!

Т. А. СЛОВАТИНСКАЯ

МОИ ВСТРЕЧИ С КАЛИНИНЫМ

Это было в 1902 году, в Ревеле. Там я впервые встретила с Михаилом Ивановичем. Он работал на заводе Вольта, но держал связь со всеми революционными организациями на ревельских предприятиях.

В социал-демократической организации Михаил Иванович пользовался огромным авторитетом. Он обладал удивительным свойством втягивать людей в работу, учить их революционной борьбе, организовывать вокруг себя пролетарские массы. У него были помощники среди учащейся молодежи, среди учителей и адвокатов, которые выполняли разные поручения: переводили листовки на эстонский и латышский языки, печатали прокламации, переписывали, размножали и хранили литературу, предоставляли помещения для собраний, руководили кружками и т. д. Все они очень любили и уважали Калинина.

Вместе с Михаилом Ивановичем мы работали в Ревеле около года, а затем его арестовали и выслали в Олонецкую губернию, в город Повенец.

Перед высылкой мне удалось нелегально повидаться с ним. Он передал мне необходимые сведения для связи с предприятиями, и тогда же мы

условились, как будем поддерживать связь с тюремной и ссыльными.

Михаил Иванович часто писал нам из Повенца. Он интересовался нашей работой, припоминал людей, о ком надо позаботиться, кому и чем необходимо помочь. Мы посылали ему литературу, писали о нашей жизни.

Следующая моя встреча с Михаилом Ивановичем произошла в Петербурге, в конце 1905 года. Вскоре после этого он поехал на Стокгольмский съезд партии, а я была арестована. Только через два года, в период жесточайшей реакции, я вновь увидела Михаила Ивановича. Работал он тогда на Трубочном заводе, на Васильевском острове.

Во время империалистической войны я встретила Михаила Ивановича ярым пораженцем. Помню, мы с ним и другими рабочими встречали за городом, в семейной обстановке, Новый год. Встреча прошла замечательно. Михаил Иванович был весел, много пел, беседовал о наших делах. Говорили о том, что только революция приведет к концу кровавую империалистическую войну. А через несколько дней Михаила Ивановича арестовали.

Встречала я Михаила Ивановича и в годы гражданской войны, в частности, в городе Вольске. В то время он разъезжал по всей стране в агитпоезде и на агитпароходе.

В Вольске Михаил Иванович выступал на площади перед огромной массой народа. Тут были и красноармейцы, и рабочие, и крестьяне. Калинин говорил просто, душевно, понятно, искренно. Он разъяснял положение в стране, события последних дней, рисовал перспективы будущего, призывал на борьбу с белобандитами и прочими врагами диктатуры пролетариата. Слушали его исключительно внимательно — видно было, что аудитория чувствовала в нем близкого и родного человека.

Мне пришлось быть на родине Михаила Ивановича, в деревне Верхняя Троица. Я убедилась, что вся деревня от мала до велика знает Калинина, любит его и всегда с нетерпением ожидает его при-

езда. Мне неоднократно приходилось встречать на квартире Михаила Ивановича в Москве его односельчан, которые у него останавливались.

Однажды, это было в 1921 году, мы с Михаилом Ивановичем отправились к нему в деревню. Всю дорогу от Кимр до Верхней Троицы ехали ночью на машине. Заслышав машину, крестьяне высовывались в окна и спрашивали:

— Надолго ли к нам, Михайло?

Михаил Иванович отвечал:

— Дня на три.

— Ужо придем, увидимся, — слышали мы вдогонку.

Утром зашли мы в волисполком. Тут Михаила Ивановича встретили очень радостно. Сразу же заметили:

— Вот кстати приехал, поможешь разобраться в одном путанном деле.

Михаил Иванович задержался в волисполкоме часа на два. В путанный вопрос, касавшийся сенокоса, была внесена ясность.

Наконец мы приехали в Верхнюю Троицу. Вместе с нами вошло в дом человек десять-пятнадцать, преимущественно женщины.

Нас встретила старушка-мать — приветливая, добродушная, с умным лицом и совсем детскими синими глазами.

Изба быстро наполнилась, начались обычные разговоры, расспросы о работе, о людях, о нуждах, о разных деревенских новостях.

Вечером решили встретиться на сходе. После ухода гостей Михаил Иванович сказал мне:

— Видала наших женщин? Каковы! Годятся в командиры!

Скоро пошли на сход. Товарищ Калинин провел беседу о положении в стране...

Провели мы в деревне три дня, но они были истине незабываемыми.

А. Г. ПРАВДИН

В ОЛОНЕЦКОЙ ССЫЛКЕ

Впервые я встретился с Михаилом Ивановичем Калининым в тюрьме Лодейного поля. Это было в апреле 1904 года. Михаилу Ивановичу было тогда 29 лет, но выглядел он старше, так как носил бороду и очки.

По своей солидности, серьезности, начитанности, крепкой марксистской подготовке и большому практическому революционному опыту, по глубокому знанию жизни, умению подойти тактично к каждому человеку и повлиять на него в положительную сторону Михаил Иванович заметно выделялся среди остальных заключенных.

В ссылку он привез с собой небольшую, но толково подобранную библиотечку легальной марксистской литературы. Благодаря этим книгам мы более глубоко изучили марксизм и революционное рабочее движение, подготовив себя к дальнейшей борьбе с самодержавием.

Из Лодейного поля нас направили пешком по этапу в Петрозаводск, и в пути я еще более сдружился с Михаилом Ивановичем.

В Петрозаводске мы попали в очень тяжелые условия: теснота, грязь, клопы, плохая пища, придирки и притеснения со стороны самодура-началь-

ника. Нам отказали в пользовании письменными принадлежностями и книгами — все сложили в цейхгауз. Мы потребовали вызова прокурора для передачи ему жалоб на действия администрации.

У кого-то из нас была с собой нелегальная брошюра о восьмичасовом рабочем дне, на которой не было штампа тюремной администрации, дающего право на провоз ее с собой. Начальник произвел в наше отсутствие обыск и в сданных на хранение в цейхгауз вещах обнаружил эту брошюру. Он не мог определить, в чьих именно вещах она находилась, и заподозрил в хранении брошюры Михаила Ивановича. Был вызван жандармский ротмистр, и началось дознание по поводу злополучной брошюры.

Мы заявили ротмистру протест против издевательств и провокаций начальника тюрьмы, обвиняя его в том, что он сам подбросил в наши вещи эту брошюру. Ротмистр растерялся и, обращаясь не то к начальнику тюрьмы, не то к нам, спросил:

— Что же теперь делать с этой брошюрой?

Михаил Иванович сказал ему:

— А вы отдайте ее мне. Я люблю читать хорошие книжки и, кроме того, еду на высылку в деревню, а там крестьяне; они еще не просвещены в этих вопросах, вот я и буду им читать.

Ротмистр рассмеялся и нашелся только ответить:

— Что вы, что вы? Это неудобно, этого сделать нельзя...

Тем дело с брошюрой и кончилось. Мы долго потом смеялись, вспоминая находчивость Михаила Ивановича.

Из губернского города Петрозаводска нас направили в Повенец. Туда от Лодейного поля мы шли пешком два месяца и прибыли в июне, пройдя около трехсот километров. Шли так медленно потому, что подолгу задерживались на этапах.

В одной из деревень конвоира пригласили гулять на крестьянскую свадьбу, и он ушел, оставив меня с Михаилом Ивановичем без надзора.

По возвращении конвоира Михаил Иванович с присущим ему юмором начал вышучивать его:

— Зачем бросил нас, только в соблазн вводишь. Собрались уж было бежать, а ты изволил не вовремя явиться; каково весело нам тут было сидеть, зная, что ты там пьешь и гуляешь на свадьбе! Да еще и вернулся ни с чем.

— Чтобы теперь ты убежал — никогда не пове-рю, — с непоколебимой уверенностью возразил конвоир и эту уверенность, неожиданно для нас, обосновал очень толковыми соображениями о том, как и когда, в смысле подготовки и выбора момента, сделает побег настоящий серьезный революционер, добавив, что Михаил Иванович, он чутьем распознал, именно таким и является.

Конвоир этот оказался жителем Повенца, по профессии сапожником. Он проникся таким почтением к Михаилу Ивановичу за время пути, что торжественно пообещал ему собственноручно сшить сапоги.

Узнав о приближении нашего этапа, навстречу нам из Повенца вышла довольно значительная группа уже находившихся там ссыльных. Они тепло, по-товарищески приняли нас. С большой радостью мы узнали от них, что тюрьмы в Повенце нет. Нас зарегистрировали в полиции и отпустили, обязав явиться через три дня. Мы разбрелись по квартирам ссыльных товарищей.

Мне и Михаилу Ивановичу назначено было поселиться в одном карельском селе, в 85 километрах от Повенца. Но Михаил Иванович подал исправнику заявление, прося разрешить ему подождать в Повенце прибытия его семьи, которая якобы вскоре должна к нему приехать. Просьбу Калинина удовлетворили.

Через 4 месяца и я добился разрешения вернуться в Повенец и поселился там на одной квартире с Михаилом Ивановичем.

Повенец был небольшим уездным городком с населением около двух тысяч человек, со значительным контингентом ссыльных в их числе. Когда

я вернулся сюда, Калинин был уже знаком почти со всеми жителями этого городка. Все величали его «Михаилом Ивановичем» и относились к нему с глубоким уважением.

Среди ссыльных были представители разных партий. Рефераты, дискуссии и просто споры в кружках требовали от их участников большой практической подготовки, умения оперировать научной аргументацией.

И надо отдать справедливость Михаилу Ивановичу: он так умело оперировал этой аргументацией, так хорошо был теоретически подготовлен, что никто не мог перед ним устоять в политических спорах.

Наряду с работой над собой и с ссыльными Михаил Иванович вел агитацию и пропаганду и среди коренного населения Повенца.

Местного почтальона он подготовил к вступлению в партию большевиков, и тот, получив от Михаила Ивановича явку в Петербург, поступил там на завод и принимал активное участие в революционных выступлениях.

Помню, нам надоедал своими контрольными визитами стражник Климов. Как-то заглянул он к нам в то время, когда Михаил Иванович пил чай вместе с приехавшим в Повенец за покупками пономарем из отдаленного села.

Климов не знал этого пономаря и очень заинтересовался, кто он такой. Михаил Иванович сказал ему:

— Ведь ты донесешь или проболтаешься.

Но Климов пристал к Михаилу Ивановичу:

— Я лучше умру, но никому не скажу.

— Ну, смотри, — ответил Михаил Иванович, — на твоей совести это будет.

Климов сгорал от любопытства.

Тогда Михаил Иванович доверительно сообщил ему, что это ссыльный, бежавший из Архангельской губернии, и что он пробирается в Петербург.

Климов сорвался и побежал доносить исправни-

ку, а пономарь пошел в лавку за покупками. Там его настиг Климов и потребовал предъявить паспорт. Пономарь взмолился:

— Что вы, родимые, я духовное лицо, сроду паспортов не имел.

Тогда Климов начал обыскивать пономаря и уже хотел было его «замести», на него набросились купец и кое-кто из жителей Повенца, знавшие давно пономаря. Климов оказался посрамленным.

В следующий очередной визит Климова к нам Михаил Иванович ему заявил:

— Ну, Климов, больше чтоб твоей ноги здесь не было, проверяй у хозяйки, в сенях! — и выгнал его.

К концу 1904 года мы с Михаилом Ивановичем решили бежать из ссылки, но неожиданная удача изменила наши намерения.

Михаилу Ивановичу разрешили выехать на побыску в родное село Верхняя Троица, а мне, по состоянию здоровья, на мою родину — в Курскую губернию.

Перед нашим отъездом в Повенец пришла весть о событиях 9 января 1905 года. Мы сторгозались с крестьянином-карелом, и он за десять дней довез нас до Петербурга.

Здесь, после событий 9 января, трудно было найти ночлег, так как шли повальные обыски и аресты. Посоветовавшись с Сергеем Ивановичем Гусевым и Еленой Дмитриевной Стасовой, мы решили, что Михаил Иванович выедет к себе на родину, заявит там о себе и уж после возвратится в Петербург, а я останусь работать на нелегальном положении...

Вторая моя встреча с Михаилом Ивановичем произошла в 1906 году на Стокгольмском съезде партии, куда мы оба были избраны делегатами.

Накануне съезда около 60 делегатов из России, в том числе товарищи Ворошилов, Калинин, Луначарский, Румянцев, Сталин, Скворцов-Степанов и др., съехались в город Ганге (Финляндия) и на пароходе вместе с делегатами-меньшевиками выехали в Стокгольм.

По пути, в шхерах, пароход наскочил на риф.

На другом судне нас возвратили в Ганге... Прибыв в Стокгольм, мы сразу же узнали о том, что почти все рабочие, делегированные на съезд, являются большевиками, но что благодаря примиренцам меньшевики имеют делегатов на 5 человек больше, нежели мы.

Это обстоятельство подало меньшевикам иллюзорную надежду расколоть большевистское меньшинство, склонив на свою сторону рабочих делегатов, и тем обеспечить себе победу на съезде.

С этой целью меньшевик Аксельрод предложил нам, рабочим делегатам, собраться отдельно и заслушать его, специальный для нас, доклад. Помню, как взорвало всех нас это приглашение меньшевиков.

— Что они, за осликов нас что ли считают! — возмущался тогда Михаил Иванович.

Мы высказали свое негодование Владимиру Ильичу, а он нам спокойно ответил:

— Ничего, можно. Соберитесь.

Мы собрались. Городил, городил Аксельрод перед нами свой доклад... А в это время незаметно вошел Ильич. Сел в сторонке и слушает. Немало мы тогда, в том числе и Михаил Иванович, бросили реплик по поводу выдвигаемых Аксельродом положений. А потом начали друг за другом выступать по докладу и так его расчистили, что Аксельрод растерялся. А тут еще поддал Ильич. Докладчик покинул нас, вернее, он выскочил, как из бани.

— Я не знал, что они так развиты, — говорил Аксельрод после этого собрания.

Со Стокгольмского съезда партии Михаил Иванович вернулся в Петербург.

В третий раз я встретился с Михаилом Ивановичем в Петербурге, куда приехал в январе 1908 года. Калинин работал тогда на заводе и весь отдавался борьбе с меньшевиками и эсерами. Особенно много внимания уделял он этой борьбе в Союзе металлистов, членом правления которого состоял. Одновременно Михаил Иванович вел большую руководящую и организационную работу, сплавивал разроз-

ненные силы большевиков Трубочного и других заводов.

Популярность Михаила Ивановича на заводах и фабриках росла с каждым днем: недаром же он заслужил всеобщее признание как вожак революционных рабочих Петербурга.

Любил Михаил Иванович бывать на Лиговке... И нас, его близких товарищей, водил туда. Там, в чайных и трактирах, очень часто встречались интереснейшие люди: рабочие, ремесленники, приезжавшие в Питер крестьяне. За чашкой чая обсуждались не только злободневные вопросы политической жизни, но и шли споры о религии, на отдельные философские темы. И в беседах, и в спорах Михаил Иванович всегда правильно трактовал вопросы, интересующие собеседников.

Терпеливо, с большой настойчивостью искал и находил Михаил Иванович нужных Коммунистической партии людей, тактично воспитывал и готовил их к революционным выступлениям.

К. Н. БЕДНЯКОВ

НЕУТОМИМЫЙ ОРГАНИЗАТОР И ПРОПАГАНДИСТ

Помню, для товарищеской встречи нового 1903 года у меня на квартире собрались человек двадцать рабочих с Трубочного завода. Михаил Иванович накануне приехал в Питер из Ревеля и с одним из товарищей пришел на эту вечеринку. Собравшиеся за столом оживленно обменивались мнениями по злободневным вопросам политической жизни страны, затрагивали литературные и исторические темы.

Михаил Иванович принял живое участие в нашей беседе и своими репликами произвел впечатление теоретически весьма подготовленного человека.

Вспоминаю, как при обмене мнениями об историческом значении Петра I он сумел показать реакционную роль самодержавия для развития России, разъяснить преимущества более прогрессивных форм государственной власти и революционную роль пролетариата.

Все остались очень довольны вечеринкой и разошлись по домам в приподнятом настроении, с верой в будущее, о котором говорил Михаил Иванович.

Следующая моя встреча с Калининым произошла 22 января 1905 года.

Михаила Ивановича и А. Г. Правдина отпустили из ссылки на побывку в родные места. Они приехали в Петербург и зашли ко мне ознакомиться с положением в организации после событий 9 января, восстановить партийные связи, получить явки, директивы.

В это время в столице шли повальные обыски и аресты. Были основания полагать, что и ко мне могут нагрянуть полицейские. Поэтому я предложил товарищам Калинин и Правдину вместе со мной пойти переночевать к руководителю социал-демократического кружка на Трубочном заводе Василию Коптеву.

Товарища Коптева мы дома не застали. Он работал в ночной смене, и нас устроила на ночлег его жена. Улеглись мы на полу, на одном тюфяке, укрывшись кое-чем.

В эти дни Коптев производил среди рабочих сбор средств для оказания помощи жертвам 9 января и их семьям. Полиция узнала об этом и явилась к Коптеву часа в 4 утра, как раз тогда, когда мы у него ночевали.

Услышав шум, я разбудил крепко спавших товарищей. Уходить было поздно, к тому же в комнате, где производился обыск, оставался пиджак Михаила Ивановича с его проходным свидетельством и другими документами. Нам пришлось войти в эту комнату, чтобы попросить у полиции разрешения уйти «на работу».

В этот момент приютившая нас хозяйка и пристав резко спорили о чем-то. Оказалось, что жена Коптева заметила, как околоточный надзиратель сунул себе в карман, по-видимому, с ведома и поощрения наблюдавшего за обыском пристава, две двадцатипятирублевки из нескольких сот рублей общественных сумм, обнаруженных при обыске.

Препиравшиеся с хозяйкой полицейские были настолько отвлечены спором, что на нас не обратили никакого внимания. Когда мы попросили у

пристава разрешения уйти, тот, с целью избавиться от присутствия нежелательных свидетелей, охотно изъявил свое согласие.

Мы, опасаясь, что полиция может спохватиться, постарались поскорее удалиться и отправились на 13-ю линию Васильевского острова к рабочему Трубочного завода Карпу Тихомирову.

Михаил Иванович с товарищем Правдиным остались у ворот, а я, зайдя в квартиру, узнал, что час назад в ней был обыск и что товарищ Тихомиров арестован.

Попытка зайти к другому рабочему Трубочного завода чуть не кончилась для нас новой бедой. Нас успели предупредить соседи, что в его квартире тоже идет обыск.

Так мы и проходили всю эту ночь, не найдя пристанища. А сколько вообще пережил товарищ Калинин таких ночей! Но они не сломили сил Михаила Ивановича. Спокойно, бодро, с шутками пошел он в тот день по полученным от меня явкам и адресам.

Накануне амнистии в октябре 1905 года я снова виделся с Михаилом Ивановичем. Узнав от моей матери, что я содержусь под арестом в Спасской части, он пришел ко мне на свидание и принес передачу. Такая забота и внимание до глубины души тронули меня.

Через несколько дней я был освобожден по амнистии и стал еще чаще встречаться с Михаилом Ивановичем.

Товарищ Калинин вел кропотливую и напряженную работу: спланировал, объединял кружки рабочих социал-демократов, разоблачал оппортунистов всех мастей.

В первых числах ноября 1905 года он пригласил меня в Соляной городок на собрание, организованное полком Гапоном, который пытался в те дни восстановить свое влияние и объединить вокруг себя рабочих. Выступить на этом собрании с разоблачением гапоновщины нам не пришлось, так как это сделал наш товарищ Крыленко, известный тогда

под кличкой «Абрам», и мы ушли на другое рабочее собрание. Михаил Иванович не позволял себе тогда оставить не использованным для революционной работы хотя бы один вечер!

Мне пришлось работать вместе с товарищем Калининым в одной из мастерских Орудийного завода, где я был слесарем, а Михаил Иванович — токарем-шлифовальщиком. Рабочие любили его за шутки, острые реплики, за толковое разъяснение вопросов экономической и политической борьбы рабочих.

Вне завода все свое время отдавал Михаил Иванович партийной работе. Отдавал он ей и средства из своего личного заработка — поддерживал арестованных, безработных и нуждающихся товарищей.

В 1911—12 гг. Михаил Иванович вместе со мною состоял членом правления Сампсониевского общества образования, помещавшегося на Выборгской стороне, в Бабурином переулке. Это была легальная организация рабочих, ставившая своей целью объединить рабочих для повышения их культурного уровня. В Сампсониевском обществе не было единства: нелегально спланивались здесь отдельные фракции различных политических партий.

К тому времени, как мы вошли в состав правления, в обществе пользовались влиянием и занимали руководящее положение меньшевики. Нам предстояло здесь потрудиться... Начали мы с того, что наряду с музыкальными вечерами стали устраивать лекции, доклады и дискуссии. Кроме того, мы начали использовать помещение общества под нелегальные собрания большевиков. В непродолжительный срок Михаил Иванович сделал общество центром большевистской работы в Выборгском районе.

В ноябре 1912 года на Орудийном заводе состоялась однодневная политическая стачка. За организацию ее Михаила Ивановича и некоторых других товарищей арестовали и после допроса в

охранном отделении поместили в Александро-Невскую часть.

По истечении месяца нас освободили и предложили выехать из Петербурга, объявив 64 пункта, в коих жить нам запрещалось. Станция Озерки по Финляндской железной дороге, расположенная в 15 километрах от Петербурга, находилась уже за границей Петербургского уезда, и мы избрали ее местом ссылки.

Под давлением наших товарищей на администрацию Орудийного завода мы были восстановлены на работе, хотя и чувствовали себя на полулегальном положении.

Эта непрочность нашего положения вскоре сказалась. В конце января 1913 года за Михаилом Ивановичем и мной явилась полиция. Я еще не вернулся с обеденного перерыва, а товарища Калинина вызвали в проходную контору, предложили одеться и арестовали за то, что он находился в Питере, не имея на это права, как высланный.

М. Е. МАСЛЮК

ЗАЩИТНИК РАБОЧИХ

Познакомился я с Михаилом Ивановичем Калининым через товарища Беднякова в Петербурге, и если мне не изменяет память, на одном из собраний в «Вольном экономическом обществе». Бедняков отрекомендовал меня Калинину и сказал при этом, что Михаил Иванович только что вернулся из ссылки и его необходимо устроить куда-нибудь на работу. Я ответил, что приму все меры к тому, чтобы М. И. Калинин поступил к нам на Трубочный завод.

Это было примерно в начале 1906 года. Калинин был принят на завод токарем-лекальщиком. Но как?! Когда я ходатайствовал за Михаила Ивановича у начальника мастерской капитана Перского, последний спросил у меня:

— Кто он такой?

Я ответил, что он мой дядя.

— А где он шатался в 1905 году? — продолжал Перский.

— Жил в провинции...

— Ну, знаем мы этих дядей из провинции! Не нужно, — отрезал мне Перский.

Когда я вышел из кабинета, товарищи окружили меня и спрашивают, как дела.

— Отказал, черт бы его подрал, не знаю дальше, как и быть.

Прошло немного времени. Смотрю, бежит сторож, вызывает меня к капитану. Прихожу... Перский говорит:

— Ну, пускай твой дядя придет завтра, я посмотрю, что он из себя представляет.

Не помню точно, какой у них был на другой день разговор с Перским. Во всяком случае, Калинин был принят на завод.

Должен заметить: Михаил Иванович мою рекомендацию вполне оправдал. Явился он к Перскому в коротком ватном пиджаке, в русской рубаше, в простых сапогах, подстриженным под скобку. Одним словом, выглядел он настоящим русским мужичком.

Вспоминается мне такой случай. Когда Михаил Иванович приступил к работе и сдал пробу, к нему подошли товарищи с подписным листом для устройства так называемой «привальной», т. е., попросту говоря, выпивки, но Калинин категорически отказался дать деньги и стал доказывать дикость этого обычая.

— Я,— сказал он,— не возражаю против уплаты трех рублей, но не на выпивку, а в пользу политических заключенных.

После этого разговора усилился сбор средств в пользу революции. Деньги давали даже старички, но только они просили не заносить их в списки.

Калинин был очень хорошим работником и в то же время прекрасным организатором масс. Он сколотил вокруг себя партийный актив и завоевал симпатию со стороны основной массы рабочих. Авторитет Михаила Ивановича был настолько высок, что партийная организация послала его на Стокгольмский съезд РСДРП. Незадолго до Стокгольмского съезда Калинин на митинге в одной из аудиторий Петербургского университета, защищая нашу, большевистскую платформу, выступал против меньшевиков.

На заводе в то время считалось за правило обы-

скивать рабочих, выходивших на улицу. Причем это делалось очень грубо — рвали шапки, пуговицы, мяли бока и т. д. Это, конечно, вызывало недовольство среди рабочих. Решено было послать к администрации завода делегацию с требованием отмены обысков.

Делегация, которую возглавлял Михаил Иванович, отправилась к помощнику начальника завода полковнику Данилову. Товарищ Калинин стал доказывать ему всю несоразность и дикость обысков и требовал их отмены. При разговоре он сильно жестикулировал. Стоявший рядом начальник 3-й мастерской, махровый черносотенец Глушков, обратился к Данилову и сказал:

— Что это вы позволяете каждому рабочему тыкать себе в нос и читать нравоучения.

На следующий день по приказу полковника Данилова Михаил Иванович был уволен с завода. В тот же вечер собралась группа большевиков и решила провести забастовку протеста против увольнения Михаила Ивановича. Но он выступил против, заявив, что нецелесообразно в данный момент бастовать, так как нужно побережь силы для более важных событий. Забастовки, по его настоянию, не состоялось.

Вскоре Михаил Иванович Калинин уехал в Москву, и мы увиделись с ним только в 1912 году, по возвращении его в Петербург. Он поступил на Орудийный завод и жил в Озерках. Мы неоднократно посещали Михаила Ивановича и устраивали у него собрания.

В конце 1914 года Калинин зашел как-то ко мне на квартиру и стал уговаривать перейти работать на завод «Айваз», где в то время была довольно крепкая большевистская организация. Михаил Иванович был признанным руководителем большевиков «Айваза» и пользовался на заводе огромным авторитетом среди рабочих.

В 1916 году Михаил Иванович был арестован и просидел в тюрьме семь месяцев. После освобождения

дения он зашел ко мне и сказал, что его высылают из Петрограда.

— Нужно на дорогу подработать,— добавил Михаил Иванович.

Положение его в то время было, действительно, ужасное: семья большая, а средства к существованию — самые незначительные. Во время ареста Михаила Ивановича его жена кое-как разместила ребят у знакомых, а сама стала работать на заводе «Айваз».

Из Петрограда Калинин не выехал. Он перешел на нелегальное положение и с чужим паспортом поступил на работу в кооперативную мастерскую.

В 1917 году, примерно в июле-августе, мы с Михаилом Ивановичем вновь поступили на Трубочный завод. В скором времени после этого товарищ Калинин был избран в заводской комитет, а затем — и в районную думу.

М. Т. ИВАНОВА

ЖИЗНЬ, ПОЛНАЯ БОРЬБЫ

Однажды поздно вечером кто-то постучался к нам. Муж открыл дверь, и непередаваемая радость озарила его лицо. Перед нами стоял Михаил Иванович Калинин. Он только что вернулся из Олонецкой ссылки и вместе с товарищем Правдиным пришел к нам.

Товарищ Калинин походил скорее на крестьянина, чем на рабочего. Внешне он был очень прост, но когда заговорил, меня поразили его особенная деликатность и умение интересно, умно рассказывать. В нем чувствовалась исключительная бодрость, непохоже было, что он вернулся из ссылки.

Я заметила, что Калинин и Правдин — эти товарищи по революционной борьбе — были близки, как родные братья. Как они понимали друг друга, какие у них были высокие общие интересы! Признаюсь, мне стало стыдно за себя: я была совершенно неподготовленной для того, чтобы слушать и понимать этих товарищей. Я убежала в другую комнату. Муж с трудом уговорил меня провести вместе с ними вечер. И что это был за вечер! Друзья рассказывали о приобретенном ими в ссылке опыте, о готовности еще более непримиримо бороться с врагом.

— Ссылка,— сказал Михаил Иванович,— это хорошая школа, я там многому научился...

Товарищ Калинин никогда не говорил громких фраз, вроде: «Я пострадал за народ», «Я приношу себя в жертву» — и всегда спорил с теми, кто приносил их.

— Я рабочий, борюсь за свое освобождение, — говорил он.— Мое освобождение — это освобождение всего рабочего класса и трудящегося крестьянства.

Мы просидели тогда всю ночь. В 6 часов муж стал собираться на работу. Как мы жалели, что ночь оказалась такой короткой. БодроСТЬ, уверенность в победе рабочего класса вселили в нас дружья, вернувшиеся из ссылки.

Утром Михаил Иванович уехал. Прощаясь со мной, он сказал:

— Я еду в деревню повидаться с родными и порадовать их тем, что я на свободе.

В это время его отец был тяжело болен. Михаил Иванович любил своих родителей и всегда старался помочь им.

В Петербург Калинин вернулся осенью 1905 года, поступил на Путиловский завод и весь ушел в партийную и общественную работу. За Нарвской заставой был организован рабочий клуб большевиков. Там проводились собрания, читались доклады, распространялась литература. Там же создавалась и вооружалась боевая дружина.

Михаил Иванович был активным организатором этих собраний. Он жил у нас, и мы иногда вместе ходили в клуб. Я видела, как молодые рабочие собирались вокруг него, как просто беседовал он с ними. Помню, когда мы возвращались домой, рабочие всегда провожали нас.

Раз Михаил Иванович приходит и говорит:

— Вот что, голубушка, ты знаешь, что организуется черная сотня. Начались погромы евреев и революционных рабочих. Наша дружина должна быть готова к отражению врага и защите революции. Сегодня к нам пожалуют дружинники.

И вот они пришли к нам и заполнили наши две большие комнаты. Ночью посменно выходили дежурить на улицы, а остальные спали на полу вповалку. В большинстве своем это была молодежь, и самыми старшими из них были товарищи Калинин и Иванов.

Михаил Иванович сказал, что в клуб может нагрянуть полиция и разгромить его, а там хранится литература, которую надо обязательно распространить среди рабочих. Быстро перенесли мы всю литературу к нам и закопали в сарае.

Так клуб перекочевал к нам на квартиру. Душой этого клуба был Михаил Иванович. Квартира всегда была полна рабочих. Кто приходил за литературой, кто за советом, кто за тем, чтобы узнать что-нибудь новое. О себе Михаил Иванович не думал. Часто голодный, он забывал о том, что надо пообедать. Никогда не роптал на свою судьбу, всегда был бодрым, жизнерадостным, часто шутил:

— В предварилке отдохну, почитаю.

Надвигалась реакция. Начались аресты. Но Михаил Иванович уцелел на этот раз. У меня жила сестра, девочка 10 лет. Дочь дворника нашего дома, игравшая с сестрой, рассказала ей, что к ее отцу приходила тайная полиция и велела следить за нашей квартирой.

— Вашего очкастого Калинина скоро арестуют, — сказала она.

Сестра рассказала об этом, и Михаил Иванович уехал. Когда пришла полиция, он был уже далеко.

Летом 1908 года мы поехали с Калининным в его деревню. Жили там крестьяне бедно, скота было мало.

Семья Михаила Ивановича ютилась в маленькой избушке в одну комнату с перегородкой. В хозяйстве была одна корова и лошадь. А семья — шесть человек: кроме Михаила Ивановича, его жена и сын, старушка-мать и две сестры. Единственным работником-мужчиной был Михаил Иванович. Питались скудно: картошка, черный хлеб да постный суп, подбеленный молоком.

H (Sof)

Представление въ приемъ на работу. мастерская H дня Октября мѣсяца 1899 г.			
Имя, отчество и фамилія	Когда работѣ препятств. на работѣ	Когда работѣ препятств. на работѣ	Заключение доктора при освидѣтельствующемъ.
М. И. Калинина Рабочий книжку и правила предосторожности, прочитанныя мнѣ, получилъ	H	H	Завраха Крича На храмъ жертвовать вѣтъ не желаетъ
Начальникъ мастерской Утверждено: Директоръ завода Въ владѣющій листъ записки конторщика H			

Личная карточка М. И. Калинина — токаря Путиловского завода в Петербурге — с надписью:
 «На храм жертвовать не желает». 1898 г.

Михаил Иванович как только приехал, сразу взялся за работу: возил навоз, пахал землю, косил...

Крестьяне очень уважали и любили Калинина. Бывало, узнав о приезде Михаила Ивановича, они битком набивались в избу и просили рассказать им о том, чем живет сейчас город. А вечерами, после работы, зазывали Михаила Ивановича посидеть с ними на завалинке. Завернут мужики махорку, задымят, и начинается беседа. Кто улыбается, кто почесывает затылок, кто сдвигает хмуро брови, но слушают очень внимательно.

— Хорошо ты говоришь, Михаил Иванович, — вздыхал кто-либо из крестьян. — Но нам это не по плечу. Как мы можем бороться с помещиком? Он богат, значит, и силен, да и образован. А нам, неграмотным, трудно бороться.

Калинин сразу же разъяснял:

— Бороться вы не можете, а жить, как живете, — можете? Вы — малоземельные, а иные и совсем не имеют земли. Живете, как нищие: рваные, грязные, полуголодные, а иногда и совсем голодные. Это разве жизнь? Бороться не будете, тогда и жаловаться нечего. Ждите, когда барин вас живьем в могилу положит. Вот, смотрите, барское поле. Кто его обрабатывает? Вы. А где ваши поля? Их нет. Маленькие покосы, и то самые плохие. А косить надо ехать за версты... Бороться с барами трудно? А нам, рабочим, нетрудно?

Допоздна всегда затягивалась беседа Калинина с крестьянами.

После короткой летней ночи наступал тяжелый трудовой день.

Такой была жизнь Калинина в деревне, так проходила она и в городе. Труд, работа с народом, с массами...

Я не представляю Михаила Ивановича вне работы в большевистской организации. На какой бы завод он ни приходил, сейчас же знакомился с положением на месте: ведется ли здесь партийная работа и как она ведется. Когда нужно было проводить предвыборные кампании (в страхассу или в

Думу), он сейчас же ехал на большие заводы. У него-езде были друзья — члены партии. Он приезжал и говорил:

— Ребята, довольно лодырничать. Надо провести кампанию, не отстать от других районов.

Никто из товарищей не мог сказать ему «не могу» или «некогда» — так велик был его авторитет. Дружно брались за работу, и кампания проходила блестяще.

Были моменты, когда Михаил Иванович из-за усиленной слежки не мог посещать нелегальные собрания. Тогда товарищи обязательно шли к нему за советом.

Мне говорили работницы с завода «Айваз»:

— Что за человек товарищ Калинин! После беседы с ним как-то растешь. Многое становится яснее, и бороться хочется непримиримее.

Помню, кажется в 1913 году, мы вели ожесточенную борьбу с ликвидаторами, которые руководили Сампсониевским культурно-просветительным обществом. Необходимо было выгнать их и выбрать большевистское правление. Наша партия в те годы росла и влияние ее на рабочих было огромно, но охранка постоянно вырывала из наших рядов лучшие силы, бросала их в тюрьмы и ссылки. Многие товарищи жили нелегально. Вести работу приходилось молодым. Меньшевики же с полицией умели ладить. Они сохраняли свои силы для борьбы с большевиками.

Когда после выборов правления общества я пришла к Михаилу Ивановичу и рассказала, что в правление вошли одни большевики, он очень обрадовался.

— Я знал, что мы победим. Это — хорошо.

Жил Михаил Иванович очень скромно. Одна комната, очень просто обставленная. Жена, дети всегда были очень приветливы. Хочется отметить, что в воспитании детей Михаил Иванович был очень требовательным и, несмотря на крепкую отцовскую привязанность и любовь, никогда не баловал их.

Я заходила к Михаилу Ивановичу Калинин,

когда он был уже главой правительства, и находила в его семье ту же простую обстановку.

Однажды в ожидании Михаила Ивановича я поздно у него засиделась. Екатерина Ивановна, его супруга, в это время работала в Сибири... Дети легли спать. Пришел Михаил Иванович. Поздоровавшись со мной, он заспешил к детям, проведать их. Вернувшись, сказал:

— Как бы поздно я ни пришел, не могу лечь, пока не удостоверюсь, что ребята спят. Дети должны ложиться вовремя. Посмотрю и успокоюсь. Кати нет, я прихожу домой поздно. Боюсь, чтобы из них не вышли оболтусы. Поэтому всегда стараюсь проверить, что они читают, как учатся. Хотя ребята у меня и хорошие: слушаются, соблюдают дисциплину, но следить за ними все же надо... все-таки они дети.

М. ЛУКАШОВ

ВСЕГДА С НАРОДОМ

Впервые встретился я с Михаилом Ивановичем в 1906 году, в Петербурге, на Трубочном заводе. В то время для того, чтобы попасть на большой завод, такой, как Трубочный, требовались рекомендации нескольких кадровых рабочих. Завоевав симпатии стариков, мы протаскивали на завод тех лиц, которые нам были нужны. И вот появляется Михаил Иванович. Глянул я тогда на него — парень с ног до головы деревенский: в холщовой косоворотке, с бородкой.

— Ну на что нам такого? — спрашиваю я своего хорошего товарища.

А он мне в ответ:

— Если организация прислала, стало быть, пригоден.

В первый же месяц Михаил Иванович рекомендовал себя настоящим большевиком. Его усилиями была создана заводская большевистская организация. Не помню дня, когда бы Михаил Иванович не давал боя меньшевикам и эсерам.

Несостоятельность небольшевистских программ он доказывал как-то легко, просто, без особого напряжения.

Вынуждены были признать превосходство Михаила Ивановича все наши политические противники во главе с эсером Суриным и прочими.

Токарный станок Калинина по существу был трибуной нашей большевистской организации на заводе. Михаила Ивановича постоянно окружали рабочие. А мастера вечно донимали его за это:

— Что это ты, Калинин, все митингуешь? Когда же работать будешь? — и с трудом возвращали рабочих к станкам.

Организуемые и проводимые Михаилом Ивановичем беседы и дискуссии были для нас лучшей школой политграмоты.

Михаил Иванович умел и уголок пивной использовать для партийной работы. Весь вечер, бывало, пьет одну кружку пива (она ему служила завесой от шпиков), а сам тем временем беседует, партийные поручения дает, собирает нужную информацию. Тут мы, помню, предварительно обсуждали и кандидатуры в Думу.

Крепко западали в память рабочим выступления Михаила Ивановича. Так, очень повлияла на рабочих завода «Айваз» его речь на митинге, организованном в знак протеста против дороговизны, вызванной империалистической войной 1914 года.

Помню начало его выступления: «Гром не грянет — мужик не перекрестится»... Развивая эту мысль, Михаил Иванович показал, что рабочие должны были выступить против войны в самом начале ее.

Долго жили мы с Михаилом Ивановичем в одной комнате. И как ни давила его нужда, он никогда не забывал родителей: каждую получку регулярно посылал часть заработка в деревню. Женитьбу свою он отметил очень скромно — устроил для близких друзей чай с пирогами.

Тяжелая жизнь Михаила Ивановича, усугублявшаяся частыми арестами, никогда не ослабляла его энергии, большевистской стойкости.

Михаил Иванович был нашим уполномоченным в Думу, но избран в нее не был. Царская жандарме-

рия, считая Калинина опаснейшим врагом, перед разгоном Думы, в порядке «профилактики», арестовала его.

Однажды в 1907 году, часа в 4 утра, в комнату к нам постучались.

— Кто? — спросил я.

— Открывайте, — раздался голос хозяйки.

Вошла полиция. Слегка, для видимости, пошарив и ничего не обнаружив, старший из полицейских приказал Михаилу Ивановичу одеться и следовать за ним. Не разрешили ему даже и руки подать мне на прощание.

В 1922 году мы встретились с Михаилом Ивановичем на станции Тихорецкой, где он, будучи Председателем Центральной комиссии помощи голодающим, задержался проездом.

Встреча была радостная, но короткая. У нас обоих не было времени на долгую беседу. Когда Михаил Иванович узнал, что я работал по снабжению 10-й армии, предложил мне:

— Поезжай в Ейск, там требуются работники по продовольствию. Ты должен быть там в первую очередь.

Тут же мне заготовили мандат. Михаил Иванович вынул из кармана тщательно завернутую в бумагу печать, стукнул ею по мандату и сказал:

— Вот ставлю тебе циковскую печать, отправляйся в Ейск.

...Михаил Иванович, находясь на высоком государственном посту, никогда не отрывался от масс, непрерывно следил за жизнью миллионов, но не забывал и отдельных людей, интересовался их работой, бытом, самыми будничными делами.

Однажды, находясь проездом в Кашине, он отправился на рынок и стал прицениваться к овощам, мясу и другим продуктам. Один мясоторговец запросил за свинину много выше обычного. Михаил Иванович, как рядовой покупатель, затеял с ним спор. И вел его так умело, что в глазах окружающих их людей разоблачил спекулянта. А когда тот попытался было оправдаться «большими» затрата-

ми на откорм поросенка, Михаил Иванович уличил его во лжи.

— Всем известно,— сказал он, — почти все крестьяне твоей деревни издавна занимаются отхожим промыслом, и коль уж говорить об уходе за поросенком, то признайся — это труд не твой, а твоей жены. Сам-то ты только разъезжаешь да торгуешь втридорога...

Хочется отметить и такую замечательную черточку в характере Михаила Ивановича. Обыкновенно в Верхнюю Троицу товарищ Калинин приезжал летом, в период полевых работ, когда все лошади были предельно загружены. В это время он иногда отказывался от подводы и с неразлучной своей палочкой отмерял пешком все расстояние от вокзала до дома.

М. В. ПЕТРОВ

В ГОДЫ РЕАКЦИИ

В 1910 году я работал дежурным монтером на Миусской подстанции. Михаил Иванович Калинин после высылки из Петербурга переехал в Москву и поступил помощником дежурного монтера на Лубянскую подстанцию.

Я познакомился с ним почти сразу же по приезде его в Москву. Михаил Иванович принимал активное участие в деятельности большевистской фракции профсоюза рабочих и служащих московских городских предприятий, присутствовал на всех заседаниях правления союза, особенно когда обсуждались вопросы организации забастовок.

Вскоре Михаил Иванович с Лубянской подстанции был переведен на Миусскую. Здесь же тогда в качестве техника работал и товарищ Смидович. Эту подстанцию в то время инженеры называли «гнездом революционеров». Мы устроили здесь склад нелегальной литературы, хранили некоторые части подпольной типографии. Товарищ Калинин, будучи дежурным по станции, в глухие ночи, по указанию партийной организации, распространял нелегальную литературу, разбрасывал прокламации в Миусском парке, на улицах.

В середине 1910 года наш союз был закрыт.

Пришлось перейти на нелегальное положение. Помню, после очередного подпольного собрания на Миусской подстанции мы поздно разошлись по домам. Ночью ко мне явились полицейские, арестовали меня и поместили в Сушевском полицейском участке. В камере, где я находился, сидели также два печатника из типографии Кушнарера. Около 12 часов дня в коридоре я услышал вдруг голос Калинина.

Михаила Ивановича привели в камеру.

— Что, Миша, и тебя взяли?

— Да, брат! Всю ночь возили по городу. Нигде места в тюрьмах не нашлось. Только к утру вот сюда направили, — ответил он.

Через неделю нам разрешили прогулки. Здесь мы с товарищем Калининым имели возможность обмениваться мнениями о своих планах на будущее.

21 ноября 1910 года нас освободили.

На другой день, получив расчет, мы в последний раз собрались на Миусской подстанции. Деньги, оставшиеся от нашего союза, мы передали на хранение двоюродному брату товарища Смидовича — писателю В. Вересаеву.

Прощаясь, товарищ Калинин сказал всем, кто должен был остаться в Москве:

— Вот теперь мы с Петровым поедем в провинцию работать, а вы, товарищи, укрепляйте центр!

На следующий день мы покинули Москву. Я поехал в Тулу, а Михаил Иванович — в Тверскую губернию.

А. Г. ЗАВОРСКАЯ

НА ЗАВОДЕ «АЙВАЗ»

Весной 1913 года Михаил Иванович предложил мне поступить на завод «Айваз». Я согласилась. Буквально через несколько дней на заводе была объявлена экономическая забастовка. Михаил Иванович выступил против объявления забастовки, считая, что момент для этого выбран неудачно. Но когда стачка все же началась, он принял в ней активное участие. Нам, молодежи, Михаил Иванович поручил обследование положения рабочих и работниц с целью оказания материальной помощи нуждающимся.

Забастовка длилась месяца три и кончилась в конце сентября.

В октябре и ноябре на заводе развернулась работа в связи с организацией страхования и выборов в правления больничных касс. Этот момент большевики хорошо использовали для пропаганды своих лозунгов, для сплочения рабочих. Голосование производилось расхождением по сторонам: голосующие за Большевицкий список отходили в одну сторону, за меньшевицкий — в другую. На нашем заводе большинство избранных в состав уполномоченных были кандидатами от большевиков.

После официальных заседаний комиссии упол-

номоченных мы, большевики, собирались отдельно для обсуждения нашей дальнейшей деятельности.

На заводе работало много женщин, и часто от их настроения зависело выполнение наших мероприятий. Перед нами стояла задача — вовлечь всех работниц в профсоюз. Правление союза металлистов постановило взимать членские взносы с работниц в меньшем размере. Михаил Иванович подробно структурировал нас, как надо вести работу среди женщин.

Помню, одна работница не хотела быть членом профсоюза потому, что муж не позволял ей. Но случилось так, что она заболела и пролежала долго в больнице. Когда работница пришла на завод, мастер ее не принял. Тогда она обратилась за помощью в профсоюз. Женский актив, обсудив положение, решил защитить работницу. Пошли к Михаилу Ивановичу, он посоветовал отправить делегацию к мастеру с требованием оставить работницу на заводе. А когда мастер отказался это сделать, Михаил Иванович сказал нашей делегации:

— Передайте ему, что если эта женщина не будет оставлена на работе, весь завод остановим.

И мастеру пришлось сдаться. Работница тут же вступила в профсоюз.

Вспоминается и такой случай. В день рабочей печати работницы автоматной мастерской весь свой заработок за смену отдали в фонд газеты «Правда». Вечером, когда были подведены итоги, меньшевики и эсеры потребовали раздела всех собранных средств на три равные части между тремя газетами — большевистской, меньшевистской и эсеровской. На это большевики под руководством Михаила Ивановича не пошли, и деньги были отправлены в «Правду»...

В заключение хочется отметить, что для меня лично Михаил Иванович сделал очень многое: он учил меня, он же и ввел меня в женский кружок на «Айвазе». Как-то после окончания забастовки он сказал мне:

— Ну, а теперь, матушка, ты должна вступить

в партию, — взял с меня не то рубль, не то полтинник — членские взносы, и я начала ходить на занятия кружка, организованного для рабочих.

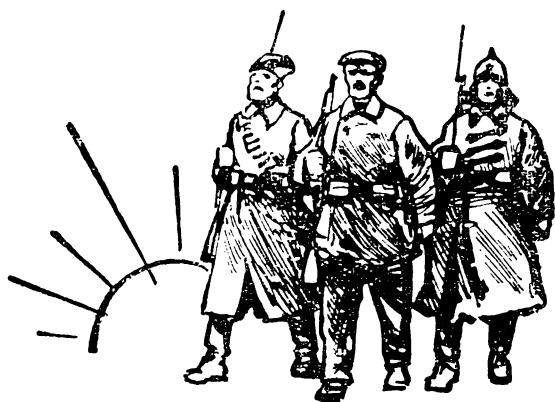
Михаил Иванович, когда нужно было, ругал крепко, но и в то же время очень чутко относился к каждому товарищу. Как-то распространяла я на заводе журнал «Работница» и раздала его почему-то без учета. Когда пришло время расплачиваться с редакцией, отдала я всю свою получку и осталась без гроша. Как быть? Пошла просить взаимобразно у Михаила Ивановича. Он поинтересовался, куда я потратила свои деньги. Я рассказала. Отчитал Михаил Иванович меня тогда как следует.

— Как можно тебе поручать большую работу, если ты на таком пустяке провалилась? — сердился он. Но когда я стала уходить, товарищ Калинин дал мне денег.

После революции я несколько раз встречалась с Михаилом Ивановичем в Москве. Он остался таким же простым и доступным для всех, как и раньше.

ПЕРВЫЕ
ГОДЫ
СОВЕТСКОЙ
ВЛАСТИ

М. Л. КРЕПС

ШТРИХИ ИЗ ЖИЗНИ

Как сейчас помню этот день — 25 февраля 1918 года. Я пришел к Михаилу Ивановичу с намерением поступить на работу в городскую управу. Раздевшись внизу, я поднялся на второй этаж. У дверей кабинета товарища Калинина стоял старенький, худощавый швейцар. На нем был выцветший зеленый мундир с серыми пуговицами и старая шапка. Я спросил швейцара, можно ли зайти в кабинет.

— Погодите немного, там у него еще разговоры с одним из членов управы. А вы кто будете?

Я назвал себя.

— По делу?

— Да, по делу.

— Сейчас доложу.

Через несколько минут я был в кабинете Михаила Ивановича. Большая, очень скромно обставленная комната. Стекланный книжный шкаф, большой письменный стол, пара кресел, стулья, этажерка, на нижней полке которой — папки с делами. Калинин встретил меня приветливо. Он был в косоворотке, костюме. Длинные волосы, зачесанные вверх, подстриженная борода, простые, в металлической оправе очки, которые он время от времени подымал на лоб.

— Пожалуйста, садитесь, — пригласил меня Михаил Иванович и, отставив стул, стал ходить по комнате, заложив руки за спину. — Вы по своей инициативе сюда пришли или вас кто-либо прислал?

Я сказал, кто меня направил.

Михаил Иванович стал расспрашивать меня о моей дореволюционной деятельности и о работе в последнее время.

— А образование у вас какое?

— Высшее.

— Стало быть, вы человек образованный.

— Не сказал бы. Я очень многого не знаю.

Михаил Иванович обратился к сидевшему тут же члену управы и заметил:

— Вот это мне нравится.

Затем Калинин снова задал мне вопрос:

— А вы взялись бы заведовать техническим и общим архивом управы? Я должен вас предупредить, что дело это далеко не легкое. Уж несколько человек от нашего предложения отказывалось. Они говорят, что у нас нет никаких описей, что саботажники-вредители их уничтожили. А наш архив очень ценный; там, между прочим, должны быть разные планы города, планы важнейших государственных зданий, водопровода, канализации, осветительной сети, телефонных кабелей. Ведь мы без архива — как слепые. Если надумаете к нам поступить, подайте заявление.

Недели через две я снова был у Михаила Ивановича, предварительно ознакомившись с состоянием архива городской управы.

— Ну, что скажете? — обратился ко мне Михаил Иванович, пожимая руку.

— Имею вам сообщить интересные вещи.

— А что именно?

— Я осмотрел десять комнат архива в полуподвальном этаже. Там все вверх дном перевернуто. Груды дел в хаотическом состоянии — валяются прямо на каменном полу.

— Возмутительно, — разволновался Михаил Ива-

нович,— ведь это самый злостный саботаж. Стало быть, вы тоже ничего не сможете сделать?

— Нет, смогу. К счастью, я обнаружил в чердачном помещении 430 книг описей этого архива, которые были там тщательно скрыты, заложены досками, ломаной мебелью, всяким хламом.

— По-видимому, в ожидании возврата старой власти? — заметил Калинин. — За это открытие благодарю, приступайте к делу, время не ждет. Ведь там должны быть нужные нам дела...

31 марта 1918 года, в зимний морозный день, я увидел у здания дома Лассалья на Думской улице четыре битком набитых книгами воза. Пятый еще грузился. Заинтересовался, в чем дело, и узнал, что этот книжный груз направляется на фабрику для переработки на бумагу. Осматриваю наспех содержимое возов и вижу, что среди них имеются «Известия» городского самоуправления за период с 1863 по 1917 год, финансовые и другие отчеты, статистический материал по переписи населения, материалы по выборам в городскую и Государственную думы, ценные книги по разным вопросам коммунального хозяйства и т. п.

Спешно сообщил Михаилу Ивановичу об этом безобразном факте. Он тут же отдал приказ разгрузить возы и поручил мне часть материала взять в Центральный архив, а из остальной части создать библиотеку по вопросам коммунального хозяйства.

Так, благодаря заботе Михаила Ивановича была создана техническая библиотека из 50 000 книг.

В первые месяцы работы Михаила Ивановича в комгорхозе многие наши инженеры, специалисты считали, что можно явиться к нему на доклад без особой подготовки. Они смотрели на него свысока, считая, что он, простой рабочий, дела не знает и что можно давать ему цифры с потолка. Их, видимо, вводило в заблуждение то, что Михаил Иванович обычно говорил докладчику:

— Считайте, что я этого дела не знаю, а потому говорите мне все до мельчайших подробностей, так, чтобы было все понятно.

Выслушивал он очень внимательно, спокойно, терпеливо. А затем задавал такие вопросы, которые озадачивали докладчиков — то ли Михаил Иванович такой находчивый или же он дело знал и просто их испытывал. Вскоре у специалистов сложилось убеждение, что Михаил Иванович предварительно, прежде чем вызвать их с докладом, сам детально изучает все вопросы. Ко мне то и дело приходили в Центральный архив и библиотеку инженеры, архитекторы, техники с требованием специальных книг, материалов и говорили:

— Знаете, к Михаилу Ивановичу без хорошей подготовки лучше на доклад не ходи, ведь он прекрасно знает дело. С ним хорошо работать, он тебя и подбодрит, и подскажет тебе, и поможет, если убедился, что ты знаешь дело и что ты полезный работник.

Действительно, Михаил Иванович на виду у всех быстро накапливал опыт и знания по вопросам городского хозяйства.

Когда на фронтах гражданской войны не стало хватать медицинских работников, по инициативе Калинина были организованы ударным порядком кратковременные курсы сестер милосердия и санитаров.

На торжестве первого выпуска, происходившем в доме Лассалья, Михаил Иванович говорил о громадном значении таких курсов. При этом, по-видимому, желая привлечь интеллигенцию к активной созидательной работе, неожиданно вызвал на трибуну нас, пятерых лекторов, и сказал:

— Вот наша трудовая интеллигенция, которая честно помогает нам защищать и укреплять Советскую власть. С такой интеллигенцией мы победим на всех фронтах.

В доме Лассалья везде — в шкафах и на шкафах — лежали разные дела и материалы, относившиеся к тому или другому отделу комгорхоза. Зимой, когда не хватало дров, сторожа ночью топили этими делами печи. Комендант, узнав об этом,

оштрафовал их и затем хотел привлечь к ответственности.

Тогда виновные пошли с жалобой к Михаилу Ивановичу, объясняя причины, заставившие их это сделать.

Михаил Иванович сказал коменданту, что наказание как таковое само по себе мало что дает в воспитании людей. Необходимо разъяснить им, почему эти бумаги в папках уничтожать нельзя, какое значение они имеют. Словом, необходимо повысить в известной мере уровень их сознательности.

По совету Михаила Ивановича местком систематически устраивал лекции на общеобразовательные темы, по экономическим и политическим вопросам, а также антирелигиозные диспуты. В зале вождей революции, где происходили эти диспуты, часто приходилось по обязанности службы бывать печнику управы О. П. Колосову. Ему тогда было лет пятьдесят. Рабочий он был рассудительный, но чрезвычайно религиозный — не переносил этих диспутов.

Однажды, уязвленный оратором в своих религиозных чувствах, Колосов не вытерпел и поздно ночью вбежал в кабинет Калинина.

— Михаил Иванович, за что бога обижают? Как вы это допускаете?

Старый рабочий был возбужден, и Михаил Иванович попросил его сначала присесть. После этого начал спокойно вести с ним разговор.

— Ты что, Советской властью недоволен, скажи, чего тебе не хватает?

— Нет, властью-то я доволен, власть наша рабочая, спасибо вам, Михаил Иванович, за квартиру, детей устроили. Все это хорошо. Но не трогайте нашего бога.

— А как ты до революции жил?

— Плохо!

— Стало быть, когда тебе было плохо, бог тебе не помогал, за тебя не заступался. А теперь, когда ты без него хорошо устроился при помощи Советской власти, ты хочешь бога отблагодарить. Ты что за не-

го заступаешься? Разве он такой беспомощный? Просил он тебя об этом?

Долго длилась беседа. И Колосов в глубоком раздумье вышел из кабинета. Через некоторое время он снял иконы, стал усердно заниматься политграмотой, а потом вступил в партию...

— Убираю я кабинет Михаила Ивановича в самую рань,— рассказывала мне уборщица Назарова.— В доме пусто, холодно. Зима. Вдруг входит Михаил Иванович, снимает галоши, вешает свое пальто, шапку, стряхивает снег. Я быстро вытираю сиденье двух-трех стульев, на его письменном столе сдвигаю в сторону книги, бумагу, чтобы ему было поудобней. А он на меня все поглядывает. Потом протер и надел очки, поправил усы и бородку и говорит:

— Дай-ка тряпку.

Даю, гляжу, а он вытирает спинку своего стула и садится. Я говорю:

— Что же это вы, Михаил Иванович, сами?

А он в ответ:

— Да так, я люблю чтобы все хорошо было сделано и чтобы везде было чисто. Мне приходится самому здесь и стол убирать.

— Михаил Иванович, что же вы нам ничего не говорите? Это мы тоже можем.

— Сами должны понимать.

— Извините, этого больше не будет.

Тут я расплакалась. А Михаил Иванович ласково говорит мне:

— Да что ты, это я так сказал. А если тебе что нужно будет, скажи, сделаем.

Потом я уже старалась всюю, чтобы Михаил Иванович был доволен...

В первые годы революции со стороны рабочих комгорхоза наблюдалось пренебрежительное отношение к служащим и трудовой интеллигенции. Они считали их, за некоторым исключением, неполноценными работниками. Обиженные служащие обратились к Михаилу Ивановичу.

После этого на одном из общих собраний рабо-

чих и служащих Михаил Иванович, говоря об удовлетворении назревших нужд работников, между прочим, как бы невзначай, для примера, указал на следующее:

— Всякий рабочий, стоящий у станка, знает, какое громадное значение для производства имеет маховик. Когда последний правильно двигается, то и все вместе с ним подвигается. Но маховик-то сам с ремнем не сможет тронуться с места, если его спицы, гайки, винтики не будут на месте, не будут в порядке.

Управление государством подобно маховику: ему одинаково нужны все винтики — рабочие, служащие, специалисты, люди как физического, так и умственного труда, лишь бы они были на месте, честно выполняли свои обязанности. Это, товарищи, надо также иметь в виду и в вашей работе. Социализм мы сможем и должны построить все вместе — партийные и беспартийные, работники физического и умственного труда.

Собрание дружно аплодировало Михаилу Ивановичу.

В начале марта 1919 года в Москве заседал Первый конгресс Коминтерна. Михаил Иванович вызвал к себе нескольких представителей нашего коллектива и месткома и спросил:

— Что вы, товарищи, сделали для того, чтобы популяризировать идеи Коминтерна среди беспартийной массы?

— А вот намечаем устроить митинг после работы, постараемся собрать побольше людей и просим вас выступить.

— И это все?

Молчание.

— Никуда не годится! Не так вы ведете агитацию! Надо массу не силою завлекать на такие собрания. По-другому надо действовать.

Михаил Иванович дал нам конкретные указания, как поступить в данном случае. Была экстренно выпущена листовка, говорившая о задачах Коминтерна. Были написаны тезисы, которые должны были

заинтересовать беспартийную массу и на которые было обещано дать подробный ответ на общем собрании. В назначенный час, после работы, громадный зал был переполнен до отказа.

С заключительным словом выступил Михаил Иванович, который просто и ясно подытожил все сказанное.

После этого двухтысячное собрание беспартийных единогласно постановило послать поздравление Коминтерну.

Так Михаил Иванович умело внедрял в массы идеи коммунизма.

Ф. АВИНОВИЦКИЙ

ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА

Петроград. Июнь 1918 года. Среди медицинских работников стало известно, что городской думе требуются врачи. Обратиться по этому вопросу нужно было к новому городскому голове — Михаилу Ивановичу Калинин. Я направился к нему.

У дверей Приемной стоял швейцар в потертом унтер-офицерском мундире со следами от сорванных медалей и крестов. Я попросил его доложить городскому голове, что пришел врач. Он ответил:

— Раньше у нас и к писцу не пройдешь без доклада, а теперь свободно. Идите прямо в кабинет, у него прием.

Я вошел. Товарищ Калинин стоял около группы граждан с карандашом и записной книжкой в руках. Он проворно внес что-то в книжку и стал обходить всех по очереди. Я прислушался и поразился его терпению. Спокойно и вдумчиво он вникал в дело каждого. Одному надо было помочь устроить ребенка в детский дом, другому — подыскать работу, третьему — получить пенсию.

Когда наступила моя очередь, я сказал, что я врач и хочу работать в Комиссариате городского хозяйства. Михаил Иванович ответил:

— С вами у меня разговор будет очень большой. Теперь 3 часа, мне нужно кончить прием и еще провести заседание двух комиссий. Раньше 11.30 вечера я не освобожусь. Отложить же ваш вопрос на завтра нельзя: дело спешное, поэтому прошу вас прийти сегодня сюда к этому времени.

В назначенный час я вошел в кабинет Калинина. В окно глядела бледная, задумчивая петербургская ночь. Товарищ Калинин быстро поднялся навстречу, усадил меня в кресло и сел рядом. Обстоятельно расспросив меня, он сказал:

— Тут при думе был приемный покой, но его больше нет. Я решил устроить на новых началах амбулаторию, но мешали другие важные дела. Теперь же медлить нельзя, в городе появилась холера. Вы ко мне пришли шестым. Врачам мы предъявляем большие требования, и никто до вас не согласился работать.

Михаил Иванович быстро поднялся и, твердо ступая, стал шагать из угла в угол. После значительной паузы он, сильно жестикулируя правой рукой, начал излагать свои требования.

— Все наши амбулатории, все приемы больных из рук вон плохи. Нужно все переломать и построить новое. Ну вот, возьмем первое — лекарства. Я не против лекарств, случается и мне их принимать. Но у нас врачи только и заботятся о том, чтобы пичкать народ всякими лекарствами, а дело не только в том, чтобы лечить болезнь, когда она уже наступила, — нужно народ учить, как жить, чтобы не допускать появления болезней. Значит, прежде всего надо заниматься профилактикой. А разве мы что-нибудь делаем в этой области? Ровно ничего. А теперь мы это введем.

Следующий вопрос: без контроля работать нельзя, а между тем раньше врачей или никто не контролировал или контролировали чиновники. У нас же врач будет работать под контролем нашей общественности — месткома. Организуем также надзор со стороны нашей коллегии. В приемной амбулатории будет очередное дежурство члена месткома или кол-

лектива. Лекции врача должны читаться по предварительно мною и общественностью одобренной программе. Испытательный стаж для врача — полтора месяца. Приглашается врач мною, а утверждается, после письменного одобрения, месткомом. Врач принимается на работу при условии прочтения одной или двух пробных лекций.

Товарищ Калинин все это говорил, шагая по комнате и взвешивая, очевидно, каждое слово. Затем присел ко мне и продолжал:

— Условия, как видите, довольно жесткие, но иначе пока нельзя. Время покажет, нужны ли будут еще какие-либо изменения или дополнения. Если находите работу у нас для себя подходящей, то завтра вы нам прочтете лекцию о холере.

На другой день в зале думы состоялась моя лекция, после которой Михаил Иванович от имени общественности и от себя сообщил, что я приглашаюсь на работу по организации и заведению амбулаторий. Вспоминаю очень интересный эпизод.

В думе двадцать лет заведовал хозяйством и думским зданием юрист Писнячевский, который занимал казенную квартиру из пяти комнат. Товарищ Калинин как-то вызвал его и сказал:

— Пожалуйста, найдите комнатку, хочу устроить там свой прием.

— А тут в кабинете что будет? — удивился Писнячевский.

— Скажите, — в свою очередь, спросил Калинин, — вы, возможно, знаете здешнего дворника? Так вот, я узнал, что у него больные жена и дети валяются в гнилом подвале. Убедительно прошу вас завтра же перевести эту семью сюда.

Писнячевский остолбенел. Наступила пауза. Наконец завхоз пролепетал:

— Я семью дворника устрою у себя, у меня пять комнат, им отдам две.

— Хвалю за догадливость, — ответил Михаил Иванович. — Вы только позаботьтесь за наш счет приобрести кровати. А вы, доктор, возьмите под

свою опеку больных,— обратился он ко мне,— это ваши пациенты.

Сооружению амбулатории Михаил Иванович отдавал много времени, внимания и энергии. Он выбрал для нее лучшее во всем здании помещение на солнечной стороне. Амбулатория была хорошо оборудована по всем требованиям техники и гигиены. Приобретен весь нужный инструментарий и инвентарь. Создан зубо врачебный, великолепно оборудованный кабинет. Приглашен для приема и чтения лекций по хирургическим болезням один из лучших специалистов-профессоров. Приобретались также все нужные медикаменты и перевязочный материал.

Амбулатория была основана 9 июня 1918 года. Михаил Иванович уехал в Москву 19 марта 1919 года. Все 9 месяцев он навещал амбулаторию не реже, чем через день, присутствовал на приемах больных и лекциях. Очень часто приглашал администрацию заводов и фабрик, чтобы продемонстрировать им, как должно быть поставлено дело.

Не могу не упомянуть о двух введенных у нас Михаилом Ивановичем новшествах.

Первое: амбулатория была учреждена на средства комгорхоза, специально только для его служащих, частные лица не принимались. Михаил Иванович ввел правило, чтобы принимали с бесплатной выдачей лекарств каждого, кто явится.

Второе: некоторые отделы комгорхоза были на окраинах, откуда служащие не могли в рабочие часы попадать в амбулаторию. Михаил Иванович распорядился, чтобы в трех таких отделах были два раза в неделю введены наши выездные приемы.

Ф. БЫКОВ

ПЕРВАЯ ТРАКТОРНАЯ КОЛОННА

Было это сразу после Октябрьской революции. На красный Петроград надвигался голод. В городе не хватало хлеба, овощей...

Михаил Иванович Калинин в то время был городским головой Петрограда, а затем комиссаром городского хозяйства. Среди множества обязанностей, которые на нем лежали, была и обязанность обеспечивать население города продовольствием.

Мне хорошо запомнился доклад Михаила Ивановича, посвященный вопросам восстановления городского хозяйства. Товарищ Калинин говорил тогда о мерах по ремонту улиц, мостов, набережных, канализации, водопровода. Михаил Иванович заострил внимание присутствующих на тяжелом состоянии железнодорожного транспорта в стране, который не справлялся с перевозками; говорил о необходимости обеспечить население Петрограда овощами с местных огородов, требовал немедленно взять под охрану все посевы и посадки огородных, ягодных и плодовых культур.

Для работы по организации пригородного хозяйства Михаил Иванович создал Сельскохозяйственный совет при городской управе.

Чтобы несколько улучшить снабжение города, М. И. Калинин призвал петроградских рабочих

принять самое широкое участие в создании пригородных хозяйств. Рабочие окраин взялись за обработку обширных городских пустырей, заросших бурьяном и никогда не знавших плуга. Однако сразу стало ясно, что для поднятия этой целины рабочих рук не хватит.

Весна стучалась в ворота. Упустить время сева значило поставить город под угрозу беспощадного голода.

И тогда Михаил Иванович принимает решение: использовать для распашки земли тракторы, при помощи которых в свое время были доставлены орудия для охраны Смольного.

Эти тракторы входили в состав техники воинского соединения, которым я командовал.

Оставленные вместе с орудиями около Смольного, они привлекали внимание проходящих мимо людей, так как в России такие машины еще не выпускались.

Михаил Иванович тоже не раз останавливался около них. Видимо, еще тогда у него зародились мысли об их более целесообразном использовании.

Группе товарищей, среди которых был и я, Михаил Иванович поручил отремонтировать эти тракторы. Но где ремонтировать? Цехи на заводах пусты, рабочие — на фронтах гражданской войны, деталей нет.

На помощь пришел Михаил Иванович: он связал нас с заводами, хотя в основном ремонтировали мы все-таки сами.

Работа на огородах должна была начаться в дни пасхи.

Мы страшно беспокоились, сумеем ли вовремя закончить ремонт, добудем ли недостающие детали, получим ли горячее?

За два дня до пасхи мы пригнали вчерне смонтированные тракторы за Невскую заставу.

Незабываемыми останутся для нас последние два дня работы, когда вместе с нами трудился и Михаил Иванович. Он воспользовался тем, что по случаю наступивших «неприсутственных» по ста-

рой традиции дней учреждения были закрыты, и приехал к нам на заставу.

Два дня он не отходил от машин. Помню такой момент. Руки у Михаила Ивановича хоть и были грязные от работы, но все же выглядели чище, чем у остальных, и он взялся резать нам в подкрепление репу, которая хорошо стимулировала нашу работу.

В одном из пригородов Петрограда, за Невской заставой, в пасхальную ночь 1918 года местный собор был переполнен. Многие верующие стояли на площади, надеясь все-таки попасть в церковь.

Я вез с Обуховского завода последние детали к тракторам. С трудом пробирался через площадь на мотоцикле. За мною следом шел грузовичок с керосином и маслом для тракторного отряда.

На заставе нас ждал Михаил Иванович. Быстро провели мы «испытание».

После короткой речи товарища Калинина тракторы тяжело двинулись по целине. Прицепленные к ним плуги раздирали твердую, как камень, почву. Моторы гудели. Земля, поднимаясь тяжелыми пластами, медленно переворачивалась и ложилась травой книзу.

С большим удовлетворением и даже гордостью смотрели мы на нашу первую тракторную колонну. Вскоре, на свое удивление, мы увидели, как, перегоняя друг друга, спотыкаясь, к нам бежали мужчины, женщины, дети. Площадь перед церковью опустела.

Народ с изумлением смотрел на могучие машины. А тракторы вздымали пласт за пластом.

Михаил Иванович Калинин проводил первую на советской земле тракторную вспашку.

Н. А. СЕМАШКО

МУДРЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Как сейчас, помню один из мартовских дней 1919 года. Мы выбирали Михаила Ивановича Председателем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

Заседание происходило в зале здания, занимаемого ныне гостиницей «Метрополь».

Крестьянин Тверской губернии, Михаил Иванович много лет работал на различных крупных предприятиях. В своем лице он как бы воплощал великую идею союза рабочих и крестьян.

Огромный жизненный опыт, богатая школа партийной работы — все это обеспечивало прекрасное выполнение им обязанностей Всероссийского, а затем и Всесоюзного старосты.

Владимир Ильич Ленин говорил, что Всероссийского старосту должны знать в лицо рабочие и крестьяне: он должен постоянно находиться среди них. Таким именно и был Михаил Иванович. Товарищ Калинин объездил буквально весь наш необъятный Союз — от Архангельска до солнечной Абхазии, от Минска до далекого Владивостока. И всюду он выступал с речами, говорил ясно, доходчиво и интересно.

В первые годы Советской власти требовалось много умения, чтобы, разговаривая иногда с полу-

голодными и полураздетыми людьми, разъяснять им положение и поднимать авторитет молодой Советской власти. Народу нравились простота, сердечность, внимательность, справедливость Михаила Ивановича. Люди, которые чувствовали себя обиженными, «искали правды» — за тысячи верст тянулись в Приемную Калинина. И всегда были уверены: все, что можно и нужно сделать, Михаил Иванович сделает.

Замечательно вел Михаил Иванович приемы посетителей. У длинного барьера стояла очередь. Михаил Иванович лично обходил всех посетителей и тут же с ними беседовал. Его разъяснение законов, правил поведения были прекрасной школой политграмоты и советского строительства с «предметными уроками», на конкретных примерах жизни.

Мне пришлось как-то читать книгу одного иностранца о пребывании его в Москве. Он пошел на прием, а затем восторженно описал то, что там происходило. В одной главе этой книги рассказывалось, как Михаил Иванович разговаривал с рабочими, в другой — как Михаил Иванович разговаривал с крестьянами. А третья была посвящена описанию беседы Михаила Ивановича со священником. И автор был крайне изумлен, как свободно и непринужденно простой «поп» разговаривал с «его превосходительством республики».

Михаил Иванович был мудрым человеком. Мы, работавшие в Президиуме ВЦИК, в большинстве случаев соглашались с его мнением. Но иногда, поспорив, оставляли его в меньшинстве. И что же? Уже через несколько дней мы убеждались, что прав был «старик», а не мы.

На каком бы собрании он ни выступал, он всегда умел сказать что-нибудь оригинальное, интересное и поучительное. Последнее выступление М. И. Калинина перед медицинскими работниками было на сессии Академии медицинских наук СССР. Он дал нам ценнейшие советы, как в буду-

шем улучшить работу Академии, связать ее с жизнью.

Михаил Иванович прекрасно понимал и высоко ценил здравоохранение. Это ему принадлежат замечательные слова: «У нас в социалистической стране здоровье рабочих и здоровье крестьян — основная задача государства».

Он с уважением относился к прошлому русской медицины. Когда при вручении наград медицинским работникам один из награжденных сказал, что на пустом месте воздвигнуто величественное здание советского здравоохранения, Михаил Иванович поправил его и указал на самоотверженный труд многих врачей, работавших в трудных условиях царского времени.

Он твердо верил в большое будущее советской медицины и говорил: «Русская медицина должна стоять в первых рядах мировой медицины».

М. П. МОШКАРОВ

ВНИМАНИЕ К ЛЮДЯМ

С апреля 1922 и по октябрь 1925 года я работал в Приемной М. И. Калинина, сначала — секретарем, а затем — консультантом по земельным делам. О том, как Михаил Иванович заботился о людях, приходивших к нему на прием, говорит хотя бы такой факт.

К нам в Приемную иногда обращались с просьбой одолжить небольшую сумму денег. Специальных фондов для таких субсидий у нас не было, а необходимость в них ощущалась.

Как-то раз Михаил Иванович вызывает меня и говорит:

— Вот тебе, Мошкар, мой гонорар, который я получил за свои статьи. Это будет тот фонд, который ты используешь для оказания помощи нуждающимся. Я и впредь буду тебе отдавать гонорар, а ты возьми на себя организацию этого дела.

Деньги Михаила Ивановича многим помогли в трудную минуту жизни. Помню, в Приемную обратился подросток лет 15 с просьбой дать ему взаимобразно несколько рублей. Он хотел заняться продажей газет, но не с чего было начать. Через несколько дней паренек с благодарностью вернул долг.

Михаил Иванович, как-то узнав от меня, что сравнительно много денег из этого «фонда» остаются неиспользованными, напомнил, что скудиться здесь не следует, а израсходовать за это время можно было куда больше...

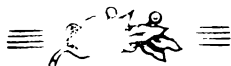
Сердечность, заботливость о трудящемся человеке была яркой чертой характера Михаила Ивановича.

Мне, как консультанту по земельным делам, приходилось участвовать в заседаниях Президиума ВЦИК и докладывать дела. С большим мастерством проводил такие совещания Михаил Иванович. Во всем чувствовалась большевистская школа. Он быстро добирался до сути вопроса. Житейскую мудрость русского человека он умело сочетал с большевистской принципиальностью.

М. И. Калинин следил за политическим и культурным развитием своих сотрудников, помогал им в этом. Он не раз интересовался у меня, что я читаю, что пишу. Когда я готовил материал в газету, Михаил Иванович предварительно просматривал статью, делая критические замечания.

Михаил Иванович постоянно совершенствовал свои знания, работал над собой. Помнится, он был очень доволен, когда один из его знакомых принес ему в Приемную энциклопедический словарь Павленкова.

— Я давно мечтал иметь этот словарь, — взяв в руки книгу, сказал Михаил Иванович. — Он очень удобен для пользования. Такого рода словари полезны для каждого культурного человека.

Г. И. ПЕТРОВСКИЙ

НА ВЫСОКОМ ПОСТУ

Моя первая встреча с Михаилом Ивановичем Калининым произошла в 1912 году в Петербурге, в социал-демократической фракции IV Государственной думы. Большевистская группа фракции тогда сильно нуждалась в поддержке и советах руководящих партийных работников, так как ей приходилось вести серьезную борьбу с меньшевиками. Реакция принимала всяческие меры, чтобы не допустить общения большевистских лидеров с рабочими депутатами в Думе. В этот период рабочим депутатам очень много помогал Михаил Иванович. Приходя к нам, он приносил с собой боевой дух петербургских пролетариев и, высказываясь в прениях, как будто со стороны, умело отстаивал большевистскую точку зрения, метко разоблачая политику правящих классов.

Помню, на фракции стоял вопрос: какую позицию следует занять при обсуждении в Думе сметы «святейшего Синода». Выступления меньшевиков сводились к либеральной политике, отражавшей нейтральное отношение II Интернационала к религии. И вот слово берет товарищ Калинин. Он говорит о том, что необходимо разоблачать политическую систему царского самодержавия, на примерах

показывает, как духовенство вместе с царским правительством глушит сознание пролетариата и крестьянства. Церковь является слугою царского правительства, она помогает закабалить трудящиеся массы, благословляет всяческие злодеяния, подлости, мошенничество самодержавия, капиталистов и помещиков.

Рабочие депутаты внимательно прислушивались к каждому замечанию Михаила Ивановича, ибо это был голос самых сознательных и передовых пролетариев. Его советы помогали нам во многом — в них были сконцентрированы житейская практика и богатый политический опыт.

После того как большевистская фракция Думы прекратила свое существование, так как депутаты-большевики за пораженческое отношение к империалистической войне были брошены в тюрьму, Михаил Иванович сосредоточил свою деятельность в Петербургском комитете партии, проводил агитацию против войны, за большевистский лозунг — поражение правительства.

В дни Великой Октябрьской социалистической революции я видел Михаила Ивановича в Петрограде.

Встречались мы с ним и в известном поезде «Октябрьская революция». Вдоль и поперек исколесил нашу великую страну Михаил Иванович. Агитационный поезд побывал в самых глухих уголках молодой Советской республики.

Много внимания уделял Михаил Иванович вопросам организации и укрепления Советской власти на местах. Он на каждом шагу учил советских работников, как должны действовать Советы и их секции, чтобы отвечать задачам обороны страны и построения нового, социалистического общества.

Несколько раз мне приходилось в суровую зимнюю стужу совершать с Михаилом Ивановичем поездки по Тульской, Орловской, Курской и другим губерниям. Обычно заезжали в губернский центр, а затем направлялись в уезды. В простых крестьянских валенках, в поддевке, на «фордике» или на

лошадях пробирались мы часто по непроходимым дорогам. Много раз застревали из-за бездорожья, и тогда в близлежащем лесу рубили хворост, чтобы переждать несколько часов у костра.

Постоянная проверка деятельности советского аппарата была тогда крайне необходима. Крестьяне и местные работники нуждались в указаниях, как надо в сложных условиях борьбы с кулачеством строить новую жизнь, укреплять пролетарское государство.

Неожиданное появление Михаила Ивановича в деревне, его советы вносили подъем в массы, подбадривали людей.

В своих выступлениях товарищ Калинин никогда не приукрашивал действительности, резко ставил вопрос о трудностях, разъяснял рабочим и крестьянам, как нужно преодолевать их, работать над созданием и укреплением Советской власти.

На одном из больших митингов в Севастополе (после ликвидации Врангеля) Михаил Иванович говорил:

— Если рабочий класс должен применить самые решительные репрессии против белогвардейцев и интервентов, вынужден был их расстреливать, то пусть знают все, что это есть проявление диктатуры пролетариата против бывших угнетателей. Если перенесший столетия страданий рабочий класс выселяет буржуазию из ее квартир и сам занимает их, то пусть знают эти господа, что это — диктатура пролетариата.

Памятны мне поездки Михаила Ивановича по Украине. На Полтавщине в Миргородском уезде, на Киевщине в Белоцерковском уезде, на Днепропетровщине в ряде сел, где еще орудовали остатки махновских банд, М. И. Калинин своими замечательными выступлениями спланивал бедняков и середняков против их классовых врагов. В то время собрания и митинги редко обходились без дерзких контрреволюционных выпадов, но последние давали Михаилу Ивановичу хорошую пищу для меткого, разящего слова. Так было, например, в селе Михайлов-

ском на Днепропетровщине. Кулацко-махновская организация подбивала крестьян создать у себя самостоятельную «республику» и не давать продовольствия ни красным, ни белым.

Михаил Иванович показал народу всю нелепость этого анархического порядка, направленного против бедняков и середняков, на пользу небольшой кулацкой горстке. Деревня, подчеркивал он, должна идти вместе с городским пролетариатом как в деле свержения царизма и капитализма, так и в повседневной социалистической стройке. При разрыве союза между рабочими и крестьянами неизбежно господство деревенской буржуазии — кулаков и обнищание середняков и бедняков...

Огромная агитационная работа Михаила Ивановича давала прекрасные плоды. Она уничтожала разлагающее влияние кулацких и анархических банд в деревне, отрезвляла широкие слои крестьянства, укрепляла его союз с рабочим классом.

В годы гражданской войны М. И. Калинин не только укреплял органы Советской власти на местах, но часто бывал и на самых опасных участках фронта. Рискуя жизнью, он пробирался на передовую линию огня, чтобы своим простым большевистским словом подбодрить бойцов, призвать их к победе над врагом.

Помню такой эпизод.

Зима. Глубокий снег, мороз. Поезд М. И. Калинина прибыл в Воронеж. Михаил Иванович должен был по заданию В. И. Ленина повидаться с товарищем Буденным.

Расстояние от Воронежа до буденновского штаба — километров 50 — мы преодолевали на «фордике». Опасность попасть к белым была большая.

На нас не было валенок, и нам приходилось периодически греться у мотора автомашины. Немного поблуждали, но все же сравнительно скоро попали к месту назначения. Со всех сторон доносилась пушечная канонада.

Семен Михайлович был очень рад приезду Михаила Ивановича. Им было о чем поговорить. Кон-

ная армия громила белых. Михаилу Ивановичу нужно было на месте ознакомиться с перспективой военных действий на этом участке — от этого ведь зависело благополучие молодой Советской республики.

На протяжении многих лет мне приходилось соприкасаться с Михаилом Ивановичем по советской работе, на съездах, сессиях и в Президиуме ЦИК. И каждая новая встреча с ним еще раз подтверждала, что этот человек обладает огромным опытом государственного деятеля, прекрасно знает экономику страны, особенности многочисленных национальных окраин, умеет разобраться и ухватить главное в любом вопросе, внимательно, по-отцовски, относиться к людям и их запросам.

И. И. СКРАМЭ

С АГИТПОЕЗДОМ
«ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

В 1919 году Всероссийская Чрезвычайная Комиссия командировала меня в агитпоезд Михаила Ивановича для работы по разбору судебно-карательных дел и амнистий. По поручению и от имени Михаила Ивановича я проверял работу местных судебных органов и органов ВЧК.

В агитпоезд были командированы и представители различных наркоматов.

Мы объезжали страну. Жалоб — тысячи. Надо было уметь отличить несправедливо обиженных от тех, кто выдает себя за таковых.

И тут Михаил Иванович обнаруживал необыкновенную чуткость и глубокое знание людей. Он требовал, чтобы мы глубоко проверяли действия местных органов власти.

Я не помню случая, чтобы он оставил хотя бы одно заявление без внимания.

Михаила Ивановича возмущало излишнее задержание под арестом без следствия, нецелесообразное отвлечение людей от общественно полезного труда, особенно за мелочные проступки. И в то же время он решительно отклонял заявления врагов Советской власти.

Помню, прибыв в Таганрог, мы узнали, что здесь за незначительные проступки было арестовано несколько врачей. Михаил Иванович приказал немедленно освободить их, ограничившись подпиской о невыезде, и обеспечить им необходимые условия для работы по специальности.

Распоряжаясь о досрочном освобождении заключенных, Михаил Иванович убедительно разъяснял им суть судебной-карательной политики Советской власти. Эти беседы имели большое воспитательное значение. Было много случаев, когда освобожденные дезертиры тут же просили отправить их на фронт и там, как становилось известно впоследствии, проявляли подлинный героизм. Иногда Михаил Иванович рекомендовал бывших уголовников-рецидивистов, заверивших его, что они будут честно трудиться, на работу и потом не раз интересовался их дальнейшей судьбой.

Выступая на многочисленных собраниях и митингах, Михаил Иванович предпочитал объясняться с рабочими и трудовым крестьянством языком су-ровой правды.

Рабочим егоршинских каменноугольных копей на Урале в 1921 году он говорил:

— Товарищи, вам, конечно, придется поработать... Поднять хозяйство Советской республики никто, кроме нас самих, не сможет. Это хозяйство переходит целиком на наши плечи. У нас впереди — прекрасное будущее. И я думаю, что это будущее не за горами. Нашими трудами воспользуется не только подрастающее поколение, но и мы сами. Я призываю вас к плодотворному общественному труду, который выведет нас из трясины и поставит наше государство в экономическом и техническом отношении наряду со всеми передовыми государствами мира.

В этом же году Михаилу Ивановичу пришлось выступать перед изголодавшимися людьми Поволжья.

В постигшем их бедствии они обвиняли правительство. Товарищ Калинин пообещал помочь им.

— По два пуда на едока вы получите, но не больше.

Эти слова вызвали у собравшихся взрыв гнева

— Я, конечно, мог пообещать вам и больше,— спокойно ответил им Михаил Иванович. — Но ведь хлеба много не привезут... А вы потом скажете: был Калинин, похвастал — и только. Какой обманщик! Лучше обещать меньше, но сдержать свое слово.

Михаил Иванович был исключительно точен и аккуратен. Вот, например, такой факт. Зимой 1921 года под Орлом поздно вечером он на крестьянской подводе возвращался с собрания, которое состоялось в одной из деревень. Поднялась сильная вьюга.

Мы пережили тревожные часы: боялись, что Михаил Иванович заблудится. Какова же была наша радость, когда мы увидели его болрым и здоровым!

— Почему же вы, Михаил Иванович, не остались ночевать в деревне? Вы же видели, какая погода? — спросили мы его.

А он ответил:

— А ведь через 6—7 часов состоится объявленное нами собрание. Разве можно опоздать?

Как сейчас, помню Михаила Ивановича в минуты опасности: он всегда показывал пример бесстрашия, хладнокровия и выдержки. Однажды наш состав подвергся бомбардировке. Пришлось организовать оборону поезда. В этом вместе с нами на равных началах участвовал и Михаил Иванович.

Так же достойно держал он себя и на митинге красноармейцев в районе Минска, когда неприятельский самолет стал сбрасывать на нас бомбы.

Большая чуткость и большевистская скромность являлись характерными чертами Михаила Ивановича. Его внимание и заботу я не один раз испытывал на себе.

Как-то раз нам пришлось ночевать в хибарке, на окраине прифронтового городка. Ночью началась стрельба. Михаил Иванович не стал меня будить, а сам пошел на улицу выяснить обстановку...

Тяжело больных товарищей и ближайших со-

трудников товарищ Калинин всегда навещал на дому, внушая своей душевной беседой бодрость и надежду на выздоровление.

Разъезжая с агитпоездом по родной стране, Михаил Иванович был с нами в бытовом отношении на равных правах. Ел, как говорится, из одного котла. В один из дней, когда он поздно возвращался с митинга, по нашей просьбе сестра-хозяйка приготовила ему на ужин что-то получше. Михаил Иванович остался очень недоволен этим, так как не желал, чтобы его ставили в особое положение.

Много эпизодов запомнилось мне из периода нашей совместной работы в агитпоезде.

Например, в Никополе мы провели большой митинг в помещении синагоги.

Местный раввин попросил у Михаила Ивановича справку о том, что синагога использована нами без его согласия.

— Это на тот случай, — говорил он, — если сюда возвратятся белогвардейцы. Они могут в отместку устроить еврейский погром.

Михаил Иванович, рассмеявшись, сказал:

— Хотя нас отсюда уже никогда не вышибут, но такую расписку, чтобы окончательно рассеять ваш страх, дать можно.

Или вот еще. Едем мы полем (точно не помню, на Кубани это было или на Украине). Летчик ближайшего военного аэродрома, очевидно, для приветствия Михаила Ивановича пронесся над нами на бреющем полете. Из шедшего навстречу нам стада один перепуганный бык ринулся в сторону и поломал ноги. Михаил Иванович остановил машину, подозвал пастуха, дал ему тут же написанное письмо на имя командования ближайшего гарнизона, на основании которого раненый бык был использован Н-ской воинской частью на мясо, а владельцу была выплачена стоимость быка.

Вспоминается и такой курьезный факт.

Как-то пришел к Михаилу Ивановичу священник и стал жаловаться на крестьян, которые мало платят ему за совершаемые им требы. Михаил Ивано-

вич, добродушно усмехнувшись, положил ему руку на плечо и сказал:

— Знаете что? А вы откажитесь им служить.

Священник немного подумал и, размышляя вслух, спросил:

— А чем же жить?

Большого он сказать не нашелся.

Работа с Михаилом Ивановичем в агитпоезде «Октябрьская революция» была для меня прекрасной школой политического воспитания.

М. Д. САВЧЕНКО

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

В 1900 году М. И. Калинин был сослан в Тифлис под надзор полиции, где в то время был в ссылке и я.

В Тифлисе Михаил Иванович поселился на окраине города, в Дедубе, в доме Котрини. Дом этот занимал площадь с добрый гектар. Над множеством низких комнат с дверями, выходящими во двор, тянулся сплошной навес, а середина двора представляла большую площадь, где по утрам на жаровнях стряпали хозяйки — беднота готовила себе пищу под открытым небом.

Однажды вечером я зашел к Михаилу Ивановичу. В разговоре время прошло незаметно. Возвращаться домой было уже поздно. Михаил Иванович предложил мне переночевать у него.

Всю ночь мы проговорили о тяжелых условиях жизни рабочих, о лишениях того времени, которые особенно чувствовались в доме Котрини. Я предложил Михаилу Ивановичу перейти жить ко мне, на другую окраину Тифлиса, называемую Нахаловкой. Там, на Авчальской улице, я снимал комнату у рабочего железнодорожных мастерских Семенова. Михаил Иванович согласился, и в тот же день мы перетащили ко мне его вещи.

Работали мы с М. И. Калининым в железнодорожных мастерских, Михаил Иванович в токарном цехе, я в столярном.

В нашей комнате иногда проходили нелегальные собрания. На случай налета полиции на стол мы для конспирации ставили батареи бутылок. Бывали у нас товарищи и из дома Котрини. Руководил собраниями всегда Михаил Иванович.

В конце 1900 года к нам ночью явились жандармы. Тщательно перетряхнули все наши вещи и книги. Закончив свою «работу» на рассвете, они «попросили» нас одеться и «пожаловать» с ними. Когда мы подходили к Метехскому замку, Михаил Иванович заметил:

— Савченко, смотри-ка, как красива природа! Хочется жить, работать... а вместо этого придется нам сидеть в каменном мешке Метеха. Неизвестно, сколько времени пропадет бесполезно.

В тюрьме нас заключили в одиночные камеры...

По освобождении из тюрьмы нас направили в разные стороны. М. И. Калинин попал в Эстонию, а я — в Ташкент, под надзор полиции.

Вновь я встретился с Михаилом Ивановичем только после Октябрьской революции, в 1919 году. В то время я жил в деревне и вел работу среди крестьян Смоленской губернии. Однажды совсем неожиданно я получил из Вязьмы телеграмму от товарища Калинина. Он предлагал мне встретить его в Смоленске.

В назначенное время я вместе с представителями города прибыл на вокзал. Теплой была встреча с Михаилом Ивановичем. Мы крепко расцеловались и обмолвились несколькими словами. Михаил Иванович предложил мне ехать в деревню и ждать его там к 7 часам вечера.

Пробило семь, а Михаила Ивановича все не было. Прошло еще около часа, когда я заметил вдали группу людей, направляющихся к Знаменскому. «Пешком! Конечно, это не он», — подумал я. По мере приближения пешеходов я различил четверых. Это были: Михаил Иванович, два его шофера и мой

брат Конон, оставшийся в Смоленске в качестве проводника.

Дорога от Смоленска была очень плоха. Машина Михаила Ивановича сломалась, не доехав 2—3 километров до Знаменского. Уже начинало темнеть.

— Ну, и дорога же у вас: горы-то прямо кавказские! — воскликнул при встрече М. И. Калинин.

Вместе со мной встречал Михаила Ивановича и некто Андреев, местный крестьянин — воспитанник Петровско-Разумовской (ныне Тимирязевской) сельскохозяйственной академии. Он в то время заведовал всеми национализированными имениями в Смоленской губернии. Человек энергичный и деятельный, он хорошо поставил дело в имениях. Но, будучи эсером, он враждебно относился к большевикам. Узнав, что Калинин будет в Знаменском, Андреев приехал ко мне и попросил познакомить его с Михаилом Ивановичем.

Вспоминая давно минувшее, нашу дружбу, вместе пережитые радости и лишения, я был очень рад принять в своем доме дорогого гостя.

Я готовил чай и закуску, а Андреев уже спорил с Калининым, тщетно пытался доказать, что политика большевиков неправильна.

— Я не верю в успех дела большевиков, — сказал в заключение Андреев.

— Это неважно, что вы не верите, после поверите, — ответил ему Калинин. — Важно то, что вы делаете наше дело, и притом умело и добросовестно.

Незаметно подоспела ночь. Михаил Иванович спросил у меня, можно ли завтра достать лошадь, чтобы доехать до Смоленска.

— Завтра к 7 часам я пришлю вам лошадей — экипаж бывшей княгини Тенишевой, — ответил за меня Андреев.

На следующее утро, когда Михаил Иванович Калинин еще спал, княжеский экипаж, запряженный парой серых рысаков, уже стоял около дома, а кучер Герасим сидел на козлах и терпеливо ждал приказа.

В 1920 году мне пришлось быть в Москве. Четыре дня я жил у М. И. Калинина, в Кремле. То было тяжелое время гражданской войны. Жители Кремля голодали так же, как и все москвичи. Я помню обед у Михаила Ивановича: щи, в которых не было ни одной жиринки, и черный, как земля, хлеб — вот и все. Я заметил, что от такого питания можно скоро и ноги протянуть, на что Михаил Иванович ответил:

— А что же делать!? Надо перетерпеть.

Несмотря на голод и лишения, неутомимый Михаил Иванович ездил по митингам рабочих, крестьян и солдат, рассказывал им о положении в стране, доказывал правоту дела большевиков, вдохновлял людей на укрепление Советской власти.

Ф. В. РОСТОВЦЕВ

АГИТПОЕЗД В ОРЛЕ

В начале зимы, после разгрома под Орлом деникинских банд, к нам прибыл с агитационным поездом Михаил Иванович Калинин.

В то время я работал заместителем начальника Орловской железнодорожной чрезвычайной комиссии.

Случилось так, что поезд М. И. Калинина не смог сразу прибыть на станцию: он простоял 15 минут у семафора, который оказался закрытым из-за плохой натяжки проводов.

Встречала Михаила Ивановича небольшая группа руководящих работников — председатель губисполкома, секретарь губкома партии, начальник губернской чрезвычайной комиссии. Михаил Иванович принял нас в своем вагоне. Прежде всего он поздоровался со всеми, усадил вокруг стола, раскрыл железную коробку с турецким табаком и предложил закурить. Сам тоже свернул папироску, вложил в мундштук, закурил и начал примерно так:

— Раньше-то, наверное, на железной дороге были другие порядки, нежели теперь. Небось как приезжал какой-нибудь знатный чиновник из Ми-

нистерства путей сообщения, так начальник станции встречал его в начищенных сапогах, железнодорожникам на шею одевали специальные бляхи, разрешающие присутствовать на платформе, а жандармы сдерживали пассажиров, не пропуская их на перрон. Теперь же идет специальный поезд... хотя и с Председателем ВЦИК, но ведь он же рабочий Путиловского завода — так пусть себе и постоит у семафора. Как же это так получается? Кто у вас этим ведаает?

Когда все взоры товарищей устремились на меня, то и Михаил Иванович уже обратился прямо ко мне:

— Ну, так что же это такое, молодой человек, кто у вас начальник станции? Расскажите.

Волнуясь, я начал докладывать: видимо, работники станции недостаточно проверили действие еще плохо налаженных механизмов. Тут же я ему сказал, что вновь назначенный начальник станции почему-то на работу не явился, а бывший — бежал с белыми.

Михаил Иванович дал мне указание, чтобы личное имущество бежавших с белыми работников узла после соответствующего оформления передать в распоряжение детских садов или яслей. Что же касается начальника станции, то необходимо принять меры, чтобы он почувствовал ответственность своего положения.

Потом Михаил Иванович обратился с вопросами к присутствующим. Нельзя было не заметить, что больше он интересовался крестьянским вопросом: расспрашивал о жизни деревни, разъяснял, какую политику надо применять по отношению к кулаку, середняку, бедняку.

После беседы Михаил Иванович провел нас по всему составу поезда, дал указания своим сотрудникам и поехал на санях в город.

Через полчаса меня вызвал к телефону председатель губчека.

— Куда же девался Калинин? — спросил он. — Ведь до сих пор его нигде нет!

Оказалось, что Михаил Иванович вместе с председателем губисполкома и секретарем губкома поехал не в город, а в близлежащую деревню для беседы с крестьянами.

В тот же день поезд М. И. Калинина следовал далее на юг. Перед отъездом Михаил Иванович дал мне сверток в газетной бумаге и просил доставить его по адресу. При этом он пояснил, что когда он уезжал из деревни, было холодно, и крестьяне, боясь, как бы он не простудился, дали ему полотенце, чтобы закрыть шею.

На другой день я отправился в деревню и выполнил его просьбу.

С. В. ЕВГЕНОВ

ПЕРВЫЙ ПРИЕЗД В ТАМБОВ

В тот день (это было 3 августа 1919 года) я поздно вернулся из типографии, часов в пять утра. Тогда я работал в Политпросвете Тамбовского губвоенкомата и вместе с критиком Георгием Якубовским выпускал ежедневную газету «Красное утро».

Я еще спал крепким сном, когда задребезжал телефон. Секретарь губернского отделения РОСТА Поздняков сообщил мне официальным тоном:

— Товарищ Евгений, совершенно срочное и абсолютно секретное дело! Тебе надо сейчас же приехать в РОСТА.

Через четверть часа извозчик подкатил меня к подъезду самой большой в городе Европейской гостиницы, предоставленной после революции различным культурным учреждениям, в том числе редакции газеты и РОСТА.

При моем появлении Поздняков засуетился, взял меня под локоть и отвел в сторону.

— Тебе, товарищ Евгений, — сказал он, — поручили отправиться к Михаилу Ивановичу Калинин, прибывшему в Тамбов, и взять у него интервью. Вот бумажка. Желаю успеха!

Взять интервью у Калинина... Шутка ли!

Готовясь к беседе с самим президентом, я прежде всего заглянул в синенькую книжку — «Газету» П. М. Керженцева, вышедшую весной 1919 года и служившую нам, пионерам советской журналистики, единственным кладезем газетной премудрости. Затем обложился комплектами центральных газет и составил 10—15 вопросов, показавшихся мне наиболее интересными и подходящими для беседы с Калининым. Потом занялся поисками Михаила Ивановича. В губкоме партии его не оказалось, и мне посоветовали отправиться прямо на вокзал.

Комендант станции помог быстро найти на ближних запасных путях вагон Калинина. Взобравшись на площадку, я увидел высокого усатого человека в полувоенной-полуштатской форме, которому сообщил о своих полномочиях и просил пропустить к Михаилу Ивановичу.

— Подождите здесь, — сказал усатый и ушел в вагон.

Откровенно говоря, я немного робел. Мне еще никогда не приходилось встречаться с такими большими людьми. Однако меня ободряло доверие, мне оказанное, да и сама обстановка... Я не сомневался, что меня пропустят к Калинину. Усатый скоро вернулся и попросил меня в вагон.

Я вошел в довольно скромный салон-столовую. Парень в гимнастерке защитного цвета убирал посуду со стола, накрытого серой клеенкой. Михаил Иванович, по-видимому, только что пообедал. Тут я увидел и его самого. Он лежал на кабинетном диване с высокой спинкой и, кажется, дремал. «Как же быть! Повернуться и тихонько выйти на площадку, ждать там, пока отдохнет?»

Мои раздумья прервал человек, пропустивший меня в вагон. Он тихо сказал:

— Михаил Иванович! Пришел тот самый, о ком военком говорил.

Калинин открыл глаза и, не поднимаясь с дивана, пытался разглядеть меня без очков.

— Товарищ Калинин, военный журналист Ев-

генов командирован к вам для получения беседы о текущих событиях, — произнес я неожиданно для самого себя бойко и четко.

Михаил Иванович взял очки со стула и не спеша надел их.

— Здравствуйте, военный журналист! — сказал он, разглядывая меня. — Журналист — это, знаете ли, большое дело, да еще военный... Так о чем же вы хотите со мной говорить, товарищ? — спросил Михаил Иванович, пересаживаясь с дивана за стол и указывая мне место напротив.

Я вынул из планшетки лист бумаги с аккуратно написанными вопросами.

— Вот у меня тут кое-что набросано... для нашей газеты, а также для РОСТА, — и я уже намеревался задать Калинин у первый вопрос.

— А ну, давайте-ка сюда, — сказал Михаил Иванович и забрал мою шпаргалку.

Просмотрев вопросник, он улыбнулся:

— А знаете, это толково составлено! Один только существенный недостаток — уж очень много вопросов, тут и за день на все не ответишь.

— Тогда уж вы, Михаил Иванович, пожалуйста, скажите нашим читателям о самом главном, — попросил я.

— О самом главном, говорите? Ну что же, это уже легче... А на кого рассчитана ваша газета?

— Все ее читают, — поспешил я с ответом. Она у нас информационная и оперативная, с боевыми лозунгами... И красноармейцы читают, и рабочие — по всему городу расклеивается.

— И мужички читают? — спросил Михаил Иванович.

— И мужички, когда в город приезжают.

— А сами вы им газету не посылаете? — и, не дождавшись моего ответа, сказал: — Ну, теперь все ясно... Запишите-ка несколько мыслей.

Я раскрыл свой блокнот и приготовил остро отточенный карандаш. Но в это время вошел тот же усатый и сообщил:

— Михаил Иванович, целая делегация к вам

пришла, питерские за хлебом приехали. Очень просят принять.

— Вот тебе раз! У нас тут интервью начинается, а они пришли...

Михаил Иванович посмотрел на меня и опять улыбнулся: на моем лице, наверное, выразилось огорчение.

— Надо потолковать с земляками, как вы думаете? — спросил Михаил Иванович.

— Надо, — растерянно ответил я. — А после беседы с ними вы дадите мне интервью? — пролепетал я, умоляюще глядя на Калинина.

— Пожалуй, ничего уж не получится: через полчаса мне выступать у железнодорожников, а потом на другое собрание ехать, а потом — в Москву...

Мое состояние было близко к отчаянию — вернуться в редакцию ни с чем было невозможно! Я напряженно думал и вдруг предложил:

— Михаил Иванович! Тогда вы для нашей газеты напишите что-нибудь, — и я пододвинул ему блокнот, а в голове мелькнуло: «Тут беседовать некогда, а я писать прошу — вот не подумал!»

Михаил Иванович неожиданно попросил перо и чернильницу, придвинул мой блокнот и сказал:

— Хорошо, напишу... Самое главное, вы говорили?

— Самое главное! — воскликнул я обрадованно и затаил дыхание.

Михаил Иванович с секунду подумал, а потом написал:

«Да здравствует союз рабочих и крестьян! М. Калинин, Тамбов 19—3/VIII-19».

— Вот вам коротко, правда, но зато действительно самое главное, — сказал он, передавая мне блокнот. — А что касается вопросов, я отвечу на них, когда буду выступать. Если хотите, поедем с нами.

Еще бы мне не хотеть! Я горячо поблагодарил Михаила Ивановича и вышел за ним на площадку. У вагона его ожидали несколько пожилых

женщин и мужчин. Калинин спустился к ним и поздоровался за руку со стоящими впереди.

— Вы знаете, конечно, Михаил Иванович, что рабочим нашего завода разрешили выехать на Тамбовщину за хлебом, — начала разговор статная женщина, повязанная по-городскому белым платочком. Вот мы и прибыли сюда, едва добрались. А тут, оказывается, никакого толку нельзя добиться. Прямо скажем — нет тут Советской власти!

— Как это нет?! — воскликнул Калинин. — А что же тут есть?

— Есть губпродкомиссар Гольдин, который совсем забюрократился, и добраться до него невозможно. Мы не частные заготовители, не спекулянты, а представители питерских рабочих. Хлеб хотим купить организованно, чтобы плану не помешать... А без хлебушка нельзя нам возвращаться, вы сами хорошо понимаете, а вот Гольдин принять нас не хочет...

— Как так не хочет?! — воскликнул Михаил Иванович.

В это время протиснулся к вагону небольшого роста худенький человек с высокой черной шевелюрой. Это и был «знаменитый» Гольдин, продовольственный диктатор, создавший аппарат, который никого, кроме Гольдина, не признавал и никому не подчинялся. Он же командовал и заградительными продотрядами.

Михаил Иванович мельком, с ухмылкой взглянул на Гольдина. Посмотрели на него равнодушно и питерцы — они совсем не знали его.

— Так вы не волнуйтесь, товарищи! Мы научим Гольдина с народом разговаривать. Заходите к нему через часок, он вас примет и все, что нужно, устроит, — твердо сказал Калинин, и люди ушли успокоенные.

Когда питерцы удалились, он обратился к Гольдину:

— Что же это у вас, батенька, делается: и местные власти, и приезжие рабочие на вас жа-

луются! Почему питерцы к вам попасть не могут? Слышали, что я им сказал? Через час примите их и сделайте все, чтобы им помочь...

Тут Калинину напомнили о собрании железнодорожников, и он отправился к ним.

Начал свою речь Михаил Иванович как-то уж очень спокойно, говорил тихо. «Слышат ли его в задних рядах?» — подумалось мне, но скоро стало ясно, что слышат все. Говорил он хоть и негромко, но внятно, отчетливо.

Просто и проникновенно рассказывал Михаил Иванович о том трудном и сложном положении, в каком находилась в тот момент молодая Советская республика. Она была окружена штыками, огнедышащим кольцом вражеских армий с севера и востока, с юга и северо-запада. Надвигалась и угроза голода. Совсем плохо с хлебом было в Петрограде и Москве. Ничего хорошего не предвещала осень: главные житницы России — Кубань, Украина, Сибирь — находились во вражеских когтях. Значение таких районов, как Тамбовская губерния, неимоверно возросло. Но и тут дела обстояли неважно. Судорожно рвались деникинцы. Сложно было тут и с хлебом. Тамбовские кулаки жгли и гноили хлеб — только бы не дать его промышленным центрам. Они сбивали с толку и середняков, союз с которыми так необходим был рабочим...

Калинин не потрясал кулаками в адрес капиталистов и белогвардейских генералов, а спокойно говорил о том, что произойдет, если народ не откликнется на призыв Ильича: «Все на борьбу с Деникиным!» Михаил Иванович прямо ставил вопрос: заинтересованы или нет рабочие в поражении Красной Армии — и убедительно доказывал, что именно рабочий класс потеряет при этом больше всех и поэтому сейчас должен быть впереди всех в оказании помощи Советской власти и Красной Армии.

О меньшевиках и эсерах Калинин говорил с уничтожающей издевкой, не скупясь при этом на

пословицы и поговорки. Часто приводил он, как примеры, героев известных басен и русских сказок.

Создавалось впечатление, что говорит не правый оратор, выдающийся государственный деятель, а твой старый учитель, давнишний товарищ, что пришел он сюда не агитировать, а просто делиться своими сокровенными мыслями...

М. И. Калинин закончил свою речь лозунгами, которые прозвучали у него как естественный вывод, как неопровержимый итог тому, о чем он держал речь, как единственный выход из тех трудностей, о каких говорил он с трибуны.

Несколько секунд стояла полная тишина, а потом хлынули аплодисменты, радостные и дружные, как бурный поток, как освежающий ливень в знойный день.

От железнодорожников Михаил Иванович отправился на митинг учителей трудовых школ. Городской, бывший Купеческий, сад, где был назначен митинг, находился в центре города, на Советской улице, против самой большой школы.

Речь, произнесенная Калининным перед учителями, была по форме примерно такой же, как и речь перед железнодорожниками. Мысли были те же, но аргументы изменены и, пожалуй, несколько усложнены с учетом собравшейся аудитории.

Михаил Иванович взволнованно говорил о заслугах русской интеллигенции перед народом, о том, кто и как старался посеять рознь между ними, как большевистская партия опрокидывает все эти перегородки, какие возможности и перспективы открывает она перед интеллигенцией, особенно перед учителями. Он говорил о подвигах учительства в старой России, напоминал, что далеко не все были Беликовыми, да и чеховский Беликов не сам влез в футляр — его туда загнали своими «циркулярами» казенные души и оловянные головы из Министерства просвещения, условия дореволюционной школы. Особенно подчеркнул Калинин высокую миссию советского учителя в воспитании

нового, свободного человека, гражданина социалистической державы.

Учителя слушали Калинина с таким же глубоким вниманием, как и рабочие, и когда он закончил речь, несколько секунд держалась тишина — тишина раздумья, а может быть, и сожаления, что кончился откровенный, дружеский, душевный разговор. Затем грянули аплодисменты.

Михаилу Ивановичу учителя задали много вопросов. На одни он отвечал тут же, по поводу других говорил:

— Об этом надо спросить Луначарского, я это обязательно сделаю.

Проводили М. И. Калинина теплыми напутствиями и просьбами передать лучшие пожелания и приветы товарищу Ленину.

Выступления Михаила Ивановича в Тамбове сделали доброе дело. Это, в частности, сказалось при проведении партийной недели. Она проходила в Тамбове с 20 по 26 октября того же года, в сложных условиях обостренной классовой борьбы. Кулацко-эсеровский «Союз трудового крестьянства» уже тогда готовился зажечь на Тамбовщине кровавый мятеж, уже таил и натаскивал в кирсановских трущобах будущего главаря «тамбовской Вандеи» Антонова. С партийной неделей совпала первая вылазка врага — злодейское убийство председателя Тамбовского губисполкома М. Д. Чичканова. Несмотря на эти события, а может быть, и в ответ на них, за одну неделю в небольшом городе вступило в Коммунистическую партию более четырех тысяч человек, среди которых было немало железнодорожников и учителей.

С. М. БУДЕННЫЙ

В ПЕРВОЙ КОННОЙ

С Михаилом Ивановичем Калининым бойцы Первой конной армии встретились на фронте, в самый разгар гражданской войны.

3 ноября 1919 года Михаил Иванович прибыл в освобожденный нами несколько дней тому назад Воронеж.

Штаб конного корпуса, вскоре переименованного в Конную армию, находился тогда в селе Стадница, недалеко от Землянска. Михаил Иванович отправился туда вместе с товарищем Петровским на автомобиле.

Наша встреча, по-моему, была самая оригинальная, какая возможна только в боевой обстановке. С одного из передаточных пунктов связи телефонограммой сообщили, что в конный корпус едет «сам» Михаил Иванович. Тут же было отдано распоряжение выставить пост для встречи и караул. Все шло, как положено. Вдруг с одного из участков на взмыленной лошади прискакал боец и, торопясь, невпопад доложил, что наши задержали автомобиль с двумя штатскими, которых приведут сюда. Бойцу же было приказано скакать наперерез, чтобы предупредить штаб.

— Наверное, деникинские генералы, отставшие в Воронеже, — добавил он. — Переодевшись в штатское, они думают убежать.

Я не смог удержаться и рассмеялся:

— Это не старые генералы, а наши гости: товарищ Калинин к нам в армию приехал. Боец оторопел, а виновник сего происшествия, Михаил Иванович, уже прибывший к этому времени, кусая усы, добродушно улыбался и своим взглядом словно говорил: «Правильно, так и надо, зато шпионы не подкрадутся».

После официальной встречи мы, Михаил Иванович с товарищем Петровским и встречавшие их военные, зашли в дом и там за скромным обедом окончательно познакомились.

При штабе корпуса находился один эскадрон, который проделал небольшое строевое учение. Внимательно следили бойцы за тем, какое впечатление произведут они на товарища Калинина. Все были настроены очень торжественно и прекрасно демонстрировали свое мастерство.

Долго потом после посещения Михаила Ивановича конники рассказывали о нем бойцам корпуса. Они воочию убедились, что у власти в Советской республике стоят не богачи, а простые люди, трудящиеся.

Вторая встреча с М. И. Калининым состоялась 25—27 мая 1920 года. Конная армия тогда двигалась к Польскому фронту. Товарищ Калинин приехал в Тальное и на утро 25 мая назначил смотр 6-й кавалерийской дивизии.

На пролетке, еле выбравшись из большого села, переполненного народом, конницей, артиллерией, обозами, Михаил Иванович прибыл на место смотра. После приветствия бригады начали спешиваться. Плотнo, флангами охватили они тачанку с пулеметом, на которой, как на трибуне, появился товарищ Калинин. Он обратился с кратким приветствием к бойцам. В это время над отрядами очень низко пролетел аэроплан с отличии-

тельным знаком — красной звездой. «Это наш», — думали мы.

Но не прошло и трех минут, как затрещали пулеметы и сверху посыпался град пуль. Оказывается, враг решил под прикрытием нашего опознавательного знака внезапно напасть на нас. Бойцы схватились за оружие. Среди местного населения началась паника. Через несколько минут самолет был отбит и улетел. Бойцы снова, еще более тесным кольцом, обступили тачанку, на которой стоял Всероссийский староста. Михаил Иванович был горд за бойцов молодой Красной Армии, которые быстро ориентировались в обстановке и вступили в борьбу с врагом. Сам товарищ Калинин впоследствии говорил, что в тот момент ему очень хотелось иметь в руках винтовку, чтобы в свою очередь тоже «пальнуть» по врагу.

По окончании митинга Михаил Иванович проводил конников в далекий боевой путь.

Впоследствии я несколько раз встречался с М. И. Калининым на фронте. И всегда он появлялся там в самые критические моменты. Приезд Михаила Ивановича воодушевлял войска: после нескольких слов приветствия глаза наших бойцов загорались огнем энтузиазма, крепче сжималась в руках шашка, хотелось бить, бить врага — и уничтожить.

С. СУМНЫЙ

ПЕРЕД РАЗГРОМОМ ВРАНГЕЛЯ

Шли последние месяцы гражданской войны. Штаб 6-й армии находился в Кременчуге. Здесь же формировались отдельные части. Готовился последний удар по белогвардейскому барону Врангелю.

На стрельбище, куда вышли наши подразделения, прискакал дежурный по части и доложил командиру:

— Приехал Калинин. Начальник штаба армии приказал собраться.

Около полудня на площади, недалеко от Днепра, выстроились войска гарнизона. В нашу часть как раз в это время прибыло много коммунистов из Московской, Петроградской, Иваново-Вознесенской и других партийных организаций. Были и земляки Михаила Ивановича из Тверской губернии.

— Какой он из себя, Калинин-то? — спросил один из красноармейцев.

— Такой же, как и мы с тобой, — из мужиков. Только он прошел жизнь на заводе, потому теперь и мужику и пролетарию родной брат! — ответил земляк Калинина.

Показалась машина, и по площади прокатилось громкое «ура». Михаил Иванович приветливо махал черным картузом и улыбался бойцам.

В черном пиджаке и простой косоворотке, с палкой в руке Калинин поднялся на трибуну. С ним были А. В. Луначарский и Демьян Бедный.

Член Военного совета армии В. П. Потемкин открыл митинг и предоставил слово товарищу Калинин.

Помнится, Михаил Иванович говорил тогда о близкой победе над контрреволюцией. Он передал нам привет от Владимира Ильича Ленина и выразил надежду, что в предстоящих операциях мы оправдаем доверие советского народа.

После товарища Калинина выступал А. В. Луначарский. А затем слово было предоставлено одному из командиров нашей части. Коротко рассказав о том, как готовятся наши войска разгромить Врангеля, он обратился к Калинин:

— Мы просим Вас, Михаил Иванович, передать от нашего имени Владимиру Ильичу, что мы готовы к бою, вынесем и приведем в исполнение смертный приговор над бароном Врангелем. Просим скорее нас направить на фронт, чтобы выполнить задание рабоче-крестьянского правительства.

Михаил Иванович крепко обнял и расцеловал нашего товарища, а потом, нагнувшись к Демьяну Бедному, что-то сказал ему.

Демьян Бедный кивнул головой, подошел к краю трибуны и стал читать свои стихи «Манифест барона Врангеля».

Михаил Иванович от души смеялся, слушая острую сатиру поэта.

Когда Демьян Бедный кончил читать, Калинин крепко пожал ему руку и долго вместе с нами аплодировал поэту.

Ранним утром следующего дня мы пришли на станцию, чтобы отправиться эшелонам на Херсон.

Паровоз агитпоезда Михаила Ивановича уже стоял под парами. Товарищ Калинин спешил к фронту.

В селах под Перекопом и Сивашом части армии готовились к решительным боям. По соседству с нашей дивизией расположились части 1-й Конной армии. Они должны были развить наступление, как только мы прорвем фронт, возьмем Перекоп и форсируем Сиваш.

В одну из дивизий 1-й Конной армии приехал товарищ Калинин. Несколько наших командиров, находившихся там в то время, пришли на сельскую площадь, где должна была состояться встреча Михаила Ивановича с буденновцами.

Из-за поворота полной рысью вылетела четверка коней, запряженная в тачанку, на которой сидел Михаил Иванович Калинин. За тачанкой следовали на конях Семен Михайлович Буденный и большая группа командиров.

Буденновцы с огромной радостью встретили товарища Калинина.

Здесь — накануне перекопско-сивашских боев — Михаил Иванович говорил о близкой победе над врагом:

— Мы скоро добьем Врангеля. Как это будет осуществлено оперативно, не знаю, потому что я человек не всенный. Это уж дело Семена Михайловича Буденного. Но я определенно знаю, что скоро мы освободим нашу рабоче-крестьянскую землю от последнего оплота русской и международной контрреволюции.

В ответ на речь Михаила Ивановича воины поклялись, что будут драться до последней капли крови, но Врангеля уничтожат.

На многих прифронтовых станциях можно было встретить в 1920 году агитпоезд М. И. Калинина. Сотни тысяч бойцов и командиров, трудящихся городов и деревень слушали тогда пламенные речи Михаила Ивановича, призывавшего всех на разгром врага.

И долго-долго после победоносного завершения гражданской войны бывшие фронтовики вспоминали при встречах:

— А помнишь приезд Михаила Ивановича в Кременчуг?

— А где ты был, когда Калинин из Херсона через Береславскую переправу приехал к нам перед самым разгромом Врангеля?..

С. Ф. КОТИКОВ

НИКОГДА НЕ ЗАБУДУ

Летом 1919 года белогвардейский генерал Мамонтов при поддержке кулачества и остатков еще не добытых врагов молодого рабоче-крестьянского государства бесчинствовал в Тамбовской губернии. Сделав в нескольких местах прорыв, он угрожал Саратову, где находился в то время штаб Южного и Юго-восточного фронтов Красной Армии.

За несколько суток Саратов покрылся окопами — готовился отпор оголтелому врагу.

В 15—20 километрах от города, недалеко от Трофимовского разъезда Рязано-Уральской железной дороги, были расположены госпиталь и туберкулезный санаторий, где я находился в то время на излечении.

Стало известно, что в Саратов прибывает с агитпоездом Председатель ВЦИК Михаил Иванович Калинин.

— Раз сам Калинин едет — дело, значит, серьезное! — говорили между собой рабочие и красноармейцы.

На большой поляне у Трофимовского разъезда построили трибуну — помост с лестницей. Здесь должен был состояться митинг.

Больные красноармейцы и рабочие с нетерпением ожидали Всероссийского старосту. Всем хотелось увидеть и услышать его.

К приезду Михаила Ивановича поляна была заполнена народом: красноармейцами, крестьянами из окрестных деревень. В знойном воздухе висели облака махорочного дыма, стоял глухой гул тысяч людей.

— Едет! Едет! — пронеслось по поляне.

Худошавый, слегка сутулый, с бородкой клинышком, в высоких сапогах, чесучовой рубаше-косоворотке, подпоясанной поясом с кистями, в легком пиджаке, в картузе, поднялся на трибуну Михаил Иванович Калинин. За ним последовало несколько руководящих работников губернии и военных. Кого-то поджидали еще, и Михаил Иванович запросто сел на край трибуны, закинув одну ногу на другую, вынул из кармана брюк кисет с махоркой и начал скручивать «козью ножку»...

Широким кольцом окружили его красноармейцы и крестьяне. Началась тихая беседа «по душам». Посыпались вопросы:

— Как сейчас в Питере?

— А на других фронтах?

— Как здоровье Ленина?

Глядя в упор на Михаила Ивановича, крестьянин лет 55 спросил его:

— Сам-то ты из каких будешь? Знаешь ли ты, чем мужик живет? Как он думает?

Михаил Иванович спокойно ответил:

— Сам я из крестьян Тверской губернии. С молодых лет, еще мальчишкой, от недостатков в хозяйстве ушел в Питер и стал работать на заводе. Выучился на токаря. Слышал о Путиловском заводе? Так вот там я и работал... Семья у отца была большая. Харчей не хватало. А помещик, сам знаешь, одолевал. Вся хорошая земля вокруг ему принадлежала. Сейчас, известно тебе, помещиков выгнали, землю отобрали. Теперь бы жить как следует надо. А тут видишь: они, помещики и их

генералы, хотят опять власть и землю у народа забрать. Да этому не бывать. А ты как думаешь?

— Спрашивать у меня нечего, Михаил Иванович, у меня два сына-красноармейца. Так порешили: жизнь отдадим, а генералов и помещиков не пустим! — с уверенностью ответил собеседник.

— Правильно, хорошо поступили! — улыбнулся ему Калинин.

Когда открылся митинг, Михаил Иванович в своей речи удивительно просто и доходчиво говорил о понятных и близких трудовому народу делах: о прорыве Мамонтова, о тесном союзе рабочих и крестьян, о Коммунистической партии, о товарище Ленине, о том, как надо помогать рабоче-крестьянскому правительству в борьбе с врагами народа, как надо работать на полях, заводах и фабриках, чтобы Красная Армия не нуждалась ни в чем, была сыта, одета, вооружена.

— Разобьем врагов — будем дружно и сообща строить новую жизнь. А что значит помогать правительству и Красной Армии? — обращался Михаил Иванович к народу и тут же отвечал: — Честно работать... Как на самого себя. Это и будет самая лучшая помощь. К этому и призывает нас партия, товарищ Ленин. А Мамонтова Саратова не видать. Так или нет?

— Так! Так! — загремело в ответ.

— Ур-ра!

Вверх полетели фуражки и картузы.

Резолюция была короткая: не пустим банду Мамонтова в Саратов, в прах разобьем всех врагов рабоче-крестьянского государства! Дадим все необходимое Красной Армии! Да здравствует Ленин и рабоче-крестьянское правительство!

К поезду Михаил Иванович шел окруженный крестьянами и красноармейцами. Стоя на подножке вагона, он, прощаясь, приветливо махал картузом.

Такой была моя первая встреча с Михаилом

Ивановичем Калининым. Вторая состоялась через несколько лет, в конце 1923 года.

В то время я работал в типографии «Искра революции». Типография шефствовала над селом Булатниковом, расположенным в 20 километрах от Москвы по Павелецкой железной дороге.

В этом селе не было школы, и ребятам приходилось бегать за 7—8 километров в школу при станции Расторгуево.

В сосновом лесу, недалеко от станции, стояла заколоченная барская двухэтажная дача с большим балконом по переднему фасаду. Вместе с крестьянами мы решили превратить ее в школу. В одну из зимних ночей дача была разобрана и перевезена на подводах в Булатниково. А через неделю на краю села, на взгорье, уже стояло прекрасное двухэтажное здание школы.

О «самоуправстве» типографских рабочих и булатниковских крестьян стало известно Михаилу Ивановичу. Председатель шефской комиссии, председатель сельского Совета и еще три человека были срочно вызваны в Приемную Калинина.

Стоим мы впятером у барьера приемной комнаты и ждем Михаила Ивановича.

Вышел он к нам как будто сердитый, брови нахмурены.

— Вы что же это, товарищи, самоуправствуете? Без ведома волисполкома разбираете дачу и увозите к себе в село. Самочинно открываете школу. Разве этому учат вас Советская власть, наша партия? А где порядок? Где революционная дисциплина?

— Виноваты, Михаил Иванович, ничего другого тут не скажешь. Отпираться не будем. Но, Михаил Иванович, посудите сами: ребята в зимнюю и осеннюю пору бегали в школу за 7—8 километров. А дача стоит заколоченной. По существу, сделано большое и полезное дело. 130 ребят села Булатникова имеют теперь свою прекрасную школу. Просим вас, Михаил Иванович, приехать и посмотреть. Вину признаем, но просим снисхождения.

Взгляд Михаила Ивановича смягчился.

— Ну, уж ладно. Сделанного не воротишь. Только впредь не позволяйте себе чего-либо подобного. Не прощу. Поняли? Ступайте. Школу берегите. Смотрите за ней. Учителей подберите хороших. От пожаров охраняйте. Но хорошенько запомните: самовольничать нельзя. Советская власть не допускает этого. Ступайте. До свидания!

Выйдя на улицу, мы остановились. Было такое чувство, что как будто что-то связывало нас. А это и было так. Нас связывало огромное впечатление от того, как не формально отнесся Председатель ВЦИК к нашему делу.

Е. И. КАЛИНИНА

**ОН УМЕЛ
РАЗГОВАРИВАТЬ С НАРОДОМ**

В СИБИРИ

1920 год. Михаил Иванович с поездом «Октябрьская революция» разъезжал по Сибири. В одном из районов было намечено провести крестьянскую конференцию. После разгрома Колчака в деревнях положение еще оставалось серьезным: середняки колебались, а кулаки пытались сохранить свои позиции.

Когда мы приехали в назначенный пункт, Михаил Иванович ушел куда-то с местными товарищами. А я бродила одна и прислушивалась к тому, что говорят в народе. Вдруг вижу группу хорошо одетых мужиков, человек 15—18. Они о чем-то громко, взволнованно разговаривали. Подхожу ближе, слышу:

— Мы ему дадим хлеба! Пусть только выйдет — сразу же покажем, где раки зимуют... Пусть только выйдет... Да, не поздоровится ему сегодня!

Я задрожала от страха... «Как бы мне его предупредить?» А он уже идет к трибуне, кругом народ, подступиться к нему уже невозможно.

Михаил Иванович спокойно поднялся на трибуну, стал рассказывать о внутреннем положении страны Советов, о капиталистическом окружении,

о том, что рабочий класс, который на своих плечах выносит основную тяжесть борьбы, голодает. А в заключение он сказал буквально так:

— Я знаю, что многие из вас недовольны, что Советская власть забирает хлеб, «обирает мужика». Да, мы вынуждены пока это делать, потому что нет другого выхода. Мы не можем допустить, чтобы хлеб лежал в закромах, в то время когда армия, защищая страну от иностранной интервенции и внутренней контрреволюции, голодает. Не можем допустить, чтобы дети в городах умирали с голоду. Мы взяли у вас хлеб и еще возьмем. Если будет нужно, все мы, до последнего, вытянемся в питочку, но кормить больных, раненых, детей и рабочих будем. Мы понимаем, мужику сейчас тоже нелегко, возможно, будет еще тяжелее. Когда мы прогоним интервентов, Советская власть вернет долг трудовому крестьянству сторицей.

Я была поражена — никто не выступил против. Все, о чем собирались говорить недовольные зажиточные мужики, Михаил Иванович, собственно, сказал сам. Он отнял у них возможность спровоцировать собравшихся. Большинство крестьян поняло и поддержало его.

В КРОНШТАДТЕ

Это было в начале 1921 года. Спекулируя на продовольственных трудностях, на отчаянной разрухе, в которую в то время была ввергнута молодая Советская республика, меньшевики и эсеры пытались усилить на ряде петроградских заводов и фабрик свое влияние.

Особенно энергичную деятельность развили они в Кронштадте, среди моряков Балтийского флота. Контрреволюция избрала своим оплотом Кронштадт не случайно. Дело в том, что старых, кадровых моряков к тому времени в Кронштадте почти не осталось: они дрались на фронтах с белогвардейцами. И вместо них в Балтийский флот пришло немало всякого сброда — «жоржиков», уголовников, спеку-

лянтов. На эту «базу» и опирались контрреволюционеры в своей попытке свергнуть Советскую власть.

В Кронштадте было неспокойно. Назревали крупные события.

Несколько членов правительства, в том числе и Михаил Иванович, были направлены в Петроград для помощи организациям в борьбе с меньшевистско-эсеровской контрреволюцией.

Михаил Иванович предложил мне отправиться в Кронштадт вместе с ним. Я согласилась, и ночью мы выехали.

До Ораниенбаума мы добрались поездом, а оттуда нас доставили в Кронштадт на лошадях.

Михаила Ивановича встретили местные партийные работники. Они информировали его о политическом состоянии в городе. Михаил Иванович подробно расспрашивал о положении дел, взвешивая силы друзей и врагов. Сведения были неутешительными.

Михаилу Ивановичу предстояло выступить на массовом митинге. Ввиду отсутствия подходящего помещения, митинг был организован на Якорной площади. Собралось, примерно, тысяч пятнадцать моряков и местных жителей.

Я стояла на трибуне и наблюдала за народом. Я видела взволнованные лица и в то же время... как агенты контрреволюции лихорадочно шныряли в толпе.

Михаил Иванович говорил об очередных задачах Советской власти, о тех трудностях, которые приходится переживать пролетариату и всем трудящимся в борьбе с контрреволюцией, о мероприятиях партии и правительства.

Слушали Михаила Ивановича внимательно, ловили каждое слово. Но контрреволюционная агентура не дремала, она начала действовать — подавать реплики и шуметь. Кто-то крикнул:

— Ты дай хлеба, а баснями нас не корми!

Михаил Иванович, обращаясь к участникам митинга, ответил:

— Это говорит не рабочий, не трудящийся, кото-

рый делал революцию. Это говорит тот, чья дубинка ходила по вашим спинам. Не давайте себя обмануть, товарищи! Если только победит контрреволюция, то тот, кто сейчас требует хлеба, будет вырезать ремни из вашей кожи.

Михаил Иванович говорил уже два часа. Настроение массы изменилось. Лица стали серьезнее. На вражеские реплики теперь уже отвечал сам народ.

Меньшевики, эсеры и их сообщники, видя быстрый перелом в настроении массы, пустили в ход все, чтобы провести свою, заранее заготовленную резолюцию. Они потребовали прервать речь Михаила Ивановича под тем предлогом, что якобы приехала из Петрограда рабочая делегация, которая имеет срочное, внеочередное сообщение.

Все насторожились...

На трибуну поднялось несколько человек, и один из них начал говорить. Он заявил, что их послали петроградские рабочие для того, чтобы проголосовать резолюцию, принятую на всех фабриках и заводах Питера. Все это, разумеется, была сплошная выдумка — никаких резолюций контрреволюционного характера петроградские рабочие не принимали. «Делегация» была подтасована меньшевиками. Началось чтение резолюции, затем ее поставили на голосование, и большинство проголосовало за нее.

Михаил Иванович стал продолжать речь, но уже в другом духе. Он резко обратился к матросам:

— Сегодня Балтийский флот хоронит свое славное революционное прошлое. Будущее поколение мне не предъявит счета за измену революции а вам — предъявит. Ваши сыновья и дочери будут проклинать вас за сегодняшний день, за этот час, за то, что своими собственными руками сегодня вы предасте рабочий класс.

Я не помню всего выступления Михаила Ивановича — с тех пор прошло много лет, — но эта речь была изумительной силы, она шла из глубины сердца, была проникнута бесстрашием, она звучала грозно. Слова падали, как удары молота, и под

этими ударами потупились взоры, поникли головы. Стояла глубокая тишина, притихла даже вражеская агентура.

К вечеру организаторы мятежа заменили все посты своими людьми. Мы с Михаилом Ивановичем выехали из Кронштадта на лошади вдвоем. Доехали до заставы — дорога была закрыта. Михаил Иванович показал свой билет члена ВЦИК, но этого оказалось недостаточно, потребовали пропуск от штаба мятежников, находившегося на броненосце «Петропавловск».

Кучер повернул обратно...

Товарищи очень встревожились. Начали обсуждать, каким путем дать возможность Михаилу Ивановичу выехать из Кронштадта. Некоторые предлагали уйти ночью по льду, другие — связаться с «Петропавловском» и узнать, в чем дело. Из Совета гозвонили по телефону на «Петропавловск» и заявили организаторам восстания:

— У нас с вами имелась договоренность о том, что до 12 часов ночи вы ничего не измените без нашего ведома, а сами закрыли выезд и заставили товарища Калинина вернуться обратно. Как это понять?

Ответили не сразу — видимо, шло совещание. Наконец «Петропавловск» сообщил, что это случайная ошибка и что Михаил Иванович может выехать. Меньшевики не решились его задержать. Когда мы снова подъехали к заставе, пропуска уже не спрашивали.

И. А. ЧЕКУНОВ

С ХОДАТАЙСТВОМ К КАЛИНИНУ

Крестьяне села Фоминки Гороховецкого уезда Владимирской губернии уполномочили меня поехать в Москву с ходатайством об уменьшении поставок по озимой ржи и сену, в виду того, что нашу местность постигло стихийное бедствие — градобитие и засуха.

Я согласился поехать, и вот почему.

В марте 1921 года мне довелось беседовать с Владимиром Ильичем Лениным. Он спросил меня, как мы, крестьяне, отнесемся к замене продразверстки продналогом. Я ответил, что налог ввести нужно, но что он приемлем только для более зажиточных крестьян. Для бедняков же будет тяжел.

На это Владимир Ильич сказал:

— В таком случае мы оставим за собой право и будем беднейшим крестьянам налог уменьшать, а в исключительных случаях и вовсе освобождать их от налога.

Таким образом, я полагал, что для ходатайства у меня было полное основание.

По приезде в Москву, 15 сентября, я был принят Председателем ВЦИК Михаилом Ивановичем Калининным, которому и изложил подробно просьбу односельчан.

Выслушав меня, Михаил Иванович спросил:

— Видели ли вы в своей местности бедняков, умирающих от голода?

Я ответил, что таких случаев у нас не наблюдалось.

— Так вот, товарищ Чекунов, что я тебе скажу. Мы объехали огромную территорию Поволжья и своими глазами видели умерших и умирающих от голода. Мы видели, какое ужасное бедствие постигло миллионы людей, и теперь должны во что бы то ни стало им помочь, спасти их жизнь от голодной смерти. Мы обязаны спасти их скот, засеять их поля. Вы же должны помочь нам отдать государству что положено. Свои затруднения, вызванные частичным стихийным бедствием, постарайтесь решить в порядке взаимопомощи. Если бы не было голода в Поволжье, несомненно, ваше ходатайство было бы удовлетворено, а теперь, скрепя сердце, мы вынуждены отказывать.

Михаил Иванович, видно, был удручен тем, что не смог помочь нам. Я же почувствовал себя очень неловко и взял ходатайство обратно. Внутренний голос подсказывал мне, что хоть у нас и получился частичный недород ржи, но зато хорошо уродились овес, картофель, греча, просо и овощи. Так что от голодной смерти мы не умрем...

И. Я. ГОЛУБКОВ

ПРОСТОЙ И ЧУТКИЙ

Вспоминаю свою встречу со Всероссийским старостой. Это было в 1921 году. В то время я служил в Твери (теперь город Калинин), в одной из воинских частей шофером. И вот на мою долю выпало счастье возить на машине М. И. Калинина.

Однажды, по возвращении в гараж, мне сообщили, что меня вызывают в губисполком. Я немедленно отправился туда и вскоре был в кабинете председателя губисполкома. За столом, покрытым красным сукном, сидело несколько незнакомых людей. Один из них спросил мою фамилию, поинтересовался, как себя чувствую, в хорошем ли состоянии машина. Я ответил. Потом этот человек, который, как я после узнал, был новым председателем губисполкома — Андрей Александрович Жданов, сказал мне, что завтра из Москвы приезжает товарищ Калинин и что мне доверят возить Михаила Ивановича во все время пребывания его в Твери.

От неожиданности я сначала растерялся, потом поблагодарил за доверие и обещал с честью выполнить поручение.

За машину я был спокоен, но все же в гараже ее несколько раз осмотрел.

Задолго до прихода поезда я уже был на вокзале. Подошел состав. Вижу — к моей машине идут четверо, и среди них я сразу узнал Михаила Ивановича. Он был в зимнем пальто и шалке. Калинин поздоровался со мною, пожал руку. Робость в мгновение прошла, меня охватило чувство радости и гордости.

Михаил Иванович сел рядом и обратился ко мне:

— Какой марки машина?

— Берлие.

— Это что же, французская? И, видно, неплохая. Хорошо ухаживаешь за ней?

— Как положено.

— Ну, молодец! Вот как кончим войну, будем делать свои машины, отечественные, лучше этих.

Так незаметно за разговором мы доехали до центра города. По обеим сторонам главной улицы был выстроен воинский почетный караул, тысячи трудящихся пришли встретить Михаила Ивановича.

Начался митинг. Михаил Иванович призывал народ напярчь все силы, чтобы укрепить молодую Советскую республику, строить новую, счастливую жизнь. Его речь то и дело прерывали овации.

После митинга поехали обедать в столовую губисполкома. Я остался около машины. Вижу, подходит ко мне Михаил Иванович и говорит:

— Шофер, что вы задерживаетесь? Идемте обедать!

Он взял меня под руку, и мы пошли. За столом Михаил Иванович усадил меня рядом с собой.

Скромность, чуткость, простота — вот что было свойственно дорожному Михаилу Ивановичу Калинин.

А. В. АРТЮХИНА

СТРАНИЧКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Впервые я увидела М. И. Калинина в 1913 году, в Петербурге, на заводе «Айваз». Он работал токарем по металлу, а я — чернорабочей.

К тому времени Михаил Иванович был уже закаленным большевиком-ленинцем. Он прошел большой путь революционной борьбы, вел партийную работу в Выборгском районе, на заводе «Айваз» и руководил женским марксистским кружком, состоявшим из работниц — членов партии большевиков.

Михаил Иванович был замечательным пропагандистом. Мы, слушательницы кружка, глубоко уважали его. Нас поражали широта его знаний, начитанность, умение просто излагать самые сложные вопросы. В политической экономии нам разобраться тогда было очень трудно. Но благодаря товарищу Калинину мы хорошо усваивали главные общие понятия о том, что капиталисты, помещики, царь — это наши злейшие враги, которые беспощадно эксплуатируют нас, присваивают себе львиную долю продуктов нашего труда, и что мы добьемся освобождения только в общей революционной борьбе рабочего класса за социализм.

Доказывая неизбежность гибели капитализма и

победы социализма, М. И. Калинин говорил, что работницы могут ускорить ход исторического развития общества, примкнув к революционной борьбе рабочего класса. От души радовался Михаил Иванович, когда узнавал, что мы с каждым днем все больше и больше пользуемся доверием трудящихся женщин.

Товарищ Калинин учил нас большевистской партийности, принципиальности и непримиримости к меньшевикам-ликвидаторам, эсерам и прочим оппортунистам. Ведь тогда было время, когда передовые рабочие и работницы под руководством нашей партии вытесняли из легальных организаций меньшевиков и эсеров. Шла и на нашем заводе большая подготовка к выборам нового правления крупнейшего в Петербурге профсоюза металлистов, где еще были у руководства меньшевики. На многотрудном собрании Союза металлистов Петербурга 18 августа 1913 года при выборах правления Союза из 3 тысяч металлистов лишь 150 человек голосовали за ликвидаторов. Основная масса трудящихся оказала доверие большевикам, которые и встали у руководства. Все это происходило при активном участии М. И. Калинина.

После Великой Октябрьской социалистической революции я видела М. И. Калинина в 1922 году, на X Всероссийском съезде Советов. В то время я заведовала женотделом Тверского губкома РКП (б).

В 1923 году я работала председателем фабкома фабрики «Пролетарка», а затем — имени Вагжанова. Очень тяжело тогда было с жильем. В рабочих казармах еще можно было встретить двойные нары. Общие столовые, детские учреждения только создавались. На новое жилищное строительство только государство отпускало мало средств.

На выручку нам пришли женщины-активистки из делегатов Первого Всероссийского съезда работниц. Они напомнили о решении, принятом съездом по докладу Емельяна Ярославского «Работница и церковь». В резолюции съезда говорилось: «Признавая страшный вред, приносимый духовенством в де-

ле порабощения женщины», съезд считает необходимым «использовать монастырские помещения не для тунеядческой, паразитической жизни монахов и монахинь, а для устройства в них детских приютов, детских садов и других учреждений, полезных для народа».

Работницы предложили поставить перед правительством вопрос о закрытии монастыря и церкви, чтобы в этих помещениях открыть общежитие для рабочих и столовую. Это предложение было обсуждено на всех рабочих собраниях и одобрено губисполкомом. Рабочие постановили командировать в Москву к М. И. Калинину группу товарищей. В числе избранных оказалась и я.

Михаил Иванович подробно расспросил нас о положении на фабриках, о настроении рабочих. Внимательно просмотрел наши протоколы о закрытии монастыря и церкви. Заметил, что это дело тонкое, государственное: ведь в нашей стране церковь отделена от государства; к тому же правительство особо охраняет памятники старины.

Михаил Иванович в конце концов согласился с нами, но все же направил нас к П. Г. Смидовичу, члену Президиума ВЦИК, председателю Комиссии по религиозным культам. Комиссия решила вопрос в пользу рабочих.

С 1924 и по 1930 гг. я работала в женотделе ЦК ВКП (б), и мне приходилось часто встречаться с М. И. Калининным, решать по поручению Центрального Комитета вопросы, касающиеся женщин.

Михаил Иванович всегда стремился к тому, чтобы широкие массы работниц и крестьянок Советской страны принимали активное участие в социалистическом строительстве, в управлении государством. Он горячо поддерживал в этом деле все начинания женотделов и повседневно помогал им в работе, часто выступал на женских собраниях, митингах, съездах.

Вспоминаю, как в первые годы после гражданской войны некоторая отсталая часть крестьян

иногда протестовала против приглашения женщин на выборы Советов.

Михаил Иванович резко осудил такое отношение к женщинам и дал указание — избирательные собрания без участия женщин считать неправомочными. А чтобы женщина чувствовала себя равноправной с мужчиной, призывал усилить массовую работу среди женщин. Президиум ВЦИК рекомендовал устраивать специальные женские собрания, где разъяснялась политика Советской власти в отношении гражданских прав работниц и крестьянок. Общее женское собрание села или делегатское собрание выдвигали своих кандидатов в избирательные комиссии и в состав Советов, обсуждали наказания Советам и вносили свои дополнения по вопросам, затрагивающим интересы женщин: о строительстве яслей, родильных домов, об улучшении школ и другие. Все это поднимало заинтересованность крестьянок в работе Советов, вовлекало их в общественную деятельность.

В трудные годы гражданской войны, разрухи и лишений выросла детская беспризорность. Правительство создало Чрезвычайную комиссию по борьбе с беспризорностью при ВЧК, а позднее была создана Комиссия помощи детям при ВЦИК, в работе которой Михаил Иванович принимал самое горячее участие. С его наказом не раз мы обследовали детские дома. Я, например, была в Княжино Горьковской области. Пробыв у детей несколько дней, мы навели там порядок, а позже оказали материальную помощь от ВЦИК... Обследовала также детские дома Ленинградской области.

В годы Великой Отечественной войны я была директором фабрики «Освобожденный труд», где работали в основном женщины и девушки. Фабрика выпускала сукно для солдатских шинелей.

Тяжело было с продовольствием, дети не были обеспечены яслями и детскими садами. Многие женщины получали извещения о гибели близких. Слез и горя было вдоволь. При встречах Михаил Иванович Калинин всегда расспрашивал меня, как

работницы переносят тяжести войны, чем мы им помогаем. И это было не пустое любопытство, а добрая отцовская любовь и боль, забота о дорогих сердцу людях.

Каждая встреча с М. И. Калинин, а этих встреч было много, всегда глубоко западала в душу и как бы усиливала чувство ответственности перед партией и народом. Всякий раз, уходя от Михаила Ивановича, я думала о том, что буду вкладывать еще больше сил в дело служения дорогой советской отчизне.

П. И. БАТОВ

ЗАБОТА О ВОИНАХ

Вспоминаю небольшую станцию Семибратово под Ростовом-Ярославским. 1922 год. Августовское утро. Я, командир роты, веду строевые занятия со своими бойцами. Вдруг подъезжает «форд». В нем двое — одного я узнаю сразу — это председатель Ярославского губисполкома, а другой — неужели это он? — тот, которого до сих пор я знал только по портретам. Да... очки, чуть тронутая проседью бородка. Михаил Иванович Калинин — Всероссийский староста, как его все тогда называли.

Машина остановилась. Шоферу, видно, надо было заправить ее бензином. Михаил Иванович и его спутники вышли из автомобиля. Я смутился. Красноармейцы мои были в довольно потрешанном обмундировании — в чем с войны пришли. Тем не менее я взял себя в руки. Михаил Иванович поздоровался с бойцами. Потом спросил, в чем мы нуждаемся, почему люди плохо одеты. Я объяснил.

— Ага, все ясно, — сказал Михаил Иванович и записал что-то в свою книжечку.

Потом собрал воинов в кружок. С первых же слов он захватил нас. Он говорил о больших задачах, стоящих перед нашим государством, звал тех,

кто вернется из армии, к мирному труду, отдать все свои силы на строительство социализма. Мы стояли покоренные его проникновенной речью... Тепло попрощавшись с нами, Михаил Иванович уехал.

Прошло пять дней. Мы были в поле, как вдруг вижу — бежит ко мне один станционный работник и еще издали кричит:

— На ваше имя специальный вагон прибыл.

Я послешил на станцию. В самом деле, вагон, при нем — сдатчик, говорит, что лично товарищ Калинин поручил доставить 250 комплектов обмундирования на всех наших солдат.

Открыли вагон, а там — ботинки, шерстяные обмотки, гимнастерки из добротного сукна. Вот радости было! Шутка ли! Сам Всероссийский староста прислал обмундирование! Получили все новое и те, кто домой по демобилизации собирался, о кадровом составе и говорить не приходится.

Об этом эпизоде я напомнил Михаилу Ивановичу много лет спустя — в 1940 году, когда сопровождал его по Закавказью, уже в качестве заместителя командующего войсками Закавказского военного округа.

Мы часто встречались с Михаилом Ивановичем и раньше, когда я командовал одним из полков Московской Пролетарской дивизии. Он часто приезжал к нам — «зарядиться». Глубокий смысл этого слова я осознал именно в его приезд в Закавказье. Помню, в Тбилиси Михаил Иванович встретил старых знакомых, еще по революционной работе. Теперь они были на руководящих постах. Один из них как-то в беседе сказал: «Я — рабочий».

Михаил Иванович возразил:

— Какой же вы теперь рабочий? Я, например, себя уже не могу назвать этим великим именем. Чтобы не отрываться от масс, знать, чем живут рабочие и крестьяне, я и езжу, и говорю с людьми.

Это постоянное общение с массами, потребность в «зарядке» было характерно для Михаила Ивановича Калинина.

Вспоминается такой эпизод. Было это в Москве,

накануне парада Победы над немецко-фашистскими захватчиками. Михаил Иванович вручил мне тогда вторую Золотую Звезду Героя Советского Союза. Позже, когда мы фотографировались группой, он шутливо обратился к стоявшему рядом с ним академику Богомольцу, указывая при этом на меня:

— Вот, Александр Александрович, у нас все больше и больше Героев на фронте — даже дважды Героев, а как у вас там на фронте борьбы со старостью? Дождусь ли я и тут победы?

Академик Богомолец, работавший над проблемой долголетия человеческой жизни, только улыбнулся в ответ, а я, глядя на посеребрившиеся голову и бороду Михаила Ивановича, впервые за все время знакомства с ним с грустью подумал: «Постарел».

А. Д. ОЧКИН

ЧЕЛОВЕК БОЛЬШОЙ ДУШИ

Находясь на высоком посту, Михаил Иванович Калинин всегда находил возможность и время позаботиться о рядовых людях, о всех, кто шел к нему за советом и помощью. Вот об этом-то мне и хочется сказать несколько слов.

Мое первое знакомство с Михаилом Ивановичем относится к 1922—23 годам. Товарищ Калинин направлял ко мне больных и в сопроводительных записках просил сделать все возможное, чтобы помочь им. Это были люди самых разнообразных профессий и положений: партийные товарищи, рабочие, крестьяне, учителя.

Будучи как-то на Урале, Калинин встретился с одним талантливым художником и мастером по чугунному литью. Когда этот человек заболел, он приехал в Москву, к Михаилу Ивановичу. Калинин направил его в одно из лучших лечебных учреждений столицы, позаботился об устройстве в Москве жены мастера на время его лечения и сделал все, чтобы облегчить страдания больного и обеспечить его всем необходимым.

Встречаясь с Михаилом Ивановичем в качестве врача его семьи, в домашней обстановке, я ближе и полнее узнал этого замечательного человека. Михаил Иванович много читал и глубоко разбирался в различных отраслях знаний. Даже в часы отдыха он обязательно или занимался, или диктовал очередную статью, или слушал чтение произведений классической и современной литературы.

Михаил Иванович умел быстро, с необычайной остротой подмечать особенности людей. Его короткие поучения, меткие сопоставления, образные выражения, определяющие существо предмета, делали его очень интересным собеседником.

Нередко наблюдал я, как, окруженный молодежью, он и сам загорался в страстном споре.

Огромная житейская мудрость, большой светлый ум, искренность и простота в обращении, чуткость и отзывчивость вызвали в народе ответное чувство. Трудящиеся любили Михаила Ивановича и находили в его лице прекрасное выражение единства интересов своих и общегосударственных.

Я был свидетелем того, как товарищ Калинин готовился к своим выступлениям. Но только слушая его правдивые и доходчивые слова, только наблюдая за присутствующими в аудитории, можно было понять всю колоссальную силу воздействия речи Михаила Ивановича.

Михаил Иванович неоднократно высказывался по вопросам здравоохранения и формирования советского врача. Большое значение придавал он сельской медицине, считая, что сельский врач должен быть хорошим специалистом, культурным и образованным человеком.

В одной из своих рукописей, отдавая должное всему хорошему, что было в старой земской медицине и в работе ее лучших деятелей, он вместе с тем писал, что это была медицина бедности, медицина отсталой страны. В социалистическом государстве, указывал он, сельское здравоохранение должно быть таким, о каком не могли мечтать земские врачи.

Помнится, Михаил Иванович предъявлял особенно высокие требования к молодым советским врачам. Он советовал им читать не только специальную, но и социально-политическую, художественную литературу. Михаил Иванович говорил, что истинный врач не слепо верит всему, что прочел или узнал, а проверяет в своей повседневной практике новейшие достижения науки.

П. И. КАЛИНИНА

НА РОДИНЕ

Летом 1921 года у моей матери Марии Васильевны Калининой собралась большая семья.

Из Москвы на время летних каникул приехали дети Михаила Ивановича повидаться с бабушкой и помочь ей в работе. Из Петрограда прибыли Семен Иванович с женой и сыном, из Вологды — я с сыном Вячеславом.

Мать встречала всех нас радушно и ласково. Особенно обрадовал ее приезд Михаила Ивановича.

— Работа у него большая, уж как ему недосуг, а все же нашел время хоть не надолго, но навестить меня, не забывает,— довольно улыбаясь, говорила мать.

Все гости с удовольствием работали по хозяйству.

Вспоминаю, как косили мы у опушки леса. Местность — на редкость красивая, да и утро выдалось чудесное.

Михаил — с непокрытой головой, в рубашке-косоворотке, в русских сапогах — косил росистую мягкую траву, идя широким прокосом. В это время его трудно было отличить от мужика-крестьянина.

Мы равнялись по Михаилу, и работа шла дружно и быстро.

Солнце уже поднялось, роса сошла, трава стала сухой, косы затупились, да и косцы устали. Михаил не спеша взял горсть травы, вытер косу и, обращаясь к нам, сказал:

— Хорошо поработали, порядочно смахнули сегодня травы, пора и кончать.

Косившие по соседству с нами крестьяне стали подходить к Михаилу. Он предлагал свой табак, молодежь закуривала, а старые отказывались.

— Свой самосад покрепче, — говорили они.

Домой возвращались большой веселой артелью.

Михаил вел с крестьянами оживленную беседу об улучшении сельского хозяйства, о пользе коллективного труда.

Придя домой, молодежь поспешила к реке. А после купания самый простой завтрак казался таким вкусным!

Немного отдохнув, мы шли сушить сено, а Михаил оставался отбивать косы.

В один из таких дней к нам во двор вошла молодая женщина и обратилась к матери:

— Как бы мне увидеть старосту Всероссийского, товарища Калинина? Да и здесь ли он живет?

Мать, приветливо улынувшись, ответила:

— Здесь, да ты видишь его — вот он.

Женщина в недоумении огляделась по сторонам.

— Ты, мамаша, чай шутишь со мной: да неужто косы-то бьет товарищ Калинин?! — удивилась она.

— Он самый, — подтвердила мать и сказала Михаилу, что к нему с просьбой пришла женщина из села Славково. — Верст 15 небось будет от Славково до нашей деревни.

Михаил оставил работу и пригласил женщину в избу.

Мать не знала, какая была просьба, видела только, что Михаил подписал какую-то бумагу.

Уходя, женщина удовлетворенно сказала матери:

— Человек-то оказался такой простой, а я-го не смела идти к нему. Спасибо тебе, мамаша.

Михаил в этот приезд недолго отдыхал в деревне. Его срочно вызвали в Москву...

В июле 1925 года Михаил приехал в деревню неожиданно. С его появлением в доме у нас стало особенно оживленно. Народ, узнав, что приехал Калинин, бесконечно обращался к нему с просьбами и за советом.

Мать жаловалась мне:

— Приехал Михаил отдохнуть, ну да где там — не дадут ведь. А нужно бы людям знать, что должен человек и отдых иметь.

Однако, когда к Михаилу приходили крестьяне даже в его отсутствие, мать никогда не отказывала никому. Напротив, встретит, бывало, человека добрым словом, усадит: подождите, мол, он скоро придет. Принесет из погреба самодельного холодного кваса, угощает всех и ласково говорит:

— День-то жаркий сегодня; небось утомились, выпейте.

Отдыхая в деревне, мы ходили в лес за грибами, за ягодами. Михаил увлекался рыбной ловлей. С вечера на ночь мы ставили в реку небольшую сеть, утром вынимали ее. Рыба чаще всего попадалась мелкая.

Однажды отправились мы с Михаилом на лодке посмотреть, нет ли в сети рыбы. Утро выдалось чудесное — теплое и тихое. Подплыли к месту. Я управляю лодкой, а Михаил стал выбирать из реки сеть.

Нам повезло — в сети бился огромный сом.

— Сом-то какой попался! — весело закричала я.

Михаил, погрузив улов в лодку, решил посмотреть сома, который тихо лежал, притаившись в запутанной сети.

Только Михаил успел распутать сеть, как сом, напружинившись, вмиг выскользнул из его рук и выплеснулся в реку.

— Ах! Какого сома упустил! — с досадой сказала я.

Михаил только сокрушенно покачал головой. С сожалением смотрели мы, как сом, весело помахивая хвостом, уходил в глубину.

У нас же в сети осталось несколько мелких рыбешек.

Вспоминаю, как мы ходили в лес за грибами. Однажды собрались всей семьей. Михаил, улыбаясь, спросил:

— Это вы все грибы собирать? Я тоже иду с вами.

По пути из леса мы много шутили, заглядывали друг к другу в корзинки, сравнивали грибы.

Когда мы вошли во двор нашего дома, то увидели четырех крестьян, ожидавших Михаила. Все они были из деревни Никулкино, двое из них — наши близкие родственники: Яков Васильевич и Степан Васильевич — братья матери.

Не входя в дом, Михаил пригласил их посидеть на скамейке.

— Сегодня я здорово находился по лесу. И не зря — много грибов насобирал, — весело сказал Михаил и передал мне свою корзину, полную грибов.

Яков Васильевич обратился к нему:

— Мы вот пришли, Михаил Иванович, поговорить с тобой, посоветоваться. И, не торопясь, обстоятельно стал рассказывать о работе сельсовета.

Михаил, достав из кармана небольшой кисет, стал свертывать «козью ножку». Это не мешало ему внимательно слушать Якова Васильевича.

Беседа с крестьянами продолжалась более часа. Михаил объяснил крестьянам, как нужно вести работу в сельсовете, и ответил на вопросы, которые их интересовали. Затем Михаил пригласил всех в дом

обедать. Входя в избу, Яков Васильевич обратился к матери:

— Сестра, вот мы за советом пришли к твоему сыну. Хотя он и моложе нас, а встряску нам дает здорово. Чувствуешь теперь, что относиться к работе надо по-настоящему, с огоньком.

ГОДЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Н. П. БОГДАНОВ

БОРЕЦ ЗА ЛЕНИНСКИЙ ПЛАН ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ

Лето 1920 года. Под руководством Владимира Ильича Ленина идет разработка плана ГОЭЛРО. Строятся первые электростанции. С большой радостью узнает вся страна о том, что коллектив Шатурстроя одержал первую трудовую победу — закончил сооружение опытной электростанции мощностью в 5 тысяч киловатт.

В то время я работал председателем ЦК профсоюза строителей. По поручению коллектива я зашел к товарищу Калинину, чтобы пригласить его на открытие «Шатурки».

— Знаю об этом радостном событии, — ответил Михаил Иванович. — Звонил Владимир Ильич. Он поручил мне побывать у вас, поздравить строителей с замечательной победой и отметить это событие как пример трудового героизма.

В честь открытия Шатурской ГРЭС были изготовлены бронзовая медаль и поздравительная грамота.

25 июля М. И. Калинин прибыл в Шатуру. На торжественный митинг собралось более десяти тысяч строителей и крестьян из ближайших деревень.

Михаил Иванович был встречен бурей оваций и радостных возгласов.

Поздравляя строителей, он передал им горячий привет от Владимира Ильича Ленина.

— Ленин поставил на очередь вопрос строительства теперь уже большой электрической станции на торфе. Построим? — спросил он собравшихся.

— Построим! — ответило многоголосое собрание. — Построим, так и скажите Ильичу.

Михаил Иванович лукаво улыбнулся:

— А ведь мы были уверены в таком ответе. Я передам его Владимиру Ильичу.

Потом он огласил грамоту, в которой от имени ВЦИК была объявлена признательность и благодарность всем труженикам, беззаветная преданность, энергия и чрезвычайное напряжение сил которых привели к столь ценному для Республики результату.

Далее в этой грамоте говорилось:

«... Сознывая все трудности, какие стоят перед строителями в осуществлении возложенных задач, ВЦИК считает всех работников по сооружению Шатурской электрической станции достойными занесения на «Красную доску» как пример подражания для всех трудящихся Республики».

Бронзовой медалью были награждены отличившиеся рабочие. Так высоко был оценен самоотверженный труд строителей...

Встают в памяти трудовые будни многотысячного коллектива Волховстроя.

В самый горячий период развертывания работ, в конце 1922 года, по инициативе В. И. Ленина была образована комиссия ВЦИК по Волховстрою. Эту комиссию возглавил Михаил Иванович Калинин.

Через комиссию М. И. Калинин осуществлял оперативный контроль за ходом строительства: вызывал руководителей ведомств, которые задерживали выполнение решений об отпуске пайков, материалов, денег, об изготовлении оборудования и т. д.

Однажды наши политические недруги привезли из Питера слух: нет денег, надо свертывать работы

по Волховстрою, сокращать рабочих. Все заволновались. Кулаки подхватили слушки и повели гнусную агитацию.

Помнится приезд Михаила Ивановича на Волховстрой и его выступление на митинге.

— Не верьте слухам, кулацким рассказам, — сказал он и под общее бурное одобрение добавил: — Пиджак свой последний продам, а Волхов строить будем!

Весной 1924 года мне довелось присутствовать вместе с Михаилом Ивановичем на закладке Новосибирской ГРЭС.

Тогда, на митинге рабочих и крестьян, Михаил Иванович сказал:

— Буржуазия на весь мир прокричала, что мы только делим накопленные ею богатства, что мы умеем только проживать, что мы ничего не можем построить и не построим. Но мы, как вы видите, строим. И не плохо. Вот и эта станция — Новосибирская ГРЭС. Когда она даст ток, уйдет в далекое прошлое наследие старого строя — Новониколаевск с его грязными немощеными улицами, маленькими темными домишками. На его месте вырастет новый город, оживет Сибирь с ее несметными богатствами.

Летом 1927 года закончилось строительство Земо-Авчальской гидроэлектростанции на реке Кура — недалеко от Тбилиси.

Михаил Иванович, приехавший на ее открытие, был особенно доволен: он хорошо знал старую жизнь этого города, помнил многих людей. В своей речи товарищ Калинин вдохновенно говорил:

— Успешное окончание строительства ЗАГЭС под руководством собственных инженеров является громадным хозяйственным достижением трудящихся масс.

Михаил Иванович разъяснил, какой материальной силой является электрификация в деле индустриального развития социалистической Грузии. Его горячо приветствовали тысячи людей.

— Настают хорошие времена, — заметил Серго

Орджоникидзе, — мы не поспеваем бывать в гостях у строителей на открытии новых электростанций, а ведь это замечательные события. Строители первыми начинают генеральную борьбу за нашу пятилетку.

В конце октября 1927 года я встретил М. И. Калинина на закладке Свирской гидроэлектростанции.

— Однако вы, строители, здорово разворачиваетесь. Покоя от вас нет, — пошутил Михаил Иванович.

— Но ведь Свирстрой является вашей старой заботой, — ответили мы.

— Да, действительно, мы приступали к строительству Свирских гидростанций еще в 1918—1919 годы, но война и интервенция помешали нам по-настоящему развернуть это дело. Теперь-то, наконец, мы закладываем первый камень.

В своем обращении к строителям Михаил Иванович особо подчеркнул, что рабочие, воздвигая эту станцию, участвуют в строительстве социализма. Товарищ Калинин призвал рабочих строить быстро, дешево и прочно.

И вот октябрь 1932 года. На торжественное открытие Днепрогэса прибыли М. И. Калинин, Серго Орджоникидзе и другие ответственные товарищи.

Мы стоим на высоком берегу и любуемся величавой картиной необозримых просторов седого Днепра: шумно плещутся волны его у гигантской плотины, водный поток бурно устремляется к станции и приводит в движение мощные турбины.

Радостью светятся лица строителей.

Праздничное настроение охватило всех — от мала до велика.

— Какую махину одолели строители! — восторженно говорит Михаил Иванович. — Как был бы счастлив наш Ильич, если бы был очевидцем этого события. Да, далеко шагнули строители со времени пуска маленькой электростанции на Шатуре...

Михаил Иванович внимательно осматривал все сооружения и сердечно приветствовал рабочих, по-

строивших в невиданно короткие сроки самую крупную в Европе гидроэлектростанцию.

Мы вспоминали, как маловеры и нытики из троцкистско-бухаринской компании по поводу проектируемого строительства Днепровской станции говорили:

— У нас нет инженеров и машин, нет умения и опытных рабочих. Неграмотными мужиками и лопатами такую станцию не построишь. Не под силу нам такая стройка.

И даже тогда, когда страна построила Волховскую ГЭС, уже были обучены первые строительные кадры и приобретен ценный опыт, троцкистские подголоски продолжали стоять на своем:

— Если уж начинать строительство Днепрогэса, то нужно привлечь к этому американцев или немцев. Только их опытные предприниматели могут справиться с таким делом.

— А как ошетинились тогда все наши строители! Их задевало за живое и оскорбляло такое неверие в силы наших рабочих и инженеров, — вспоминал товарищ Калинин.

— Михаил Иванович тогда высказывался за сооружение Днепрогэса своими силами, — заявил я.

— Стало быть, вы были «крестным отцом» Днепростроя? — обрадовались рабочие. — Ну так, видите, мы вас не подвели!

— Я всегда в вас, строителях, был уверен, — улыбаясь, ответил Михаил Иванович.

— Мы это помним по стройке Шатурской электростанции, — вставил рабочий П. Лавров.

— А вы с Шатуры?

— Нас тут много, — ответили хором рабочие.

— Ну, если уже говорить, то нас с Волховстроя побольше, — раздался зычный голос рабочего Н. Некрасова.

— Михаил Иванович нам больше помогал, да и станция наша на Волхове посильней Шатуры будет, — продолжил другой рабочий — В. Емельянов.

— Я вижу, здесь много моих старых знакомых, — заметил Михаил Иванович.

...Так протекала наша непринужденная беседа на берегу Днепра.

Прощаясь с рабочими, Михаил Иванович сказал:

— За эти годы вы, строители, хорошо потрудились... Владимир Ильич сказал бы вам большое спасибо.

М. В. КОТОМКИН

ПРИЕМНАЯ ВСЕСОЮЗНОГО СТАРОСТЫ

С^тояла осень 1922 года. С путевкой ЦК РКП(б) я отправился в Кремль к Михаилу Ивановичу Калинин. чтобы договориться с ним о своей новой работе. Признаться, я очень волновался. Но все оказалось очень просто. Михаил Иванович принял меня приветливо, подробно расспросил о жизни, заметил, что я плохо выгляжу. Да, я тогда только что серьезно переболел.

Тут же, договорившись по телефону с заведующим орготделом ВЦИК, товарищ Калинин послал меня к нему.

С тех пор и до осени 1920 года я находился в аппарате ВЦИК и ЦИК СССР, причем долгое время заведовал Приемной М. И. Калинина.

Как сейчас, помню свой первый день работы в Приемной М. И. Калинина. Михаил Иванович кратко познакомил меня с сотрудниками и дал ряд практических советов, относящихся к моей деятельности...

Чем ближе я узнавал Михаила Ивановича, тем больше поражал он меня удивительной смекалкой. Восхищалось присущее ему умение быстро ориентироваться в любой обстановке, находить в самых слож-

ных вопросах ту «изюминку», которая составляет их существо.

Мне доставляло большое удовольствие присутствовать на разного рода совещаниях, где председательствовал Михаил Иванович. Надо было видеть, с каким умением проводил он эти заседания! Очень ловко, когда это нужно было, сталкивая лбами спорящие стороны, бросая меткие и веселые реплики, Михаил Иванович всегда умел «выжать» все необходимые сведения из участников заседания и в своем заключительном слове дать сгусток тех основных соображений, которые должны были в последующем вылиться в постановление.

Михаил Иванович по праву считался одним из лучших знатоков нашей деревни. Недаром же он являлся председателем комиссии по сельскохозяйственному налоговому обложению деревни.

К заседаниям этих комиссий Михаил Иванович готовился очень тщательно. Он не только сам основательно изучал проект, который подлежал обсуждению, но и давал его для ознакомления бывшим крестьянам — членам ВЦИК и ЦИК, работавшим в Приемной. Он просил их высказаться по этому вопросу и очень внимательно выслушивал каждое замечание, каждую поправку.

Очень много времени уделял Михаил Иванович Приемной. Она была его детищем, которое он любовно пестовал. Редким был день, когда он в нее не заглядывал. Несмотря на огромную занятость, Михаил Иванович всегда находил время побывать во всех уголках Приемной, поговорить почти с каждым ее сотрудником, которых он хорошо знал не только как работников, но и как людей с их положительными качествами и недостатками. М. И. Калинин умел в нужный момент дать кому-либо товарищеский совет, оказать необходимую помощь.

В отношениях между Михаилом Ивановичем и сотрудниками существовала атмосфера большой теплоты. Каждый из нас, вплоть до технического работника, не считаясь со временем и силами, старал-

ся работать так, чтобы избежать малейших замечаний со стороны товарища Калинина.

Михаилу Ивановичу принадлежит мысль о приглашении на работу в Приемную крестьян и рабочих — членов ВЦИК и ЦИК СССР. Это мероприятие имело огромное политическое значение. Люди, пришедшие с производства, прекрасно знали жизнь, и им легко было разбирать жалобы трудящихся. Бывшие рабочие и крестьяне хорошо справлялись со своим делом, быстро росли на работе, неузнаваемо менялись, а некоторые из них впоследствии занимали крупные государственные посты.

Когда письменная или устная жалоба ходоков заслуживала особого внимания, Михаил Иванович поручал одному из крестьян — членов правительства — выехать на место и там тщательно изучить дело. Командированные в большинстве случаев отлично справлялись с этой задачей и привозили Михаилу Ивановичу исчерпывающий материал. Такого рода доклады товарищ Калинин заслушивал с особым удовольствием, ставил на обсуждение Президиума ВЦИК и ЦИК с вызовом на эти заседания местных советских работников.

Через Приемную Михаила Ивановича проходила огромная масса людей.

Очень часто на прием к Калинину приходили товарищи по делам, разрешение которых не входило непосредственно в его компетенцию, или тогда, когда по этим делам они уже получили ответ в другом месте (Наркомфине, Наркомземе и т. п.). И все-таки эти люди считали своим долгом, приехав в Москву, обязательно побывать в Приемной Михаила Ивановича.

Особенно интересны были личные приемы Михаила Ивановича. Нас он предупреждал об этом с вечера. Неизвестно, как доходила эта весть и до заинтересованных людей. И когда Михаил Иванович начинал свой прием, помещение до отказа заполнялось народом. Здесь были те, которые еще вчера в этой же Приемной были приняты секретарями Михаила Ивановича и многие уже имели на руках рас-

поряжения в местные органы власти. Были и такие, которые не раз приходили в Приемную и которым было отказано в их неосновательных просьбах. Все добивались того, чтобы лично видеть и говорить со Всесоюзным старостой.

Спокойно и очень внимательно выслушивал Михаил Иванович ходоков. После нескольких вопросов просителю он обычно уже определял, с кем имеет дело. Умело и почти всегда безошибочно отбирал он в этом огромном потоке людей тех, которых действительно несправедливо обидели и которым нужно было помочь. В сомнительных случаях он направлял ходоков к нам, давая поручения основательно разобраться и доложить ему. Если же жалоба не заслуживала внимания, Михаил Иванович твердо отказывал просителю, обязательно объяснив ему, почему.

Иногда личные приемы товарища Калинина посещали иностранцы — корреспонденты газет, рабочие делегации, туристы и прочие. Их всегда поражала простота и вместе с тем деловитость, насыщенность этих приемов.

Одно время увеличился поток ходоков из Московской области. Михаил Иванович раз-другой отметил это про себя, а затем поручил мне связаться с Мособлисполкомом и попросить его руководящих работников побывать на приеме. Этого распоряжения мне не удалось сразу выполнить, и я помню, как он настойчиво добивался от меня выполнения этого поручения. Успокоился он только тогда, когда работники Мособлисполкома поприисутствовали на его приемах и наглядно убедились, что в некоторых районах Московской области с революционной законностью не все обстоит благополучно.

А вот другой случай. Из одного района увеличился приток жалоб. Михаил Иванович обратил на это внимание и дал мне задание — вызвать к нему для беседы товарищей из райисполкома и райземотдела. Когда они приехали, он продемонстрировал перед ними ряд справедливых жалоб граждан и говорил с ними до тех пор, пока не доказал, в чем заклю-

чаются их ошибки. После этого поступление жалоб из района значительно сократилось.

Обладая замечательной памятью, Михаил Иванович помнил десятки дел, которые через него проходили и по которым он давал распоряжения. Он всегда интересовался, чем закончилось дело, и заставлял обязательно доводить его до конца.

Товарищ Калинин просто обращался с окружающими не только в рабочей обстановке, но и в быту. Где бы ни был, с кем бы ни сталкивался Михаил Иванович, он всегда ставил себя с людьми как равный с равными.

Приведу один пример, который в этом отношении ярко характеризует Михаила Ивановича. Приезжая к себе на дачу, М. И. Калинин сразу же включался в ту жизнь, которой жили его соседи. По воскресеньям рабочие и работницы совхоза ВЦИК да и деревенские юноши и девушки устраивали гулянья: пели, играли, танцевали. Михаил Иванович всегда принимал участие в этом веселье. Он любил слушать песни и смотреть на танцующую молодежь. Часто, не выдержав, он сбрасывал пиджак и становился в ряды играющих в городки, поражая всех меткостью и силой своих ударов, молодым задором, с которым он вел эту игру...

В. А. АЛЕКСЕЕВ

ОН ДЛЯ МЕНЯ — ВСЕГДА ЖИВОЙ

Было это в июле 1924 года. Я тогда работал в Твери председателем Центрального рабочего кооператива.

Однажды вызывает меня к себе секретарь Тверского губкома партии М. С. Чудов и спрашивает:

— Как у тебя обстоит дело с легковой машиной? В порядке ли она?

Я не ожидал такого вопроса и поэтому предположил, что машина попала в какую-либо аварию. Решил сразу же позвонить в гараж. Но товарищ Чудов объяснил, что машина нужна для поездки в Верхнюю Троицу.

— Вчера звонили мне из Москвы, — сказал он, — сообщили, что Михаил Иванович Калинин находится у себя на родине. Просили нас побывать у него. Подготовь машину, завтра утром вместе поедем туда.

Мне было непонятно такое предложение, и я стал отказываться: ведь прямого отношения по работе к Михаилу Ивановичу я не имею и буду там лишним человеком. Но товарищ Чудов настоял на моей поездке.

Выехали мы на следующее утро. Вместе с нами был и председатель губисполкома Я. В. Полуян.

По дороге часто встречались крестьянские подводы, груженные сеном. Коня пугались машины, и поэтому ехать было очень трудно. До вечера нам пришлось сделать остановку около деревни Погорельцы и подождать, пока прекратится массовое движение подвод. Уже были сумерки, когда мы добрались до Верхней Троицы.

Почти все деревенские избы глядели на нас темными окнами. В эту страдную пору (сенокос) крестьяне ложились спать рано. В доме же М. И. Калинина хотя и не ярко, но горел свет. Нашу машину быстро окружила молодежь, еще гулявшая по селу. Парни и девушки смотрели на нас и тихо говорили:

— Это, наверно, приехали к дяде Мише из Твери.

В этих словах чувствовалось уважение и любовь к Михаилу Ивановичу его молодых односельчан.

Товарищи Чудов и Полуян вышли из машины, но в избу идти не решались. На счастье, из калитки выбежала женщина (потом я узнал — это была Екатерина Ивановна, супруга М. И. Калинина) и стала приглашать нас в дом. Вскоре за ней в пиджаке, накинутом на плечи, вышел Михаил Иванович. Поздоровавшись с нами, он сказал:

— Кто в такие неурочные часы в гости ездит? — и сам же ответил: — Больше никому, кроме тверяков. Давайте заходите.

Чудов и Полуян, объяснив причину позднего приезда, прошли с хозяевами в избу, а мы с шофером Александровым остались около машины. Расспросив молодежь, как лучше подъехать к реке, мы направились туда, вымыли машину и подготовили ее к обратному рейсу.

Обеспокоенная, видимо, нашим отсутствием, Екатерина Ивановна вышла на крыльцо и пригласила меня и шофера в избу. Но мы стеснялись войти. Тогда Екатерина Ивановна взяла нас за руки, как маленьких, и буквально втолкнула в избу. Мы встали у порога. Калинин вел еще беседу с Чудовым и Полуяном. На столе стояла чайная посуда.

Михаил Иванович сразу обратил внимание на «новых гостей» и сказал жене:

— Катя, налей воды в рукомойник. дай мыло и полотенце, чтобы они умылись с дороги.

Я поблагодарил Михаила Ивановича и сказал, что мы выкупались в реке, когда мыли машину.

— Ну, тогда давайте присаживайтесь к столу,— предложил он.

На столе появились пирог с черникой и кипящий самовар. Екатерина Ивановна стала угощать нас, а Михаил Иванович продолжал разговаривать с Чудовым и Полуяном.

Из их беседы я понял, что скоро председатель губисполкома Я. В. Полуян будет переведен на работу в Президиум ВЦИК, а на пост председателя Тверского губисполкома подбирается новая кандидатура.

Напившись чая с вкусным пирогом, мы встали из-за стола и поблагодарили хозяев за радушный прием. Михаил Иванович, обернувшись к Чудову, иронически заметил:

— Какие вы предусмотрительные губернские руководители: на одной автомашине имеете двух шоферов.

Чудов ответил, что здесь шофер только один, а второй товарищ (Чудов указал на меня) — председатель Тверского центрального рабочего кооператива, бывший слесарь вагоностроительного завода, и автомашина принадлежит их кооперативу.

— Выходит, что вы, губернские руководители, пока еще безлошадные бедняки,— улыбаясь, заметил Михаил Иванович и начал говорить о работе кооперации в городе и деревне, заинтересовался нашим рабочим кооперативом. Он расспрашивал меня, как мы обслуживаем своих пайщиков, какой процент от фонда зарплаты рабочие и служащие расходуют на покупку товаров в кооперативе. Я ответил, что в пределах от 50 до 60 процентов зарплаты. Михаил Иванович, видимо, мне не совсем поверил и, обратившись к Чудову, сказал:

— Кооператоры обычно любят приукрашивать свою работу, а как на самом деле получается?

Чудов и Полуян подтвердили мои слова, добавив, что кооператив за 1923 год выдал своим пайщикам — рабочим — на заборный рубль 4 процента, благодаря чему авторитет кооператива стал еще выше.

— Ну, тогда можно и председателю кооператива ездить на автомашине,— заметил Михаил Иванович и добавил: — Главное — надо всегда прислушиваться к любым, даже мелким запросам рабочих, не отрываться от масс и не зазнаваться, достигнув каких-либо успехов.

Наша беседа затянулась. Мы не заметили, как начало светать. Скоро запели петухи, раздались звуки пастушьего рожка. Отблагодарив гостеприимных хозяев, мы быстро собрались в обратный путь. Машина тронулась, а Михаил Иванович и Екатерина Ивановна стояли на улице, провожая нас, пока мы не скрылись за селом...

Вскоре Я. В. Полуян был переведен на работу в Москву, а я, по решению губкома партии, был выдвинут на пост председателя Тверского губисполкома.

Мне посчастливилось не раз бывать на приеме у Михаила Ивановича, участвовать в работе съездов и сессий ВЦИК и ЦИК Союза, которые всегда проводились под его руководством.

Выдающийся партийный и государственный деятель, Михаил Иванович Калинин был скромным и чутким товарищем. Он постоянно прислушивался к голосу простых людей, помогал им в работе.

До моего прихода в губисполком наш Тверской хлопчатобумажный трест находился в Москве, а все текстильные фабрики, объединяемые им, были в Тверской губернии. Это, разумеется, затрудняло работу предприятий. Многие вопросы, которые подымали рабочие, следовало бы решать быстро, без канители, на месте, с администрацией фабрик. Однако трест все дела, даже самые мелкие, брал на себя. Сам же он, находясь в Москве, был не-

доступен для рабочих. И потому рабочие осаждали губисполком и другие учреждения, справедливо требуя решения многих насущных вопросов производства и быта.

Обстановка настоятельно требовала перевода Тверского хлопчатобумажного треста из Москвы в Тверь — ближе к производству, к рабочим массам. Сотрудники же треста и Наркомата легкой промышленности упорно сопротивлялись осуществлению подобного мероприятия.

Я пришел на прием к М. И. Калинину и доложил ему о решении губисполкома по этому делу. Михаил Иванович внимательно выслушал меня и сказал:

— Правильно, я полностью на вашей стороне.

И тут же дал распоряжение секретарю внести этот вопрос в повестку дня ближайшего заседания Президиума ВЦИК. В 1927 году трест был переведен в Тверь.

На этом примере мне хотелось показать, как внимательно, заботливо относился М. И. Калинин к рабочим, как боролся он за приближение руководства советских и хозяйственных организаций к массам.

На одном из заседаний фракции ВКП(б) Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР под председательством Г. И. Петровского обсуждался бюджет на 1925—26 гг. Михаил Иванович пришел на это заседание несколько позже и сел рядом с нами — тверяками. До этого мы единодушно решили внести на заседание фракции вопрос о переименовании нашего города Твери в город Калинин. Пользуясь тем, что Михаил Иванович оказался рядом с нами, я быстро написал и передал ему записку примерно следующего содержания: «Михаил Иванович! У нас, депутатов Тверской губернии, созрела такая думка: городу Твери присвоить Ваше имя, переименовав его в город Калинин. Просим Вашего согласия».

Под текстом подписались все тверяки — члены ЦИК Союза ССР.

Михаил Иванович быстро прочел записку, лицо его сразу посуровело, он повернулся ко мне и громко сказал:

— Вы что еще выдумали? Выбросьте все это из головы!

В голосе Калинина было столько неподдельного возмущения, даже негодования, так несвойственного ему, что и другие члены ЦИК, сидевшие рядом с нами, обратили на это внимание. Они никак не могли понять, что могло так рассердить всегда спокойного Михаила Ивановича. По окончании заседания фракции многие спрашивали нас, что случилось, но мы, пристыженные Калининым, уклонялись от ответа.

Однако спустя несколько лет, по ходатайству тверских общественных организаций, поддержанному ЦК ВКП(б), город Тверь все же был переименован в город Калинин.

В 30-х гг. мне довелось работать в Москве заместителем председателя Колхозцентра РСФСР по кадрам. В этот период я неоднократно встречался с Михаилом Ивановичем на заседаниях Президиума ВЦИК и на совещаниях по вопросам колхозного строительства.

Выступления товарища Калинина всегда волновали слушателей. Они шли от сердца, были простыми и вместе с тем насыщенными яркими фактами из жизни; в них никогда не хватало места для сухих выдержек и цитат.

Вспоминается Всесоюзный съезд Советов в 1937 году, где Михаил Иванович делал доклад о новой конституции. Вначале он читал по бумаге, что его, видимо, очень тяготило. Да и депутаты не узнавали в нем пламенного трибуна, каким привыкли видеть всегда. Скоро Михаил Иванович отложил в сторону исписанные листки и стал говорить с большим воодушевлением. И куда делась его вялость?!

Он быстро зажег и покориł аудиторию.

Помню выступление товарища Калинина на XVII съезде партии. Когда Михаилу Ивановичу

предоставили слово, все делегаты устроили ему бурную овацию.

М. И. Калинин говорил об организационных вопросах нашего советского строительства.

— В Советском Союзе управлять — это значит организовать, — подчеркнул он. — Ведь социалистический строй, это последнее достижение человечества, его организация должны стоять выше, чем при капиталистическом строе, по крайней мере настолько, насколько социализм превосходит капитализм.

Чувствуя, что его выступление затягивается, М. И. Калинин обратился к Президиуму и спросил, много ли осталось в его распоряжении времени.

С мест закричали:

— Просим продолжать, просим!

— Хорошо, вот протяну до обеда, тогда не будете кричать «просим!» — заметил Михаил Иванович.

В зале раздался дружный смех.

Закончив свою речь, Михаил Иванович сказал:

— Организационной работы у нас много, она трудна, требует громадного внимания, пристального изучения. Но ее не обойдешь и через нее не перешагнешь. Чтобы прийти к бесклассовому обществу, надо все эти вопросы решить, и решить так, как подобает большевикам, как учил нас Ленин.

Эти поистине золотые слова М. И. Калинина окрылили нас, делегатов съезда, явились программой для дальнейшей работы в деле вовлечения многомиллионных масс в социалистическое строительство.

Д. М. ЛОГИНОВ

УМЕНИЕ РУКОВОДИТЬ

В марте 1917 года на Выборгской стороне в Петрограде состоялся большой митинг рабочих. Там мне и довелось впервые увидеть М. И. Калинина. В то время я работал на военном заводе «Старый Парвизайнен». Кто-то из участников митинга сказал, что Калинин — рабочий завода «Айваз», большевик, не так давно отбывший тюремное наказание за свою революционную деятельность.

Михаил Иванович начал свою речь не спеша. Он говорил о грабительской войне, о тяжелом положении рабочих и деревенской бедноты, о задачах пролетарской революции... Мы сразу почувствовали силу слов этого замечательного оратора. Политические противники большевиков, поняв это, начали шуметь: своими выкриками они надеялись помешать говорить товарищу Калинину. Но их попытка оказалась тщетной.

Выступление Михаила Ивановича вызвало одобрение у подавляющего большинства участников митинга. На другой день на заводе только и шли разговоры о рабочем с «Айваза».

С каждым днем все заметнее было влияние партии большевиков на предприятиях Выборгской

стороны. А имя М. И. Калинина становилось все более популярным среди рабочих. И когда летом 1917 года проходили выборы в городские и районные думы Петрограда, избиратели Выборгской стороны отдали свои голоса за кандидатуру Калинина. Михаил Иванович стал во главе Лесновско-Удельнинской районной думы и на этом посту сыграл видную роль в подготовке Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде.

В первые годы после революции 1917 года, работая в Зубцовском уезде Тверской губернии, я бывал в Москве на съездах Советов и встречался там с М. И. Калининым. Вспоминаю 5 декабря 1919 года. В Большом театре со всех концов страны собрались делегаты VII Всероссийского съезда Советов.

Съезд открыл Михаил Иванович, а политический отчетный доклад сделал Владимир Ильич Ленин. Помню горячие споры на заседании организационной комиссии съезда, где Ленин говорил об улучшении советского аппарата и об отношении к специалистам. М. И. Калинин решительно поддерживал тогда Владимира Ильича.

Несмотря на занятость, Михаил Иванович навестил нашу делегацию. Беседа с ним состоялась в Октябрьском зале Дома Союзов. Говорили о положении дел в Тверской губернии, о выполнении поставок фронту, о борьбе с дезертирами, о помощи семьям красноармейцев, о работе местных органов. Особенно интересовали Михаила Ивановича наши трудовые сельскохозяйственные коммуны. Он задавал вопросы руководящим работникам губернии.

Выслушав их внимательно, Михаил Иванович сказал в заключение, что сельскохозяйственные трудовые коммуны — это ростки нового общественного хозяйства в деревне, их надо оберегать и всемерно помогать им. Он сообщил, что по инициативе В. И. Ленина государство отпускает сельскохозяйственным коммунам значительный кредит, и предложил председателям исполкомов особо проследить, чтобы эти деньги пошли на приобретение сель-

скохозяйственного инвентаря и на производственно-хозяйственные цели.

В июле 1925 года по решению Центрального Комитета партии я был направлен в распоряжение Президиума ВЦИК. Здесь мне довелось работать под руководством М. И. Калинина около семи лет, сначала — в должности заведующего информационным отделом, а потом — инструктора ВЦИК.

Для нас Михаил Иванович был не только государственным деятелем, но и прекрасным учителем, товарищем. Примером для всех являлись его простота и скромность. Товарищ Калинин не терпел парадности и почестей. Помню, как в ноябре 1925 года коллектив работников ВЦИК и ЦИК Союза ССР решил отметить 50-летний юбилей со дня рождения М. И. Калинина. Стоило больших трудов уговорить Михаила Ивановича, чтобы он пошел на это.

На торжественное заседание в Кремле по этому случаю собралось много народу. Пришли чествовать Михаила Ивановича его сотрудники, друзья, товарищи по совместной подпольной работе.

Когда слово было предоставлено Михаилу Ивановичу, он прежде всего поблагодарил собравшихся за внимание к нему. Выступление же его было посвящено Ленину, Коммунистической партии и советскому народу. Товарищ Калинин говорил о политгических, хозяйственных и культурных задачах социалистического строительства. О себе он сказал очень немного, заявив, что не видит особых заслуг, а действует, как и всякий коммунист, так, как учит партия.

Касаясь работы коллектива сотрудников ЦИК СССР и ВЦИК, он сказал:

— Какими же основными принципами руководствуюсь я в своем подходе к сотрудникам? Прежде всего я стремлюсь дать максимум свободы, максимум самостоятельности, максимум инициативы каждому работнику в аппарате, безразлично, является ли он курьером или заведующим отделом. Затем я вполне доверяю работникам...

М. И. Калинин был доступен для каждого со-

трудника аппарата ВЦИК и ЦИК Союза. У него можно было поучиться, как дорожить временем.

Михаил Иванович не терпел бесплановости и, как иногда он выражался, «разгильдяйства» в работе, требовал, чтобы каждый из нас заранее знал, что ему надо делать и как лучше это сделать.

Сам Михаил Иванович составлял себе расписание работы на следующий день еще накануне. В Кремль товарищ Калинин приходил рано и до начала работы успевал побывать в отделах. Строго соблюдал дисциплину сам и требовал ее от других, в том числе и от членов Президиума ВЦИК.

Когда поступали жалобы от населения непосредственно в Кремль, на имя Президиума ВЦИК, он обязывал нас строго и внимательно следить за их разбором. По жалобам, не терпящим отлагательства, нас посылали с проверкой на места.

Помню, в 1926 году к М. И. Калинину поступили жалобы от тверяков из Кимрского уезда на неправильное лишение избирательного голоса кустарей-сапожников. Он вызвал меня к себе, предложил выехать в Кимры и разобраться на месте. И действительно, данные письма подтвердились: многие сапожники, не эксплуатировавшие чужого труда, не участвовали в выборах. Через уисполком мы восстановили их в избирательных правах.

Или другой пример. Шел 1930 год. По всей стране развернулась массовая коллективизация крестьянских хозяйств. Коммунистическая партия проводила в тот период твердую политику по ликвидации кулачества как класса, на базе сплошной коллективизации.

В апреле из Уфы М. И. Калинину позвонил один из инструкторов ВЦИК и информировал его о случаях извращения политики партии и Советской власти в вопросах национального и колхозного строительства в Башкирской АССР. По предложению товарища Калинина Президиум ВЦИК назначил комиссию для обследования Башкирской республики.

Михаил Иванович вызвал нас к себе и дал советы, как всесторонне проверить положение в местных партийных и советских органах.

Мы подробно проверили жалобы на месте, опросили крестьян и выяснили, что допущено много ошибок в колхозном движении и, в частности, при раскулачивании. Кроме того, были выявлены факты закрытия мечетей, что затронуло религиозные чувства верующих. Кулаки и мусульманское духовенство в связи с этим усилили антисоветскую агитацию среди населения, разжигая в нем тем самым национальную рознь. С помощью местных товарищей мы провели неотложные мероприятия по ликвидации этих перегибов.

Приятно вспомнить наши беседы с М. И. Калининым перед выездами на места. Он всегда предварительно выяснял, насколько мы — инструкторы ВЦИК — подготовились к тому или иному обследованию, насколько разумно составили программы работ. Михаил Иванович всегда подсказывал нам, на что надо обратить больше внимания, каких результатов нужно ожидать от того или иного выезда. Вместе с тем он предупреждал, чтобы мы сначала больше слушали местных товарищей и не спешили со своими выводами, пока не убедимся в правильности тех или иных решений.

Вернувшись из командировки, мы сразу же подробно информировали о ней товарища Калинина, выслушивали его дельные замечания, поправки. И только после этого наши доклады разбирались на Президиуме ВЦИК...

Вспоминая годы совместной работы с Михаилом Ивановичем Калининым, я с уверенностью, от чистого сердца говорю: «Он умел руководить».

А. М. ТЕРПИГОРЕВ

ВСТРЕЧИ С УЧЕНЫМИ

В первый раз я встретил М. И. Калинина на торжественном заседании в честь годовщины Горной академии 12 февраля 1923 года. Мне бросилась в глаза его необычайная скромность и даже стеснительность. Когда он прошел через зал в президиум, то довольно долго искал место за столом, чтобы быть менее заметным.

На этом заседании Михаил Иванович выступил с большой речью, которая для нас, профессоров еще старой, царской школы, составила значительный интерес, так как в ней затрагивался вопрос о месте науки в условиях советского строя. Просто, на ярких примерах товарищ Калинин показал, что надо возможно быстрее приблизить науку к массе рабочих и крестьян и сделать ее достоянием трудящихся.

— Чем скорее это будет достигнуто,— говорил Михаил Иванович,— тем быстрее сгладится грань между умственным и физическим трудом.

Незабываемое впечатление осталось у меня и от выступления М. И. Калинина на торжественном собрании той же академии 25 сентября 1925 года. Здесь он выдвинул положение о необходимости внести в работу студенчества больше четкости, слажен-

ности, организованности. Студенты должны не только приобретать знания, но и вырабатывать в себе качества руководителей для той или иной области социалистического строительства. А для этого, подчеркивал Михаил Иванович, наряду с изучением определенных научных дисциплин необходимо накопление так называемого организационного опыта. Такой опыт приобретается в процессе практической деятельности. Вот почему студент должен активно участвовать в политической и общественной жизни страны через общественные организации своего учебного заведения.

Это положение товарищ Калинин так понятно, просто и доходчиво преподнес аудитории, что для всех нас оно стало неотъемлемой частью нашей повседневной работы со студенческим коллективом.

В апреле 1926 года Михаил Иванович выступил на заседании первого Всесоюзного горного научно-технического съезда. Со всех концов нашей страны съехались на этот съезд горные инженеры и техники, представители высших учебных заведений, техникумов и научно-исследовательских институтов. Товарищ Калинин указывал тогда, что могущество социалистического общества не в меньшей, а еще в большей степени, чем капиталистического, покоится на материальной базе. И одну из главнейших ролей в создании этой базы играет тяжелая индустрия.

Михаил Иванович говорил:

— Предо мною съезд горных инженеров, работников того основного сектора тяжелой промышленности, который является командным составом в борьбе за подведение основной базы под наше социалистическое строительство. Несомненно, задачи, стоящие перед нами, — задачи огромной трудности. Для этого должны быть выдвинуты и новые творцы, и новые техники, и организаторы, и руководители... И энтузиазм в народе должен быть поднят на более высокую степень.

Прежде чем развить мысль о построении социализма в одной стране, Михаил Иванович задал во-

прос: что значит практически решить эту проблему? И сам пояснил: это значит создать материальные и организационные предпосылки, которые дали бы возможность построить нашу тяжелую индустрию технически и организационно не хуже, чем в самой передовой капиталистической стране.

Излагая это положение, Михаил Иванович остановился подробно на минусах и плюсах нашего советского строя и указал, что основной плюс — в концентрации средств и рабочей силы. Свое выступление Михаил Иванович закончил словами: «Научно-техническая интеллигенция должна сделать все, чтобы подвести материальный фундамент под действительное братство народов, под обеспечение человечества от нищеты, рабства, векового порабощения. А что может быть более идеального, чем эти цели?..»

Тысячная аудитория съезда слушала Михаила Ивановича с большим вниманием. Его речь, безусловно, явилась одной из движущих сил в деле создания трудового подъема среди инженерно-технических работников в последующие годы.

На меня лично выступления Михаила Ивановича своей глубиной и значимостью произвели огромное впечатление и сыграли видную роль в моей научно-педагогической деятельности.

И. Т. ДУНАЕВ

СКРОМНЫЙ И ПРИНЦИПИАЛЬНЫЙ

Михаил Иванович Калинин был крупнейшим деятелем нашей партии, мудрым руководителем Советского государства и вместе с тем простым, скромным большевиком-ленинцем. На конкретных примерах он учил нас, как надо правильно подходить к решению политических и хозяйственных вопросов, как лучше использовать народную смекалку в повседневной работе партийных и советских органов, чтобы успешнее выполнить поставленные задачи. В этой связи мне хотелось бы привести два случая решения важных вопросов при участии М. И. Калинина.

В 1925—29 гг. я работал в Твери, одно время — заведующим городским, а потом губернским отделами коммунального хозяйства. По согласованию с губкомом партии и губисполкомом в 1925 году мы, коммунальники, решили поставить в центре города, на площади «Правды», памятник В. И. Ленину. Проект памятника создал С. Д. Меркуров, а его отливку произвели на ленинградском заводе. Нам казалось, что сделано большое, нужное дело. Естественно, что мы радовались такому событию и заранее готовились к торжественному открытию памятника в день восьмой годовщины Октябрьской революции.

Но в октябре 1925 года меня и председателя губисполкома В. А. Алексеева неожиданно вызвали в Москву. Член Президиума ЦКК ВКП(б) товарищ Сольц предъявил нам серьезное обвинение в нарушении партийной и государственной дисциплины. Оказалось, что самостоятельно, без утверждения проекта в комиссии ВЦИК, мы не имели права устанавливать в Твери памятник В. И. Ленину.

Окончились наши объяснения в ЦКК ВКП(б). С тяжелым настроением мы выходили из кабинета. С нами вышел и товарищ Сольц. С раздражением он сказал нам:

— Таких строителей надо судить!

В коридоре мы увидели М. И. Калинина. Товарищ Сольц обратился к нему:

— Вот, Михаил Иванович, ваши земляки напортачили. Решили поставить в Твери памятник В. И. Ленину без утверждения проекта правительственной комиссией. Может быть, это такой памятник, который придется немедленно снимать, а самих руководителей строительства (он указал на нас) привлечь к строжайшей партийной и судебной ответственности.

Михаил Иванович подошел к нам, поздоровался и, улыбаясь, спросил:

— Что же вы там начудили с памятником Ильичу? Ну, рассказывайте.

Мы объяснили ему, что совершенно не знали о порядке утверждения проекта памятника В. И. Ленину в комиссии ВЦИК, никто нам этого не подсказал, тем более, что по такому же проекту С. Д. Меркурова установлены памятники Ильичу в Баку и других городах. Видимо, его проект был утвержден ранее.

Товарищ Сольц попросил Михаила Ивановича:

— Вы предполагаете поехать в Тверь на торжественное собрание, посвященное восьмой годовщине Октября. Посмотрите, пожалуйста, этот памятник. Если он окажется хорошим, то можно будет разрешить его открытие. Победителей не судят. А если окажется плохим, то виновных будем судить.

Товарищ Сольц ушел, а Михаил Иванович посоветовал нам передать секретарю губкома товарищу Чудову, чтобы он срочно дал указание партийным организациям фабрик и заводов города провести собрания рабочих, на которых выделить представителей для осмотра памятника. После осмотра собрания рабочих должны вынести свои решения о памятнике В. И. Ленину.

— А когда я приеду в Тверь, — закончил Михаил Иванович, — и ознакомлюсь с постановлениями рабочих собраний, тогда окончательно и решим, как поступить.

Мы распрощались с Михаилом Ивановичем, восхищенные его простым и умным предложением. Он по-товарищески показал нам, как надо правильно решать сложные вопросы, привлекая к этому партийно-советские организации и, главное, самих рабочих.

Губком партии поступил так, как указал М. И. Калинин. К нашему удовлетворению, все организации, рабочие и служащие фабрик и заводов одобрили памятник В. И. Ленину. Об этом мы сообщили в Москву.

Хотя, к сожалению, Михаил Иванович и не смог приехать в Тверь на празднование годовщины Октября, но губисполком вскоре получил телеграмму за подписью секретаря ВЦИК товарища Киселева, разрешающую открытие памятника В. И. Ленину.

Приведу другой случай. В начале 1926 года по заданию губисполкома мы включили в план строительство улучшенной дороги протяжением 30 километров от города Кашина до деревни Верхняя Троица. Прозели технико-экономические изыскания, составили сметы. Дорожный отдел губкомхоза готовился срочно развернуть строительство дороги с тем, чтобы завершить его к 19 ноября, ко дню рождения М. И. Калинина.

Узнав от своих земляков об этом деле, товарищ Калинин срочно вызвал к себе представителя Тверского губисполкома. Последний направил во ВЦИК меня и еще одного товарища из секретариата губ-

исполкома. Когда мы явились к М. И. Калинин, он поздоровался с нами, любезно предложил сесть, а потом сразу в упор поставил вопрос:

— Ну, говорите, по какому указанию вы строите дорогу от Кашина до Верхней Троицы?

Мы доложили, что были неоднократные ходатайства Кашинского уисполкома и самих крестьян, что эта дорога очень плоха, а весной и осенью по ней и вовсе прекращается всякое движение.

— Вам, Михаил Иванович, тоже приходится с трудом пробираться на родину, — сказал я. — Губисполком учел все это и включил строительство дороги в план текущего года.

Михаил Иванович категорически отверг наши доводы.

— Подумайте, — сказал он, — подобными действиями вы компрометируете меня как главу Советского государства. Что скажут по этому поводу наши враги за границей? Смотрите, мол, Всероссийский староста Калинин строит себе шоссейные дороги в Верхнюю Троицу, в то время когда государственные дороги и хозяйство России разрушены...

Михаил Иванович отклонил наше предложение и посоветовал строить другие дороги, имеющие государственное значение. Мы дружески распростились с Михаилом Ивановичем и еще раз убедились в том, какая кристально чистая идейность и большевистская скромность заложены в этом замечательном человеке.

А. С. САПУНОВ

ТАКИМ Я ПОМНЮ ЕГО

В январе 1927 года решением оргбюро ЦК ВКП(б) я был отозван из Тверской парторганизации и направлен в распоряжение фракции ВКП(б) Президиума ВЦИК. На протяжении четырех лет по роду своей работы я имел возможность почти ежедневно встречаться с М. И. Капониным. Каждую неделю я видел Михаила Ивановича на заседаниях Президиума ВЦИК, которые всегда проходили под его председательством.

Повестку дня очередного заседания сотрудники готовили очень тщательно. По каждому вопросу предварительно собирались заключения центральных ведомств и местных организаций, прокурора республики и Верховного суда, затем составлялась специальная справка, в которой излагалось существо вопроса. К справке прилагался проект решения по каждому вопросу. Повестка заседания Президиума ВЦИК обычно включала 20—25 вопросов.

По тому, как Михаил Иванович вел заседания, чувствовалось, что он отлично ориентировался во всех вопросах повестки дня. Он тщательно штудировал материалы по каждому вопросу и составлял, видимо, о них свое мнение, которое не всегда совпадало с подготовленным проектом решения. Доклад-

чикам товарищ Калинин обычно давал не более пяти минут. Исключения допускались только тогда, когда в повестке дня стоял отчетный доклад местного исполкома или центрального ведомства. Но и в этих случаях, предоставляя слово докладчику, Михаил Иванович иногда говорил:

— Прошу вас, сделайте краткий, но обстоятельный доклад.

Товарищ Калинин очень внимательно выслушивал людей, не позволяя себе прерывать докладчика репликами или вопросами, но всегда правильно нащупывал момент, когда следовало остановить выступавшего.

— Хватит, все ясно, переходим к обсуждению, — спокойно, но твердо говорил он.

После каждой дискуссии Михаил Иванович выступал с заключительным словом.

Его выступления отличались простотой, ясностью мысли, сжатостью и четкостью формулировок. Говорил он отчетливо, немного окая, слегка картавя при произношении буквы «р». Речь Михаила Ивановича не подходит под рубрику блестящих ораторских речей, какие, скажем, произносил А. В. Луначарский. Но выступления Калинина всегда захватывали слушателей своей мягкостью, задушевностью, ясностью и богатством интересных мыслей. Очень часто на ходу он заменял одно слово другим и таким путем добивался безукоризненного с литературной точки зрения построения фразы. Михаил Иванович, как истинный художник слова, из всего многообразия русского языка отбирал такие слова, которые яснее отражали бы его мысль, легче понимались бы и лучше запоминались. Речь его текла плавно, говорил он негромко. Заканчивая какую-либо мысль, он иногда ставил вопрос: «А как же иначе?» Такая концовка фразы как бы подчеркивала правильность положения, которое он хотел доказать, чувствовалось, что этим вопросом он не только слушателей, но и себя пытается еще раз убедить в правильности какого-нибудь положения, чтобы увереннее развернуть дальнейший ход своих мыслей.

В своих выступлениях Михаил Иванович часто пользовался сравнениями, примерами, взятыми из художественной литературы, по преимуществу из произведений русских классиков. Несмотря на свою занятость, он много читал.

Раза два-три мне случалось быть по служебным делам на квартире Михаила Ивановича. В большой просто убранной комнате у окна стоял письменный стол, угол за этим столом был отделен ширмой — там находилась его кровать. Письменный стол был заполнен книгами, и чувствовалось, что эти книги читают, с ними работают. Однажды в Сочи, на пляже, меня сильно заинтересовало, какую книгу так внимательно читает Михаил Иванович, будучи на отдыхе. По корешку книги я узнал томик из полного собрания сочинений Г. В. Плеханова. Второй раз я видел его читающим книгу по русской истории; мне припоминается, что это была книга В. О. Ключевского.

Михаил Иванович очень ценил грамотных, образованных людей. Его большим вниманием пользовались работники Секретариата ВЦИК, юристы-консультанты, сотрудники редакционно-издательского отдела.

Вспоминается такой случай. В конце 1929 года проходила чистка партийной организации ВЦИК и ЦИК СССР. Партийные собрания, на которых было много и беспартийных сотрудников, проходили в 4-м Доме Советов. Михаил Иванович почти ежедневно на протяжении целого месяца приходил на заседания, садился где-нибудь подальше и внимательно слушал. Но сам, как правило, не выступал ни в защиту, ни с критикой товарищей, подвергающихся чистке, не желая, видимо, оказывать какое-либо давление на комиссию по чистке авторитетом члена Политбюро ЦК ВКП(б).

Дошла очередь до заведующего Секретариатом Президиума ВЦИК. Это был образованный, культурный человек. Он много работал сам, умел заставлять работать и подчиненный ему аппарат. Когда надо было сформулировать какой-либо доку-

мент, исходящий от имени Президиума ВЦИК, он требовал безукоризненной редакции этого документа и абсолютной его грамотности. Он мог заставить и заставлял иногда некоторых сотрудников переделывать документы по три-четыре раза, добиваясь тщательной их отшлифовки. Кое-кому из работников аппарата такая постановка дела была не по нраву. Начались выступления коммунистов, звучали обвинения заведующего Секретариатом в сухости, черствости, в пристрастии к бумагам, в «придирках», одним словом — в бюрократизме.

И вот слово попросил Михаил Иванович. Это было первое и единственное его выступление за все время чистки партийной организации. В спокойной и очень доходчивой речи Михаил Иванович дал убийственную критику выступлениям некоторых коммунистов, обвинявших заведующего Секретариатом Президиума ВЦИК в «бюрократизме» на том единственном основании, что последний проявлял требовательность к сотрудникам Секретариата в процессе обработки правительственных документов.

— Почему выступающие здесь думают, что Президиум ВЦИК — Верховный орган Советской власти — должен выпускать неряшливо отредактированные и неграмотные документы? — спрашивал товарищ Калинин. — Ведь эти документы читает вся страна, их читают и за границей, и кто-то должен следить за тем, чтобы они были грамотно изложены, хорошо отредактированы и чтобы действительно каждая запятая была поставлена там, где ей и надлежит быть по правилам русского языка.

И Михаил Иванович рассказал, как тщательно редактируются документы в аппарате ЦК партии и в Совнарком, поделился воспоминаниями о работе аппарата Совнаркома при жизни В. И. Ленина.

— Чего греха таить, — говорил Михаил Иванович, — были в те годы среди нас товарищи, которые считали, что носить галстуки — мешанство, читать стихи Есенина — обывательщина и чуть ли не разложение, писать грамотно — «интеллигентщина».

Выступление Михаила Ивановича за культуру,

за грамотность, за знание дела, которое поручает нам партия, оставило глубокий след в сознании многих из нас, сидевших в зале, прозвучало для нас по-новому...

Михаил Иванович не любил прибегать к мерам репрессивного порядка по отношению к сотрудникам ВЦИК и работникам местных Советов. Он не любил принимать решения, в которых проектировались те или иные меры взыскания. В таких случаях он почти всегда предлагал снять данный вопрос с обсуждения и поручить члену Президиума ВЦИК П. Г. Смидовичу внимательно еще раз разобраться в этом. Члены Президиума ВЦИК принимали предложения Михаила Ивановича, так как знали, что товарищ Смидович — человек очень чуткий и не делает ошибки в определении степени виновности того или иного работника.

Однажды Михаил Иванович рассказал на заседании Президиума ВЦИК о том, как относился Владимир Ильич к проступкам людей:

— Вызывает меня Владимир Ильич и предлагает выехать на место, чтобы устранить возникшие там беспорядки, и при этом требует, чтобы я строго наказал виновных, вплоть до отдачи кое-кого под суд. Выезжаю, разбираюсь, делаю, что нужно, и по приезде в Москву докладываю Владимиру Ильичу о проделанной работе. Выслушав мой доклад, спрашивает меня Ильич:

— Сколько человек арестовали?

— Ни одного.

— Кого отдали по суду?

— Никого, Владимир Ильич.

— Правильно сделали.

Вот так учил нас Владимир Ильич относиться к людям...

Михаил Иванович был очень жизнерадостным человеком. Он часто и заразительно смеялся, любил шутку и сам умел бросить острое, меткое словцо, рассказать что-то смешное, веселое. Часто можно было видеть Михаила Ивановича окруженного сотрудниками. Они с серьезными лицами слушают его

рассказ, и вдруг беседа прерывается взрывом веселого смеха; это значит, что Михаил Иванович сказал что-то смешное и остроумное...

В конце 20-х и начале 30-х гг. часто можно было видеть М. И. Калинина на улицах Москвы, особенно в районе улицы Горького, Охотного ряда, Александровского сада и улицы Коминтерна (ныне улица Калинина). Многие москвичи узнавали Председателя ВЦИК и здоровались с ним, получая в ответ приветливую улыбку и не менее приветливое «здравствуйте».

Михаилу Ивановичу было уже 53 года, а он вместе с пионерами неутомимо бегал на «гигантских шагах», с большим азартом играл в городки. Свой летний отпуск Михаил Иванович обычно делил на две части: первую половину отдыха проводил на сенокосе в деревне Верхняя Троица, а вторую — в Сочи. Рано утром он появлялся на пляже, недалеко от Ривьеры, подолгу и с удовольствием купался. Иногда он говорил своим собеседникам, отдыхающим вместе с ним в доме отдыха ЦИК СССР:

— Отдыхать приятно тогда, когда перед отдыхом потрудишься на славу, — и рассказывал, как он хорошо поработал на сенокосе.

Любил Михаил Иванович иногда озадачить собеседника каким-либо вопросом, слегка «подтруснить» над ним. Вспоминается такой эпизод. Однажды летом, в воскресенье, Михаил Иванович с несколькими сотрудниками выехал на дачу. Около города Бабушкина пришлось остановиться — встала почему-то машина. Шофер стал обследовать мотор, а Михаил Иванович и мы отошли к обочине шоссе. К нам подошел какой-то гражданин, по всем признакам успевший угостить себя доброй порцией хмельного. Внимательно уставившись на Михаила Ивановича, гражданин произнес:

— А я вас узнал!

— Ну-у?

— Да, вы — Михаил Иванович Калинин.

Михаил Иванович весело рассмеялся, а затем серьезным тоном ответил:

— Вы, друг мой, не первый, кто ошибается, увидев меня: меня все признают за Калинина. А на самом деле я не Калинин, я только очень похож на него.

Гражданин был озадачен, он медленно отошел, но все время оглядывался и, по-видимому, недоумевал, чему же верить — своим глазам или словам человека, которого он принял за Калинина...

В марте 1929 года отмечалось десятилетие пребывания Михаила Ивановича на посту Председателя ВЦИК. В зале заседания Президиума ЦИК СССР собрались члены Президиума ВЦИК и ЦИК СССР, члены Совнаркома, члены Политбюро ЦК ВКП(б). Было много выступлений ближайших товарищей Михаила Ивановича, отмечавших его многогранную работу на посту Всероссийского старосты.

Товарищ Шотман внес предложение о награждении Михаила Ивановича за его плодотворную работу орденом Красного Знамени. Михаил Иванович очень долго отказывался от этой награды, говорил, что у него уже есть орден, что заслуги его здесь переоценены и он просит воздержаться от награждения его вторым орденом. Но предложение Шотмана было все же принято. Присутствующие единогласно решили возбудить ходатайство о награждении Михаила Ивановича вторым орденом за его работу на посту Председателя ВЦИК.

Д. И. ЛОГИНОВ

АГИТАТОР И ПРОПАГАНДИСТ

Мне приходилось встречаться с Михаилом Ивановичем Калининым на съездах Коммунистической партии и Советов, заседаниях ЦИК, ВЦИК, в его Приемной.

Слушая Михаила Ивановича, беседуя с ним, читая его выступления в прессе, еще и еще раз убеждался я в том, что этот человек прекрасно знал жизнь, был тесно связан с массами — с рабочими, крестьянами, интеллигенцией. Ни одного крупного вопроса он никогда не решал, предварительно не посоветовавшись с трудящимися.

Товарищ Калинин учился у народа и одновременно учил народ. Михаил Иванович был выдающимся агитатором и пропагандистом. В этой связи вспоминаю такой факт.

В 1928 году городские, партийные и советские организации Твери (в то время я был председателем губисполкома) решили начать строительство моста через реку Тверцу, которая в весеннее половодье и осеннюю грязь отрезала одну треть города от центра. Местных средств для строительства моста оказалось недостаточно. Мы обратились за помощью к М. И. Калинин. Михаил Иванович принял меня и, выслушав внимательно, спросил:

— Сколько лет вашему городу?

Я, к своему стыду, ответить не смог.

— Вот, — сказал Калинин, — расскажите рабочим, что бывшие правители города, городская управа, городской голова, губернатор вместе с фабрикантами Морозовыми сотни лет правили, а моста через Тверцу не построили. А Советская власть поможет им в этом... Да так расскажите, чтоб они поняли.

Михаил Иванович тут же позвонил заместителю председателя Совнаркома товарищу Смирнову и попросил его оказать нам помощь в строительстве. Совнарком обязал Наркомфин предусмотреть в бюджете средства и немедленно выдать нам временную банковскую ссуду

После объединения Тверской губернии с Московской я работал заместителем председателя Моссовета. Михаил Иванович часто приглашал меня на прием посетителей. Эти встречи с народом были для меня лучшей школой жизни.

Вспоминается такой случай. У одной крестьянки Кашинского района Московской области местные власти отобрали корову. Она пришла пожаловаться Михаилу Ивановичу. Внимательно выслушав женщину, он возмутился:

— Видите, как перегибают на местах?

На заявлении крестьянки Михаил Иванович наложил резолюцию: «Корову вернуть». А мне поручил проследить за исполнением его указания.

Товарищ Калинин говорил, что умение руководителя местного Совета, горисполкома, райисполкома проводить политику партии и правительства наверняка можно определить в Приемной ВЦИК. Когда работник подходит к решению каждого вопроса обдуманно, сразу же уменьшается количество жалоб и ходов.

Последняя моя встреча с Михаилом Ивановичем произошла в 1942 году. Московский комитет партии собрал совещание партийных работников столицы и пригласил Михаила Ивановича выступить на этом*совещании.

Михаил Иванович на этом совещании учил партийных работников искусству агитации, умению довести до каждого человека слово коммунистической правды.

— Сила нашей партии, — говорил он, — в тесной связи с массами. Но связь с массами бывает разная: плестись в хвосте за массами или панибратство в обращении — тоже «связь». Ходит, скажем, парторг или профорг по цехам, рабочих по плечу похлопывает, называет даже по имени, а в дело не вникает. О таком работнике можно иногда услышать: «Вот как близко к массам стоит человек, рабочего Иваном Петровичем называет... Свой парень».

Не такой связи с массами учит партия. Связь с массами означает вести массы вперед за сознательным авангардом, за передовиками производства, а не подпевать отсталым элементам.

Агитатор, партийный руководитель не должен зазнаваться, считать себя умнее других, лицемерить. Иначе вам не поверят и скажут: «Знаем тебя, нам-то ты советуешь, а сам поступаешь не так, как говоришь». Скромность, честность и правдивость — вот неотъемлемые качества коммуниста.

Михаил Иванович неоднократно повторял:

— Не годится, когда пропагандист, агитатор, руководитель в общении с массами пропитан духом поучения, когда он только указывает: «Нужно то-то и то-то, мы должны, мы обязаны». Как-то неприятно слушать такого оратора. Можно ведь обратиться к аудитории, одновременно как бы советуясь с ней: «Как вы думаете, если так сделать?».

Такая форма обращения будет восприниматься иначе, и слушатели примут живое участие в обсуждении и решении поставленных вопросов.

Выступления, речи и доклады Михаила Ивановича Калинина были, есть и будут образцом партийной пропаганды среди трудящихся масс.

Л. А. ПОМЕРАНЦЕВА

НЕИЗГЛАДИМЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

На совещании школьных инспекторов, которое проходило летом 1928 года в помещении филиала Большого театра, пронесся слух, что будет выступать товарищ Калинин. Мы с нетерпением ждали: правда ли, приедет ли? И вот он вышел на трибуну.

Много прошло с тех пор, но я помню все, словно это было совсем недавно. Спокойно и негромко говорил Михаил Иванович о высокой и ответственной миссии учителя, о том, как тяжело воспитывать детей, растить новых людей, строителей и граждан нового, советского общества. Говорил, что надо всеми силами помогать народному учителю, ценить его благородный труд.

— Учительская профессия, — подчеркивал М. И. Калинин, — требует любви и самоотверженности, она берет человека всего целиком, поглощает его мысли и чувства, все его существо. Тут еще невозможнее, чем в любой другой области, делать свое дело наполовину, с холодной душой.

Я слушала, затаив дыхание. В то время у меня за плечами было уже почти 20 лет работы в школе, и я хорошо знала, что такое труд педагога. Но такое теплое и мудрое слово об учителе я слышала

впервые. И, помню, тогда подумала: «Какой же зоркий ум и какое чуткое, отзывчивое сердце подсказали эти простые слова!»

После этого совещания я внимательно читала все речи М. И. Калинина. Я знала: Михаил Иванович не бросит слова на ветер, его выступление никогда не будет пустым или шаблонным. А такая речь, чуждая внешней пышности, но проникнутая горячим человеческим чувством, озаренная светом ясной, неутомимой мысли, всегда дойдет до народного сердца.

Помню, как Михаил Иванович говорил со школьниками Бауманского района — с таким чудесным юмором и в то же время с горячим, молодым увлечением, с неподдельной, покоряющей силой. Обаяние его речи было так велико, что я временами совсем забывала о ребятах. Но каждый раз, когда я вспоминала о них и оглядывала аудиторию, то видела на всех лицах жадное, страстное внимание: подростки слушали Михаила Ивановича так, как можно слушать только очень родного человека, которого безгранично любишь и чтишь, которому безгранично веришь.

Н. Е. ВЕРКЛОВ

В СОВХОЗЕ «ГОЛЫНКИ»

Во время своих поездок по Советскому Союзу Михаил Иванович Калинин посетил многие совхозы, к одному из них — совхозу «Голынки», расположенному в Западной, ныне Смоленской области, он проявил особый интерес.

Небольшой, с земельной площадью 4500 гектаров и стадом в 600 голов, совхоз входил в Молоко-сбывание. К 1933 году своими «хозяевами» он был доведен до такого состояния, что встал вопрос о его ликвидации.

Михаил Иванович не согласился с этим, и весной 1933 года по решению Совнаркома РСФСР «Голынки» были переданы Деткомиссии при ВЦИК. Меня назначили директором совхоза.

Товарищ Калинин знал, что в совхозе «Голынки» более половины коров больны, что, в связи с отсутствием скотных дворов, коровы размещены у крестьян и фактически являются безнадзорными и что 4500 гектаров земли состоят из 350 небольших клочков, разделенных кустарником и болотом. Михаилу Ивановичу было известно и то, что на территории совхоза продолжают жить 80 семейств бывших хуторян-огрубщиков. Но, несмотря на все это,

М. И. Калинин дал согласие принять совхоз в ведение Деткомиссии при ВЦИК, шефом которой он являлся.

Осенью 1933 года Михаил Иванович, будучи на областном совещании председателей сельских Советов в городе Смоленске, неожиданно для нас приехал в совхоз.

Этот год для Западной области был исключительно неблагоприятным. С ранней весны и до самой зимы почти непрерывно шли дожди. Лил проливной дождь и в день приезда Михаила Ивановича. Но, к нашему удивлению, погода не смутила товарища Калинина. В высоких сапогах и кожаном пальто, он обходил наш совхоз, заглядывая во все его уголки.

Особенно похвалил Михаил Иванович коллектив совхоза за самоотверженный труд, благодаря которому сено и зерно были спасены от порчи. А случилось это так.

От непрерывных дождей речка Еленка разлилась, и все луга почти полностью покрылись водой. Рабочие, не думая о своем здоровье, вытаскивали сено из воды и переносили его на возвышенные места.

Такая же борьба шла и за сохранение зерна. После обмолота оно было очень сырое. Пришлось приспособить помещение конторы, клуба и другие постройки под зерносушилки, устроить там сплошные нары в два яруса, а под ними провести трубы от временных печей...

Осмотрев хозяйство, Михаил Иванович захотел побеседовать с рабочими и руководителями совхоза. Мы зашли в помещение столовой. Там уже собрался народ.

Стоя в центре, он говорил со мной как с директором совхоза, но время от времени обращался с вопросами и к рабочим, вызывая их на активное участие в разговоре.

Его интересовало буквально все: пробовали ли мы кустарным способом делать сыромятную кожу для упряжи, во что обходится нам квадратный метр

щепной крыши на скотных дворах. И тут же он дал совет, как организовать изготовление щепы, чтобы она обходилась дешевле. При этом Михаил Иванович сослался на свой личный опыт, когда еще сам строил избу в деревне.

— Ну, а какой у вас сейчас удой? — спросил он меня.

Когда я ответил, что пока всего лишь три литра на фуражную корову, стоявший рядом с М. И. Калининым секретарь обкома Румянцев сделал замечание:

— Безобразно мало.

На это Михаил Иванович, желая нас поддержать, сказал:

— А у тебя, Иван Петрович, в среднем по области никак не больше.

Товарищ Калинин помнил, что пять месяцев назад в этом совхозе средний удой составлял только 0,5 литра на дойную корову.

После беседы Михаил Иванович направился в сельский Совет. По дороге проходили мимо палаток, в которых жили красноармейцы, помогавшие нам убирать сено. М. И. Калинин, нагнувшись, залез в одну из них. В палатке никого не было. Михаил Иванович побыл там минуты две, желая, видимо, проверить, не протекает ли она.

Председателя в сельсовете не оказалось — он уехал в Смоленск, на областное совещание. За столом сидел секретарь сельсовета — молодой парень. Увидев товарища Калинина, он несколько растерялся и вытянулся во фронт. Михаил Иванович, улыбнувшись, сразу же успокоил его:

— Давно вы работаете здесь?

— С тысяча девятьсот тридцать третьего года. — заикаясь, но по-военному вытянувшись, отработовал Михаилу Ивановичу секретарь.

— Вы начали так, что можно было подумать, что работаете вы, по крайней мере, с девятьсот третьего года, — шутливо сказал Михаил Иванович.

И опять все, в том числе и секретарь, почувствовали в его лице не «строгое начальство», а внима-

тельного к делу и доброжелательного к людям Все-
союзного старосту.

Михаил Иванович тут же посоветовал секретарю, какие распоряжения советских органов не плохо было бы вывесить на стенах в сельском Совете и как это оформить...

Дорога к нашей паровой мельнице из-за грязи была почти непроходима. Дней за десять до приезда Михаила Ивановича мы построили мостки, в виде тротуарчика, в две доски. Они имели еще свежий вид.

Михаил Иванович, проходя по ним, заметил:

— Что мостки сделали — это хорошо, но я боюсь, не в честь ли моего приезда.

Когда Михаил Иванович, попрощавшись и пожелав нам дальнейших успехов в работе, уехал, мы долго вспоминали его, и не как официальное лицо, а как родного человека, у которого для каждого нашлись и доброе слово и совет.

С. Д. СПАССКИЙ

ПУТЬ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

В 1932 году я собирал материалы для книги по истории Нарвской заставы. Старые путиловцы много рассказывали мне о Михаиле Ивановиче Калининe. «Вот за этим станком он работал, а мой станок был тут неподалеку» или: «Здесь был садочек у домика. Мы тут столик под дерево выносили, чай попивали, беседовали.»

Наслышался я и о подпольном кружке 90-х годов, членом которого был Михаил Иванович. Но при всем этом я понимал, что книга никогда не будет полной, если я не встречу лично с Калининым.

В начале мая, приехав в Москву, я отправился на Моховую, в Секретариат ВЦИК. Зашел на первый этаж.

— Приемные часы закончились, — ответили мне там.

Огорченный, я остановился в раздумье. Подошел кто-то из сотрудников и осведомился о моем деле. Я сказал о книге.

— А вы поднимитесь на второй этаж. Там секретарь Михаила Ивановича. Может, она вам что-нибудь посоветует.

Секретарь, молодая женщина, выслушав меня, ответила:

— Хорошо, я доложу Михаилу Ивановичу, а вы потом позвоните мне.

В этот момент открылась дверь, ведущая во внутренний кабинет. Я встал, узнав М. И. Калинина.

— Михаил Иванович, вот к вам товарищ из Ленинграда.

Я не был подготовлен к такой неожиданной встрече и с трудом находил слова. Калинин слушал, наклонив вперед голову. Внимательный, обнадеживающий взгляд.

— Так, так, — словно помогал он мне. — Но я сейчас еду в Кремль, зайдите завтра. — Он назвал час. — Предварительно проверьте по телефону.

На следующий день точно минута в минуту я был приглашен в кабинет. Небольшая светлая комната, кожаные кресла, маленький письменный стол. Калинин кивнул мне:

— Присаживайтесь, давайте поговорим. Что вам собственно нужно?

Я объяснил, что мне важно узнать, в какое время Михаил Иванович работал за Нарвской заставой, проверить воспоминания рабочих, записать наиболее характерные эпизоды.

— В частности, верно ли, что вы были уволены с завода за отказ внести деньги на постройку путиловской церкви?

— Это неправильно, — ответил Михаил Иванович. — Никто меня не увольнял. Я просто отказался подписаться.

Он не ждал других вопросов и заговорил сам. Смущение мое улеглось, Калинин показался мне удивительно знакомым. Я не раз в Ленинграде встречался со старыми питерскими пролетариями. Михаил Иванович напоминал мне их: та же задушевная, располагающая простота, та же меткая, остроумная речь.

— Видите ли, первые два года на заводе я был учеником. Тогда в нелегальном кружке не состоял. И только года через два связался с ними, — продолжал рассказывать Михаил Иванович.

Мелькали даты и имена. Подпольный кружок, нелегальная газета. Первомайский листок в 1899 году.

— С рисунками, — подчеркнул Михаил Иванович, — красивый листок был. Мы получали много экземпляров и распространяли его.

— Мы, металлисты, — говорил он с достоинством, и глаза его радостно поблескивали за стеклами очков.

— Да вы не думайте, что мы были забитыми. Нет, мы всегда знали себе цену. Одевались очень хорошо. Котелки носили, крахмальные рубашки, жилеты. Перчатки надевали. В Москве рабочие фуражки носили, а в Питере рабочая верхушка фуражку одевать стыдилась. Многие танцевать учились, вечеринки устраивали... Со вступлением в нелегальную работу жизнь менялась. Тогда появилась мягкая шляпа, синяя рубашка — внешний признак революционности.

Голос Михаила Ивановича звучал весело и звонко, с молодым огнем и задором. Он увлекся воспоминаниями.

— Потом с Трубочного меня выкатили, — сообщил он засмеявшись. — Времячко интересное было... Отдельные группы рабочих серьезно занимались. Многих вопросы философии интересовали.

Случай вспоминался за случаем. И невозможно было оторвать взгляда от помолодевшего, такого привлекательного, воодушевленного лица Михаила Ивановича.

— Раз — в Ревеле я тогда был — работаю у станка, вдруг появляются два жандарма. Обыск. А я только что перед этим литературу роздал. Пошли домой. Искали, искали, но ничего порочащего меня не обнаружили. Завязали с полсотни так называемых тенденциозных книг. Я им и веревку дал, и простыню, и вязать помогал, чтобы только скорее ушли.

Потом садится полковник протокол писать. Вдруг случайно задел рукой на столе за ящик, он открылся, а там — шрифты и брошюры нелегальные.

Полковник обрадовался: «Как это я забыл сюда посмотреть, оказывается, вот они где!» Я обозлился, простыню и веревки у них отобрал. «Ну вас к черту,— говорю,— вяжите сами».

— Революционер — что моряк, — улыбнувшись, сказал Михаил Иванович, — то утонешь, то выплывешь. Месяцев шесть пришлось тогда отсидеть. У меня обысков было, наверное, тринадцать или четырнадцать. Арестовывали тоже раз десять. Постоянные аресты, высылки. Вот так, значит...

Я вышел из кабинета в приподнятом настроении.

С. В. БОРИСОВ

В ГОРЬКОМ

Мне неоднократно случалось встречаться с Михаилом Ивановичем, но особенно сохранился в памяти его приезд в город Горький в начале лета 1933 года, где я в то время работал председателем краевой контрольной комиссии.

Михаил Иванович приехал в Горький на несколько дней отдохнуть. Ему был подготовлен паром для поездки по Волге. Но отдыхать Михаил Иванович, видимо, не торопился. Сначала он решил осмотреть предприятия города. Знакомясь с промышленностью, он особенно обращал внимание на качество и отделку выпускаемой продукции.

Мы, горьковчане, очень гордились изделиями станкостроительного завода и ожидали похвалы товарища Калинина, который, как известно, был большим знатоком станков.

Но наши надежды не оправдались: Михаил Иванович чем-то был недоволен.

— Качество станков ваших, — сказал он, — не уступает импортному, а вот их вид, отделка никуда не годятся. Товар надо показывать лицом.

Это замечание Михаила Ивановича послужило

сигналом к тому, чтобы горьковская партийная организация повела решительную борьбу за улучшение качества продукции, за тщательную ее внешнюю отделку.

Товарищ Калинин, обнаружив эти недостатки, не кричал, не разносил нас, руководящих работников. Но в его словах была та строгость, требовательность, которая характерна для большевика, горячо болеющего за каждое дело. После таких замечаний хотелось делать лучше, работать во всю силу.

Заводские руководители пытались воспользоваться приездом Михаила Ивановича и обращались к нему со всевозможными просьбами о снабжении заводов недостающими для производства материалами.

Михаил Иванович сразу охладил их пыл, заметив, что он не добрый дядюшка и не состоит у них на службе в должности снабженца.

Секретарь парткома станкостроительного завода товарищ Баранова, которую Михаил Иванович хорошо знал по работе во ВЦИК, в полной уверенности, что уже ей-то Михаил Иванович не откажет, попросила его помочь достать провод, необходимый для проводки трамвая к заводу.

Михаил Иванович ей прямо сказал:

— Баба ты умная, а говоришь глупости.

...Погода стояла хорошая. Пароход, плавно покачиваясь, шел вниз по Волге. Все располагало к спокойному отдыху. Но Михаил Иванович и здесь не мог находиться без дела. Он не раз сходил на берег, посещал прибрежные районы, беседовал с сельскими активистами.

В колхозах и совхозах края тогда, при общем подъеме сельского хозяйства, в период весеннего сева было немало недостатков. Обработка земли в ряде колхозов проходила плохо, с мелкой вспашкой. При наличии сельскохозяйственных машин сеяли все же по старинке, вручную.

Михаил Иванович обратил на это особое внимание, разъяснив при этом, что все недостатки в колхозах — результат равнодушного отношения к де-

лу, а в некоторых случаях и сознательный подрыв авторитета колхозов.

Товарищ Калинин категорически требовал от работников села глубже вникать в жизнь колхозников и каждодневно разъяснять им на конкретных примерах преимущества колхозов над единоличными хозяйствами.

Е. ЕЛАГИН

ДРУГ КОЛХОЗНИКОВ

Был жаркий июньский день 1936 года. Жизнь в колхозе «Красный пахарь» шла своим чередом. Одни работали на свекловичной плантации, другие готовили к уборке урожая инвентарь, третьи хлопотали на животноводческих фермах. Неожиданно меня позвали к телефону. Из Верхней Хавы сообщили, что Михаил Иванович Калинин направляется в наш колхоз.

Не прошло и нескольких минут, как об этом узнали все колхозники. Валом повалил народ встречать дорогого гостя, Всесоюзного старосту.

Вскоре подъехала автомашина, и из нее вышел Михаил Иванович. Поздоровался он с народом и сразу же направился на свекловичную плантацию. Осматривая посевы, расспрашивал, когда начали впервые сеять сахарную свеклу, по сколько центнеров собирали с гектара, тут же учил нас, как ухаживать за посевами, бороться за высокий урожай.

Видно, стало жарко Михаилу Ивановичу, и он расстегнул воротник русской рубашки. Потом направился к мельнице-ветрянке и уселся в тени под дубком.

Со всех сторон окружили товарища Калинина колхозники. Говорил он с ними запросто, как со

своими старыми знакомыми, шутил, подробно расспрашивал про жизнь и работу, интересовался, сколько в колхозе земли, далек ли лес и многим другим.

— А где же ваш председатель? — спросил Михаил Иванович.

Я подошел ближе. Он поздоровался со мной за руку и попросил рассказать, как мы организовали полив плантации. Лето тогда было засушливое.

Я объяснил, что воду на поля мы возим на автомашине, в цистерне. Михаил Иванович посоветовал нам устроить ветродвигатель.

— Он большую пользу принесет.

Потом Михаил Иванович спросил, есть ли у нас орденосцы.

— Пятеро.

— Ишь ты, сколько бог послал! — пошутил он. — Где же они?

Вышли наши пятисотницы: сестры Литвиновы, Реброва, Фролова и Бредихина.

Михаил Иванович сказал им, что надо еще упорнее бороться за высокий урожай, не останавливаться на достигнутом, идти все вперед и вперед.

Беседа продолжалась полтора часа. И все, о чем говорил М. И. Калинин, было окрашено его горячей любовью к народу.

Уже после отъезда Михаила Ивановича мы узнали, что он распорядился построить в нашем селе Нижняя Байгора новую школу-семилетку.

В память о нашей встрече с товарищем Калининым колхозники решили установить мемориальную доску. Она постоянно напоминает нам о великом государственном руководителе нашей страны, замечательном человеке, показавшем пример самоотверженного служения Родине.

И. А. СТЕПАНОВ

БЕСЕДА С ЖУРНАЛИСТАМИ

В июне 1938 года при редакции газеты «Социалистическое земледелие» проходило совещание собственных корреспондентов.

16 июня утром нам сообщили, что мы будем приняты М. И. Калининым, и предупредили, чтобы все были в редакции и никуда не отлучались.

После только и разговору было о предстоящем приеме. У всех было какое-то торжественное, приподнятое настроение. Часам к 12 поехали в Приемную Михаила Ивановича.

Товарищ Калинин встретил нас у дверей своего кабинета. Когда все сели, Михаил Иванович, обращаясь к нам, спросил

— О чем же мы будем беседовать?

Редактор газеты Анисимов сказал:

— Скоро будут выборы в Верховный Совет РСФСР, и мы бы хотели, Михаил Иванович, послушать, какие в связи с этим событием задачи будут поставлены перед нами.

— Я доклада вам делать не собирался и не собираюсь. Мы встретились, чтобы побеседовать. Вот и давайте беседовать. Какие у вас будут вопросы?

Мы растерялись, так как думали, что Михаил

Иванович уж какое-то вступительное слово скажет. Товарищ Калинин смотрел на нас поверх очков, чуть-чуть наклонив голову набок. Взгляд его был серьезным. Все молчали. Михаил Иванович, вероятно, заметил наше смущение.

— Ну что нам говорить о ваших задачах в связи с выборами? — сказал он. — Я уверен, что они пройдут хорошо.

М. И. Калинин говорил, что народ у нас верит Коммунистической партии и, безусловно, будет голосовать за кандидатов блока коммунистов и беспартийных. Вкратце Михаил Иванович рассказал нам о том, как идет подготовка к выборам.

Прошло несколько минут — и нашей растерянности как не бывало. Началась задушевная беседа. Товарищи задавали вопросы, высказывали свои соображения, вносили предложения.

Михаил Иванович очень много говорил тогда о колхозной деревне. Да это и вполне понятно. Ведь мы же были работниками сельскохозяйственной газеты.

Слушая товарища Калинина, мы удивлялись тому, насколько полно знал Михаил Иванович деревню, думы и чаяния колхозников. Мы были поражены, до каких тонкостей была изучена им жизнь его родного колхоза. Он говорил нам о его буднях так, что нам казалось, будто бы перед нами не Всесоюзный староста, а председатель колхоза. Вот это-то знание жизни, задушевный разговор и заставили нас окончательно почувствовать себя давнишними знакомыми Михаила Ивановича.

Михаил Иванович стал закуривать. Надо сказать, что курил он часто. Выкурит, а через несколько минут — опять за папиросу. Нам он несколько раз предлагал не стесняться, закуривать. Но мы не курили. Товарищ Калинин догадался:

— А, у вас папирос нет!.. Савельев, — обратился он к своему секретарю, — дай товарищам покурить!

Через минуту-две Савельев роздал всем нам пачке папирос «Северная Пальмира». По настоя-

нию Михаила Ивановича четыре-пять человек, в том числе и я, закурили. А Михаил Иванович, обращаясь к товарищу Савельеву, говорит:

— Что ж это ты, Савельев, плохо гостей встречаешь? Сколько раз я тебе говорил об этом. Надо угостить чем-нибудь товарищей.

Подали чай, печенье, конфеты. Михаил Иванович встал из-за стола, подошел к печке, достал из кармана часы, посмотрел на них и сказал:

— Времени еще мало. У меня сегодня резервный день. Я в Ленинград еду. До обеда мы можем с вами побеседовать.

И разговор продолжился. Михаил Иванович учил нас, как нужно писать в газету статьи, заметки, неоднократно подчеркивал, что статья должна быть правдивой, отображать истинное положение вещей, а не быть досужей выдумкой, умозаключением журналиста. Он говорил, что писать нужно с душой, вкладывать в каждую заметку, как бы она ни была мала, каплю своей крови, частичку жизни. Михаил Иванович указывал и на то, что прежде чем опубликовать статью, ее нужно дать почитать колхозникам, товарищам по перу.

— Вот такая статья будет отображать мнение людей, народа, и этим она будет ценна. Я знаю,— говорил он,— что многие из вас считают ниже своего достоинства показать свою корреспонденцию другим. Уж очень много у вас чванства ненужного, шепетильности. Это плохо. Вот вы все читали мой доклад о проекте Конституции РСФСР. И каждый, наверное, думал: «Ах, какой Михаил Иванович доклад сделал!» А ведь прежде чем выступить с этим докладом, я его тысяче людей давал на просмотр. Ну, тысяче — не тысяче... Это я «по-комсомольски» загнул. А человек сто, не меньше, его читали, делали замечания, и очень хорошие, нужные замечания. Уже в самый последний момент, когда доклад был готов, я послал его товарищу Мехлису. Он внес очень ценную поправку, которую я, конечно, учел.

Время летело быстро, незаметно. Пора было за-

канчивать беседу. Мы попросили Михаила Ивановича сфотографироваться с нами на память. Он согласился. В одной из комнат Приемной фотограф стал нас рассаживать. Чтобы вся группа получилась в фокусе, он несколько раз предлагал нам встать плотнее друг к другу. Я сидел на корточках впереди Михаила Ивановича. Сделав небольшое движение назад, я почувствовал, что моя спина касается ног Михаила Ивановича. А фотограф в который раз повторял:

— Еще плотнее.

Товарищ Калинин взял меня за плечи и со словами «давай, давай плотнее» потянул к себе. Я не ожидал этого и повалился на Михаила Ивановича. На мое извинение он ответил:

— Ничего, ничего, я хоть и старик, но крепкий! Давай ко мне ближе.

При прощании с Михаилом Ивановичем произошел небольшой казус, удививший всех нас способностью Михаила Ивановича примечать буквально каждую мелочь. Когда мы входили в кабинет Михаила Ивановича, то он всем нам пожимал руки. Один из наших товарищей — Буданцева — прошла в кабинет через другую дверь. Никто этого и не заметил, но от внимания Михаила Ивановича это не ускользнуло. Прощаясь с Буданцевой, Михаил Иванович сказал:

— Хорошо хоть попрощаться подошла, а вот поздороваться-то не соизволила.

А. П. ПИСКАРЕВ

МУДРЫЙ НАСТАВНИК

Мы, народные учителя, всегда жадно ждали встреч с Михаилом Ивановичем Калининым. Мы знали, что он нам не только скажет приветливое слово, но и сделает наказ, каким должен быть учитель. Откровенно, тонко, умно...

Не забыть мне появления Михаила Ивановича на совещании сельских и городских учителей, созванном редакцией «Учительской газеты» 28 декабря 1938 года.

Простой, сердечный, с чуть лукавой усмешкой в глазах... Только вошел, только сказал первое слово — и показалось, что мы давным-давно с ним знакомы.

Хорошо запомнились мне слова Михаила Ивановича о том, какие человеческие качества мы должны прививать детям. Он говорил о любви к народу, о любви к труду, о честности, храбрости, о товарищеской спайке. Слова его были простые, обыкновенные, но весомые: они легко доходили до сердца и будоражили мысль.

Помню, как Михаил Иванович пожурил учителей:

— Почему вы, когда рассказываете, то стремитесь говорить готовыми формулами? Вы же учителя

ля, вы русский язык знаете. Так к чему же здесь шаблонные фразы, которые лишний раз подчеркивают, что ваша мысль не работает, а работает лишь язык... Поняли? Скажите, вру я или нет? Искусственно ведь у вас получается.

И раздались чистосердечные признания:

— Правильно, Михаил Иванович!

И потом каждый из нас долго думал о том, что сказал нам Калинин.

Запомнились мне и такие слова Михаила Ивановича:

— На учителя смотрят десятки смысленных, пытливых детских глаз, проверяют каждый его шаг, его слово. Вот почему учитель должен быть особо строг по отношению к себе.

25 июня 1939 года в Кремле Михаил Иванович Калинин вручал педагогам ордена и медали. Он сказал:

— Советский учитель — это ответственный человек. Он художник своего дела. Преподавание — не только наука, но и искусство.

Вручая мне орден Ленина, Михаил Иванович пожал руку и сказал очень дружески и просто:

— Желаю вам успехов!

Как дороги были эти простые и искренние слова!

В. П. ЧЕРНОВА

**ЗА СОВЕТОМ
К МИХАИЛУ ИВАНОВИЧУ**

Как депутат Верховного Совета СССР я ежедневно получала много писем от своих избирателей. Ко мне обращались с самыми разнообразными просьбами. Опыта же тогда у меня, рядовой колхозницы, было мало. И я решила съездить к Михаилу Ивановичу Калинин, рассказать ему о своих затруднениях и попросить научить меня, как работать с жалобами избирателей.

Это было в 1938 году. Прихожу в Кремль. Ровно в назначенное время Михаил Иванович принял меня и сначала долго расспрашивал о колхозной жизни, о работе Лухской МТС, об учебе. Слушая меня, он и сам рассказывал, как работал раньше и какие у него были трудности. Не прошло и нескольких минут, как моя робость, с которой я входила к нему, исчезла, и мы беседовали, как давнишние знакомые. Затем перешли к основному вопросу, ради которого я приехала: как отвечать избирателям. Михаил Иванович сказал, что к нему тоже поступает много писем, и показал на большую пачку:

— Вот их сколько. Я понимаю, что раз народ

избрал вас, он будет обращаться и искать у вас защиты своих прав.

Немного подумав, он продолжал:

— Первое и главное дело — необходимо по каждому письму установить, справедлива ли жалоба. Если справедлива, добивайтесь, старайтесь удовлетворить ее. Как? Для этого обращайтесь в те организации, которые могут разрешить этот вопрос. Если ведомство, куда вы обратились, откажет, а вы с ответом не согласны, идите дальше, упорствуйте, пока не добьетесь. Нередко бывает и так, что жалоба неосновательна. Тогда разъясните автору, что советские законы должны строго соблюдаться... С письмами трудящихся, — закончил Михаил Иванович, — надо обращаться, как с самыми ценными документами, и без промедления отвечать на них.

Мы расстались друзьями. Михаил Иванович тепло проводил меня.

А. КУЗНЕЦОВ

В ГОСТЯХ У КРАСНОАРМЕЙЦЕВ

В 1936 году меня призвали в Красную Армию. Свыше года я служил рядовым бойцом в Москве. В это время мне неоднократно доводилось видеть и слышать Михаила Ивановича Калинина.

Однажды Михаил Иванович пришел к нам в казарму. Приняв рапорт дежурного по роте, он стал осматривать помещение. Сначала подошел к пирамиде, осмотрел оружие, у двух винтовок поправил затворы. Потом побывал в курилке, заглянул в комнату, где мы чистили оружие, и оттуда направился в умывальную. Под конец, осмотрев кровати и тумбочки, товарищ Калинин остановился посреди казармы. Мы окружили его и ждали, что будет дальше. Вдруг Михаил Иванович спросил:

— Есть кто-нибудь из Донбасса?

— Я,—ответил один из бойцов.

— Ну, что лишут из дома? Как работает Донбасс?

М. И. Калинин слушал рассказ, а сам посматривал на бойцов. Когда кончил говорить донбассовец, он спросил другого бойца:

— Вы что-то все улыбаетесь. Видимо, влюблены. Уж не в москвичку ли?

Боец оказался бойким.

— Есть такой грех за мной, Михаил Иванович. Привязан, только не к москвичке, а к одной девушке с Урала.

— Переписываетесь?

— Довольно часто. Только что это вы, Михаил Иванович, все о нашей молодости говорите, рассказали бы, как у вас молодость прошла.

— Да вы что, ребята, меня стариком считаете? — добродушно воскликнул Михаил Иванович. — Я в душе чувствую себя еще молодым.

Пошутив, он стал расспрашивать, как мы живем, хорошо ли нас кормят, обувают, одевают, какие кинокартины показывают, часто ли приходится бывать в театре, посещают ли нашу казарму московские писатели и артисты. Он внимательно присматривался к обмундированию и, когда заметил, что один из бойцов обут в нечищенные сапоги, ничего не сказав ему, повел разговор о поведении воинов Советской Армии.

— Вы служите в Москве, — говорил Михаил Иванович. — Это означает, что вам нужно нести свою службу образцово, учиться отлично, следить за собой, быть вежливыми и предупредительными в обращении. Само собой разумеется, что за своей формой вы должны следить особенно тщательно. Положена вам маленькая звездочка на фуражку — так и носите маленькую звездочку. Требуется, чтобы воротничок был белым — так он и должен сверкать белизной... А сапоги бойцу положено начищать до блеска, — улыбаясь, добавил Михаил Иванович.

Боец, который поленился почистить сапоги, покраснел и постарался незаметно отойти в сторону.

Михаил Иванович подробно расспрашивал нас о доме — не жалуются ли на что наши семьи, и охотно ответил на многочисленные вопросы.

...Большой государственный деятель беседовал с нами просто, задушевно, как отец с сыновьями.

В. И. ТЕРЕЩАТОВ

ПАРТИЗАНЫ У М. И. КАЛИНИНА

1941 год. Фашистские орды рвутся к Москве. Гитлеровцы жгут города и села, грабят и расстреливают советских людей. В суровый для Родины час Коммунистическая партия и Советское правительство обращаются к населению с призывом подняться на священную борьбу с захватчиками.

В один из осенних дней сорок первого года, когда фашисты топтали земли Калининской области, на боевое задание впервые вышел и наш комсомольско-молодежный отряд. Нас набралось человек двадцать пять и все, как один, — добровольцы. Самому старшему — восемнадцать лет.

В первую зиму войны мы подорвали вражескую бронедрезину с вагоном гитлеровских офицеров, взорвали мост через реку Великую, разгромили несколько хозяйств противника. Кроме того, нами были распространены тысячи листовок, которые несли правду советским людям, оставшимся на оккупированной земле.

После освобождения города Калинина от немецко-фашистских захватчиков туда прибыл Михаил Иванович Калинин. С болью в сердце осмотрел он разрушенный город, а потом выступил на собрании

партийного актива. Всесоюзный староста произнес гневную речь в адрес фашизма и одновременно под-сказал землякам, как лучше и скорее восстановить город. Тогда же он обратился к воинам Красной Армии и партизанам с призывом очистить террито-рию Калининской области от чужеземцев.

Вскоре после выхода из вражеского тыла меня командировали в Москву, в Центральный штаб партизанского движения.

Утром 21 мая 1943 года я с группой партизан прибыл в Кремль для получения правительственных наград. В Приемной Президиума Верховного Со-вета СССР собралось более двадцати человек.

В одиннадцать часов награжденных пригласили в зал. Работник Президиума сказал нам, что на-грады будет вручать Михаил Иванович Калинин.

Не успели мы освоиться с мыслью, что сейчас увидим горячо любимого человека, как в зал вошел улыбающийся Михаил Иванович. Мы стоя привет-ствовали его, а он, прищунив глаза, отвечал нам простодушной улыбкой и без конца кивал своею се-дою бородкой.

Услышав свое имя, я быстро подошел к Михаи-лу Ивановичу. Волнений было много. Помню, я взял из рук Михаила Ивановича орден Красного Знамени, и мы крепко пожали друг другу руки. Я хотел уже отходить, но «дедушка» Калинин удер-жал меня за рукав.

— Не убегай, возьми документы, — посмеи-ваясь, сказал он и подал мне красную коробку.

После вручения наград Михаил Иванович стал с нами фотографироваться. Обратив внимание на мою молодость, Калинин заинтересовался мною.

— А ты откуда, партизанчик? — спросил он, ласково похлопывая меня по плечу.

Я немного смутился, но ответил Калинин, что родом из Калининской области и партизаню на ее территории.

— Оказывается, мой земляк! — обрадовался Михаил Иванович. — А ну, рассказывай, давно ли

гы из вражеского тыла? Как там живет население, как настроены люди?

Михаил Иванович прямо атаковал меня вопросами, и я едва успевал отвечать ему.

Фотографы то и дело просили его посидеть спокойно.

— Михаил Иванович, минуточку! — кричали они, но товарищ Калинин был так увлечен разговором, что с трудом удалось ему в конце концов выполнить просьбу фоторепортеров.

Когда прием был окончен, Калинин еще раз обратился ко мне:

— Передай, дружок, привет землякам. Скажи, пусть бьют врага без пощады. Победа не за горами.

В. А. КОВШАРОВ

ПЛАМЕННЫЙ ПАТРИОТ

В июле 1942 года мне выпала высокая честь как рядовому агитатору Красной Армии быть участником совещания агитаторов Западного фронта, частей ПВО и Московского гарнизона, на котором выступал Михаил Иванович Калинин. Я хочу подробно рассказать об этом совещании, так как оно сыграло большую роль в деле дальнейшего развития агитации на фронте.

Батарея, которой я командовал, находилась тогда на рубеже Московской и Смоленской областей, у безывестной деревушки Межетчина, которая была разрушена немцами, несколько месяцев сряду пытавшимися пробить брешь в нашей обороне. Враг часто навязывал нам бои, но наша дивизия, состоявшая из народных ополченцев Куйбышевского района Москвы, стояла твердо.

Однажды ранним солнечным утром за мной прислали ординарца. В штабе я узнал, что мне необходимо срочно выехать в Москву.

И вот наступил день 22 июля. Зал Центрального Дома Красной Армии. Сюда собрались низовые агитаторы-фронтовики. Они были в поседевших от солнца гимнастерках и брюках, в запыленных, а порой и грязных после мокрых траншей сапогах. Два

разведчика прибыли с передовой прямо в цветных коубинезонах.

С какой сердечностью и теплотой встретил нас Михаил Иванович! Он с исключительным вниманием слушал участников этого необычного совещания, рассказывающих о том, как личным примером воспитывают они стойкость и мужество воинов в бою.

Я никогда не забуду этого дня. Потом мне пришлось не раз вспоминать о нем в своих выступлениях, когда я стал уже агитатором политотдела армии.

Михаил Иванович, всегда оригинально строивший свои речи, и на этот раз захватил аудиторию. Он говорил о роли и авторитете партии, как авангарде советского народа, говорил, что этот авторитет среди широких народных масс партия завоевала десятилетиями самоотверженной, беззаветной борьбы за народные интересы.

— Военная обстановка предъявила новые требования к коммунистам, — подчеркнул Михаил Иванович. — Если человек вошел в партию, если является ее членом, он должен знать, что ему придется быть в самых решающих местах смертельной схватки, бороться без усталости, упорно, самоотверженно, не щадя своей жизни во имя победы... Вот меня спрашивают порой, как лучше агитировать? Я отвечаю на этот вопрос так: успешная боевая работа — стержень успешной агитации. Если командир умеет воевать, бойцы будут прислушиваться к каждому его слову, он будет для них авторитетнейшим человеком... Вот почему я считаю, что воинское умение в сочетании с ясным пониманием задач нашей борьбы — это главное для агитаторов.

В заключение Михаил Иванович напомнил нам, что мы, воины Западного фронта, ближе всех других находимся к Москве и что нашим войскам предстоит погнать фашистов на Запад.

Я никогда не забуду этих теплых напутственных слов. Михаил Иванович говорил тихо, но с такой ог-

ромной внутренней силой, с такой уверенностью в победу, что эти чувства невольно передавались и нам. Когда я возвратился из Москвы на фронт, помню, с каким глубоким вниманием слушали бойцы мой рассказ о выступлении Михаила Ивановича Калинина.

Л. Г. ЦАЛКИН

ВРУЧЕНИЕ НАГРАД НА ФРОНТЕ

Во время ожесточенных боев с немецко-фашистскими захватчиками многие красноармейцы и сержанты войск 33-й армии Западного фронта отличились в боях. В связи с этим была отобрана группа лучших бойцов для поездки в Москву в краткосрочный отпуск. Сопровождал ее я, как начальник 2-го отделения отдела кадров армии.

Мы хотели попасть на прием к Михаилу Ивановичу Калинин и передать ему горячий привет от наших товарищей-фронтовиков.

Нам сообщили, что Михаил Иванович выполнит нашу просьбу.

Нет надобности описывать волнение, охватившее нас при этом известии.

В Кремле нас встретили товарищи Горкин и Юдин.

Прошло несколько минут, и мы вошли в кабинет товарища Калинина.

Михаил Иванович поднялся нам навстречу, как-то особенно просто, по-товарищески и ласково приветствовал каждого из нас.

Он был в скромном темном костюме и вязаном жилете.

Мы разместились по обе стороны длинного стола, и началась наша оживленная беседа. Мы даже забыли, что говорим с главой нашего государства: настолько прост, приветлив, радушен и глубоко демократичен был тон, характер беседы и ее содержание.

Беседа часто прерывалась телефонными звонками. Один нам особенно запомнился. Михаил Иванович извинялся перед своим собеседником по телефону за то, что не успел к назначенному сроку сдать статью. Он сослался на занятость и, назначив новый срок, обещал теперь уже написать статью точно к сроку.

Михаила Ивановича интересовали, в основном, три вопроса: прежде всего настроение, или, как говорят, политико-моральное состояние нашей армии; затем быт армии и условия, в которых она борется, и, наконец, эффективность советского оружия, особенно только что появившихся тогда гвардейских минометов («Катюш»).

В заключение беседы бойцы пригласили Михаила Ивановича к нам на фронт.

Я попросил товарища Калинина приехать к нам и лично вручить ордена и медали особо отличившимся в боях.

Михаил Иванович дал свое согласие, сразу же назначив точный день и час приезда, тепло распрощался с нами.

И вот в погожий осенний день, в сентябре 1942 года, в совхоз «Первомайский» возле станции Апрелевка Московской области, где размещались фронтовые курсы младших лейтенантов, прибыл М. И. Калинин. С ним приехали секретарь Президиума Верховного Совета СССР товарищ Горкин и секретарь Михаила Ивановича товарищ Юдин.

На курсах учились бойцы и младшие командиры армии, отличившиеся в боях. Многие из них были представлены к наградам. После окончания курсов они должны были возвратиться в части.

Начальник курсов — подполковник Кондырев —

и комиссар Титаренко провели товарища Калинина к бойцам и командирам.

Поднявшись на импровизированную трибуну, устроенную из грузовика, украшенного красными полотнищами, Михаил Иванович обратился к собравшимся с кратким приветственным словом. Помнится, он отметил свою радость, которую переживает, очутившись на фронте, т. е. там, где каждый человек в любое время готов пожертвовать жизнью для независимости советского народа, благо Родины.

Пока части перестраивались, готовясь к предстоящему вручению правительственных наград, начальник политотдела армии полковой комиссар Вишневецкий показывал Михаилу Ивановичу ордена и различные знаки фашистских генералов и офицеров, убитых в боях с нашими войсками. Товарищи Калинин и Горкин с интересом рассматривали эти трофеи.

Вручение наград проходило в очень торжественной обстановке.

На поле выстроились части. Впереди них в два ряда стояли товарищи, подлежащие награждению. На маленьком столике были разложены ордена и медали.

Товарищ Горкин зачитывал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении бойца или младшего командира, тот выходил из шеренги и направлялся к Михаилу Ивановичу. Я сообщал ему отличительные данные и краткие сведения о каждом награжденном.

Вручая ордена и медали, товарищ Калинин говорил каждому что-то особое, дорогое для него, отличное от других.

После того, как вручение правительственных наград было закончено, бойцы были построены по команде «вольно», и товарищ Калинин обратился к ним с краткой речью. Он говорил, что награда народа — это не только знак почета, не только знак доверия, но и символ того, что награжденный своим личным примером поведет по этому же славному

пути своих товарищей. Поздравив награжденных, Михаил Иванович пожелал им счастливой жизни, успехов в учебе и победы в бою...

Затем он поднялся на трибуну и обратился ко всем с прочувствованным, отеческим словом.

Тепло провожаемый участниками встречи, Михаил Иванович Калинин уехал из расположения части.

Н. Ф. ДЕНИСОВСКИЙ

ЗНАТОК И ЦЕНИТЕЛЬ ИСКУССТВА

Я давно мечтал написать портрет Михаила Ивановича Калинина, хотя и прекрасно понимал, что это весьма трудная и исключительно ответственная задача. Мне предстояло писать портрет человека, в котором с наибольшей полнотой воплотились лучшие черты русского национального характера. Так и жил в моем сознании этот образ — русский крестьянин, пролетарий-революционер, президент, принимающий дипломатических представителей всего мира и ходоков из самых далеких уголков нашей необъятной Родины.

В своей картине «Прием М. И. Калинин» я пытался воссоздать облик государственного деятеля, твердо осуществляющего политику Советского правительства.

Вспоминается день, когда я принес Михаилу Ивановичу этюды, сделанные на приеме в Кремле. Один из них понравился ему больше других. Он похвалил эту работу и, позвав из смежной комнаты своих сотрудников, просил их высказать свое мнение об этюде.

Один из собеседников нашел, что в моем этюде недостаточно проработаны глаза, и на это мне советовал обратить внимание.

Михаил Иванович возразил ему горячо. Он говорил о том, что первое впечатление художника от натуры — самое главное и ценное. Лучше написать второй раз, чем «приглаживанием» засушить непосредственное впечатление художника.

Мне не раз приходилось встречаться с Михаилом Ивановичем, и всегда он оживленно говорил об искусстве, о замечательных русских художниках. Особенно тепло он отзывался о передвижниках. Очень любил Михаил Иванович Касаткина, Малютина, Архипова, С. Иванова. В старом кабинете, напротив Александровского сада, где Михаил Иванович принимал представителей народа, приходящих к нему со всех концов молодой Советской республики, на стенах были развешаны этюды к «Шахтерам» Касаткина, к «Прачкам» Архипова, этюды С. Иванова.

— Это я нарочно повесил их здесь, — говорил Михаил Иванович. — Пусть народ видит, как настоящие художники, наблюдая и воспроизводя жизнь, становились пропагандистами прогрессивных идей. И вы, молодые художники, если хотите быть выразителями дум и чаяний народа, должны научиться видеть глазами народа и говорить языком, понятным народу. Подлинное искусство всегда взволнованно и обращено к человеческому сердцу. В молодости, посещая Третьяковскую галерею, я подолгу задерживался у картины Сурикова «Боярыня Морозова», которая была как бы насыщена атмосферой протеста. В те дни «Боярыня Морозова» и другие прогрессивные произведения были созвучны настроениям народа, в котором зарождалась идея революционного преобразования жизни.

Михаил Иванович говорил об искусстве какими-то одному ему присущими словами. Его высказывания были верны, остры, тонки и своеобразны. В этой ясности и глубокой простоте определений чувствовались горячая заинтересованность и подлинная любовь к искусству.

Будучи сам выдающимся пропагандистом и агитатором, Михаил Иванович особенно подчерки-

вал важность агитационной и пропагандистской функций искусства.

— Если картина — пропаганда, — говорил он, — то плакат — агитация.

В дни тяжелых испытаний, когда враг подходил к самому сердцу страны, группа художников, объединенная редакцией «Окна ТАСС», выпускала политические плакаты. Узнав о том, что не все художники относятся к этой работе, как к первоочередной, Михаил Иванович предложил устроить специальный прием плакатистов в Кремле, на который просил пригласить не только мастеров, но и начинающих художников.

На приеме Михаил Иванович поставил ряд вопросов: в какой степени важна и необходима в современных условиях такая форма массово-политической агитации, как «Окна ТАСС»; отвечают ли плакаты, в частности «Окна ТАСС», требованиям жизни, интересам народа, ведущего Отечественную войну; какой жанр (юмор, сатира, героика) должен получить наибольшее распространение; настоящее ли искусство — наш советский плакат.

В товарищеской беседе за чашкой чая Михаил Иванович исключительно тепло отозвался о работе «Окон ТАСС» и высказал ряд ценнейших замечаний. Вопрос о том, является ли плакат искусством, он считал вопросом праздным. Как и всякое произведение, плакат может быть явлением искусства, а может и не быть им.

— Вспомните рисунки Кукрыниксов и Ефимова, — говорил Михаил Иванович. — Когда люди видят их подпись, то на самый рисунок смотрят пристальнее. Это искусство, мастерство? Безусловно. Правильно говорят, что и сапожник может быть художником и художник может быть сапожником. Человек делает замечательные вещи не потому, что он работает в сфере искусства или, вернее, не только поэтому, а потому, что его работа выше ремесленной, что его работа художественна.

Далее Михаил Иванович со страстным убеждением утверждал, что нельзя отрывать искусство

живописи от плаката. Он говорил, что плакат — это тоже живопись, но живопись, имеющая свои особенности: рисунок должен бросаться в глаза, приковывать к себе внимание. Плакат — это прежде всего искусство для масс, для народа. Плакат добивается того, чтобы человек не прошел мимо, а обязательно остановился. Мимо обычного живописного произведения человек может пройти не остановившись.

Особенно Михаил Иванович возражал против навязывания художникам каких-то, якобы «обязательных», стандартных форм плаката.

— Надо использовать все,— говорил Михаил Иванович, — что поддается плакатному изображению, в том духе, который наиболее свойственен тому или иному художнику, и даже теми средствами, которые ему предпочтительнее: карандаш, масло, акварель и т. д. Нужно все использовать и не следует ставить какие-либо искусственные ограничения.

Особенно важным для нас всех, слушавших Михаила Ивановича, было утверждение, что плакат — это не только искусство, ставящее известную цель в области политики, влияния на народ, на армию, но оно должно нести и просвещение в массы средствами живописи.

Михаил Иванович предъявлял большие требования к культуре художника.

— Когда я просматриваю картины многих современных художников, — говорил он, — то мне кажется, что их культура слабовата. Я говорю не о живописной технике, а об общей культуре. Спрашивается, может ли быть художником, настоящим, большим художником человек невысокообразованный? Можно представить себе гениального художника, у которого феноменальная чуткость к свету, сочетаниям цветов и к форме рисунка. Он может изобразить человека, как живого, но этого, оказывается, мало. Бывает, что художник рисует человека с натуры, но дает лишь оживленную фотографию, и только крупный мастер даст в портрете живого че-

ловска. Тут и лицо как будто чуточку непохоже, но вложено что-то такое, чего сразу не уловишь, но перед вами — живой человек. Это уже работа настоящего художника. А вот для того, чтобы создать тип, для этого нужно очень многое. Без культуры, без знания литературы, истории этого добиться нельзя.

Во время собеседования, уловив в отдельных выступлениях чувство сожаления по поводу того, что плакат явление временное, Михаил Иванович решительно отверг эту мнимую обиду:

— Я понимаю, — сказал он, — что каждому художнику хочется создать произведение, которое жило бы в веках. Плакаты же, когда пройдет их время, будут лежать в архиве. Возможно, в этом смысле самолюбие художников-плакатистов ущемлено, так как им обидно, что они работают на короткое время. Но мне лично кажется, что даже с этой стороны художники-плакатисты не могут обижаться. Когда люди будут изучать эпоху Отечественной войны, они не пройдут мимо «Окон ТАСС», как не пройдут мимо «Окон РОСТА» при изучении гражданской войны.

Глубоко потрясенные и взволнованные, ушли мы с этого приема, получив огромную творческую зарядку для дальнейшей работы. По-отечески тепло и сердечно разговаривал с нами Михаил Иванович. Он всегда был чуток и внимателен даже к самым маленьким нуждам и запросам художников.

Ф. В. ГЛАДКОВ

ВСТРЕЧИ С МИХАИЛОМ ИВАНОВИЧЕМ КАЛИНИНЫМ

В самом начале 1921 года Михаил Иванович Калинин посетил Новороссийск. Были довольно напряженные дни дискуссии перед X съездом партии. Как и всюду, люди спорили жестоко, до изнеможения. Демагогические и провокаторские выступления оппозиционеров раздражали и возмущали огромное большинство рабочих, среди которых все чаще и чаще раздавались голоса, которые требовали прекратить «свалку» и не трепать партию.

Весть о том, что Михаил Иванович приехал для заключительной дискуссии с троцкистами и так называемой «рабочей оппозицией», взволновала рабочих.

— Приехал Калинин! Теперь крышка всем горлопанам и анархистам!

Огромное помещение железнодорожной столовой было набито битком. Михаила Ивановича встретили овацией. Он показался мне почему-то очень знакомым человеком: где-то в былые годы я встречал и близко знал его! Потом понял, что облик Михаила Ивановича был типичным для профессиональных революционеров. Он был похож

одновременно и на пожилого рабочего и на интеллигента. Что-то в нем было старомодно-русское, народническое. Одет он был скромно: пиджак сидел на сухощавой фигуре ладно и был к лицу. Лицо, с остренькой русской бородкой, сдержанно улыбалось.. Пристально и как будто знающе поглядывая через очки на туго сбитых людей, он наклонился к молодому белобрысому человеку, своему «оппоненту», и что-то сказал ему. Плечи его затряслись от веселого смеха. Молодой «оппонент» зло посмотрел на него и отвернулся. Многие без слов поняли смех Михаила Ивановича и раздражение его противника; в разных местах дружно засмеялись.

Михаил Иванович говорил просто, уверенно, со скромным, но внушительным убеждением, и эта речь была совсем не ораторской, да и держал он себя попросту, как у себя дома, и на виду у всех крутил большие папироски. Эта простота и уверенность человека, который находится в своей среде и знает, что он близок всем и понятен, что он выражает и защищает мысли и заветные чаяния народа, что иронически улыбается он необедительному красноречию противников, не сомневаясь в своей правоте, потому что за ним — Ленин, партия, рабочий класс и трудящееся крестьянство,— все это незаметно сделало его родным и интимно близким.

После выступления одного крикливого оратора Михаил Иванович встал, строго оглядел всех поверх очков и проникновенно произнес, подчеркивая рукою слова:

— С нами Ленин, товарищи. Рабочий класс и Ленин — нераздельны. Кто создавал и укреплял нашу партию? Ленин. Под чьим водительством совершена Октябрьская революция? Под водительством Ленина. Кто обеспечил победу над белогвардейщиной и интервенцией? Ленин. Он наш учитель и вождь. Куда же и за кем мы пойдем, как не за Лениным? Он знает, куда идти, и ведет нас по твердому и ясному пути. А ведь Ленин-то никогда не ошибался, товарищи.

Между Калининым и народом с первой минуты установилась душевная связь. Говорил ли он или отвечал своим оппонентам острой фразой, он обращался к людям, обличительно качая головой или отмахиваясь от нелепостей противника. На каждый его простецкий жест, на каждую насмешливую реплику, на каждое его безмолвное, но понятное и дружеское обращение к собранию вся масса людей сочувственно отвечала смехом и аплодисментами. В разных местах, и далеко и близко, уже раздавались крики:

— Долой раскольников! Уберите дезорганизаторов! Круши их, товарищ Калинин! Да здравствует Ильич!

Михаил Иванович в ответ на это лукавым упрёком посмеивался и успокаивал всех рукою: потерпите, мол, немного...

Своим человеком, простым, совсем не официальным, а веселым, искренним и сердечно доступным — таким я запомнил его с того бурного дня.

Потом, уже в Москве, я иногда встречал его на Моховой. Он шел из Кремля в простеньком пальтишке, в кепи, надвинутой на глаза, — шел спорым, деловым шагом, сухонький, незаметный среди прохожих, и, сутулясь, уткнув в грудь серенькую бородку, всегда сосредоточенно думал о чем-то. Лицо его было очень серьезным, даже немного строгим. Некоторые прохожие останавливались и шептали друг другу:

— Михаил Иванович идет... Видите? Калинин.

И провожали его теплыми и ласковыми взглядами.

— Душевнейший человек! Всесоюзный любимец!

А однажды я тоже остановился, чтобы посмотреть ему вслед: шел он твердо, по-молодому, и как будто торопился к себе в Приемную, сосредоточенно-заботливый. Он поднимал время от времени голову и поглядывал по сторонам. Кто-то позади меня громко и уважительно сказал:

— Вот он, наш мудрый старик.

Кто-то другой ответил:

— Да... сердце народное...

Потом уже, как член редколлегии «Нового мира», я вместе с товарищами бывал у него на Моховой и в Кремле. Михаил Иванович близко к сердцу принимал дела этого журнала, горячо интересовался работой редакции, иногда прочитывал рукописи, обсуждал вместе с нами план журнала, жестко, но добродушно критиковал малоудачные вещи, пропущенные через журнал, давал советы и всегда настойчиво требовал не забывать великих художников прошлого и хранить лучшие традиции классической литературы.

Ярко запомнилась моя первая личная встреча с ним в начале 30-х годов. Стоял морозный зимний день. В небольшом кабинете на Моховой было уютно, тепло и по-домашнему просто. В камине буйно горели дрова. Иногда Михаил Иванович ворошил кочережкой догорающие головни и подкладывал новые поленья. Очевидно, ему очень нравилось здесь чувствовать себя как дома — в раздумье похаживать по кабинету и подкладывать в камин дрова. Думаю, что всякий, кто посещал его в этой комнате, чувствовал себя хорошо, непринужденно, как у гостеприимного друга. В сером пиджаке, в теплом вязаном жилете, он говорил словоохотливо, с умненькой улыбочкой, с лукавинкой в молодых глазах и посматривал на собеседника из-под бровей, поверх очков. Казалось, он проверяет того, с кем говорит, и уже заранее знает, что тот думает и что скажет. Чувствовалось, что человек силен житейской мудростью и большим опытом революционной борьбы, когда человек уже ничему не удивляется, когда он обладает богатым даром прозрения и знания человеческой души. Эта домашняя простота, непринужденность, искренность и постоянная сутулость — не стариковская, а такая, какая бывает у думающих и озабоченных людей, — сразу же успокаивали и располагали к откровенности.

Не помню всего, о чем шла беседа в тот день, — вероятно, больше о редакционных делах. Но в памяти остались те моменты, когда Михаил Ивано-

вич оживленно, с молодым увлечением говорил об огромном воспитательном значении художественной литературы.

— Ведь в былые годы, когда мы росли духовно и набирались сил, в художественной литературе мы искали ответов на все волнующие вопросы. У нас были любимые герои, любимые писатели, на которых мы смотрели, как на учителей жизни. Это были властители дум. Взять хотя бы таких людей, как Чернышевский, Салтыков Щедрин, а потом наши современники — Короленко, Горький... Конечно, наша литература молодая, новая, у нее — и новые пути, и новые задачи, и новое содержание... но и средства должны быть новые. Ведь и Пушкин начинал собою новую эпоху в литературе! Нельзя забывать этого и делать какие-то скидки. Да и наследство у нас огромное. Учиться надо, искать, бороться, а не идти по проторенным дорожкам. У нас есть даровитые и оригинальные художники, и вооружены они самым передовым мировоззрением. Надо быть в искусстве революционером, искателем, борцом во имя большого, всеобъемлющего идеала. А главное — не забывать Ленина, по нему равняться, у него учиться.

Как-то он с добродушной строгостью говорил одному известному литератору:

— Искусство — это правда. Только правда убедительна и неотразима. Где нет правды, нет и искусства. Или это будет подделка под искусство. Я не про вас это говорю, но скажу прямо, по совести: вот вы в своих романах рисуете людей... Да разве такие люди бывают? И говорят-то они не как люди. И язык-то изломанный, надуманный. Нет, не так все было, и людей вы подделали. Фальшь! А почему? Жизни не знаете и людей не знаете. Сочиняете.

Писатель начал было оправдываться, доказывать свою правоту и что-то заговорил о своих взглядах на искусство.

Михаил Иванович пристально глядел на него, и в глазах его играли лукавые искорки. Потом глу-

хо засмеялся и отмахнулся от смущенного литератора.

— Будет вам! Правда-то сильна тем, что она не оправдывается.

В одно из свиданий в Кремле Михаил Иванович с той же простотой и безыскусственной искренностью, с дружеской задушевностью говорил о новых книжках молодых писателей. Время от времени он поднимал палец и, как будто прислушиваясь к нему, решительно подчеркивал им то или иное слово.

— Знаете, у них есть этакий острый глаз. Много замечают и художественно угадывают. Они достаточно закалялись в жизненной борьбе, они переболели опытом. И я верю, что они станут хозяевами своего богатого опыта и знания людей. Надо ездить по стране, иметь постоянную связь с людьми, быть в водовороте нашей напряженной жизни. Ведь никогда, кажется, не было таких возможностей обогащать себя наблюдениями, как сейчас. Жизнь открыта, широка, многогранна, и люди вышли на свободу. Черпай обеими руками! Идеал нужен писателю, своя ганнибалова клятва.

Однажды на юбилейном вечере «Нового мира», в 1934 году, он сказал о советской литературе так:

— Наша литература — это еще — ну, как бы сказать? — пароход на Волге. Неплохо! Почтенная величина — пароход. Но этого мало: узкие берега и неглубоко. А наша жизнь — океан. И вот литература наша должна уже выйти в открытое море. Ей надлежит быть океанским кораблем.

Беседуя у себя в Кремле с писателями, он ходил по большому кабинету, улыбался, взмахивал рукою или садился за стол и рассуждал как бы сам с собою. Я уверен, что говорил он о литературе не потому, что перед ним сидели литераторы. Он думал о литературе постоянно, жил ею с самых юных лет, она для него и до конца его дней была одной из высших его потребностей. Я всегда чувствовал в нем большого поэта в душе. Он умел трогать человека до глубины. Мне неловко говорить о себе, но не мо-

гу умолчать о том, как он однажды подробно расспрашивал меня, много ли я работаю, как работаю, и сам начал говорить о моей «Энергии», вспомнив, кстати, о «Цементе», который он назвал книгой «эпохальной». Он проникновенно указывал на некоторые недостатки «Энергии», подсказал мне, что нужно было бы сделать для следующего издания. Потом откинулся на спинку стула и неожиданно сказал, лукаво поглядывая на меня:

— А ведь я узнаю прототипов-то ваших героев. С молодости боролись плечом к плечу. Колоритные фигуры. Ну, Орджоникидзе в своем природном виде, хотя, как и всякий портрет у живописца, чуть-чуть романтизирован. Но это не грех, очень не грех. Только советую вам: не пишите портретов со здравствующих людей, а то привлекут за диффамацию... в ту или иную сторону. Живые прототипы можно брать за натуру, только типизируя их. Имея характерный прототип, легче писать и густыми красками. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что всякий полнокровный тип — это удачно найденный прототип.

Он засмеялся, и смех у него был свой, особенный — беззвучный, но заразительный, от души. Не знаю, как другие, но я лично убежден, что веселость была свойством его характера. Мне кажется, что очень любил он пошутить, поиграть с близкими людьми, поспорить и прижать к стенке спорщика, задорно пошпиговать его острым словцом, а потом посмеяться добродушно. Таким почувствовали его и новороссийские рабочие.

Закручивая толстую папиросу, он говорил:

— Фабричные папиросы как-то не по мне. Привык к табачку. Сам кручу. Вы не стесняйтесь — курите. С папиросой как-то и разговаривать приятнее.

Он начал выспрашивать меня, где я родился, как рос, как рано научился грамоте.

— Волжские мужички — строгий и крепкий был народ. Много старообрядцев со своими устоями.

Хорошо, упорно боролись с полами и полицией. Знаю их. Да и бунтари были непримиримые.

Он оживился и нацелился на меня пальцем.

— Вот набрались бы мужества и написали бы книгу о вашем детстве в тогдашней деревне, о мужиках, о тогдашней беспокойной жизни. Напрасно говорят, что тогда жизнь была глуха и неподвижна, а люди покорны, забиты и несли крест святого непротивления. Это кающиеся дворяне выдумали для успокоения своей совести. Мужички красноречивее разъяснили им себя в девятьсот пятом году. Вот тоже и рабочие... Вы росли в трудное и напряженное время. О рабочих у нас в те годы совсем мало писали, и сейчас некому писать о первых шагах рабочего движения. Кроме горьковской «Матери», ни одной яркой книги нет. А то, что появлялось, было сплошной жалобой на безрадостную жизнь. Но главного в жизни рабочих никто не увидел из тогдашних писателей — активного недовольства, классовой ненависти, стремления к борьбе. У тогдашнего рабочего не было безнадёжности: он метался, тосковал, мечтал о лучшей, справедливой жизни. Были среди них очень даровитые люди, твердые характеры.

Я признался ему, что такую книгу я уже пытаюсь написать.

— Вот это хорошее, очень хорошее дело... — одобрил он, напирая на «о» и пытливо поглядывая на меня поверх очков.

Потом улыбнулся и неожиданно спросил, вспоминая что-то из прошлого:

— Вы в салоне таком-то не бывали в Петербурге?

— Нет, Михаил Иванович, ведь я жил в глухой провинции.

— А интересное было время. Бывало входим мы, рабочие, в этот барский салон... полы-то — паркетные, блестят, шелковые драпри, богатая мебель. Хозяева-то важные аристократы, и гости важные — известные общественные деятели, публицисты, тео-

ретики. А мы, рабочие, хоть и приодетые, но из цехов, такие неуклюжие. С нами и Ильич ходил.

Михаил Иванович засмеялся тепло и очень мило.

— Ну, и пробирали же мы этих общественных деятелей! Ильич просто их опрокидывал.

С живой непосредственностью он поднялся со стула и быстро прошелся по комнате вдоль длинного стола.

— Кстати, об Ильиче. Дело было в самые страшные дни, когда, казалось, наша судьба держалась на паутинке. Посылает меня Владимир Ильич на фронт, к Орлу. Приезжаю, хожу по частям. Красноармейцы голы, босы, голодны... Но удивительно: все бодрые, рвутся в бой, огромная вера в победу, в реальность близкой цели. Выступаешь перед ними — на руках несут, с полслова понимают. Скажешь им: «Ленин привет прислал вам, товарищи!», так и говорить не дают — буря! Слово сам Ильич приехал. С обратной дороги являюсь к Владимиру Ильичу, а он быстро вбегает в комнату, потирает голову ладонью и весело смеется. «Ну, говорит, как? Швах дело?» Вижу, испытывает, с этакой подковырочкой подходит, а в глазах огоньки играют. «Нет, говорю, Владимир Ильич, положение на фронте крепче, чем когда бы то ни было. Все уверены в разгроме Деникина. Боевой дух высокий. Нам нечего беспокоиться». Нужно было видеть, как Ленин радовался и горел. «Отлично, отлично, товарищ Калинин! Все ясно, как божий день!».

И Михаил Иванович сам взволнованно шагал по комнате, поглаживая ладонью по волосам, и расторопнее смеялся. Потом вспомнил, как он в Кронштадте неожиданно оказался в кольце белогвардейского восстания. Казалось, что выхода не было: вот-вот его схватят белогвардейцы. Но Михаил Иванович вышел из этого кольца спокойно, почти на глазах у врагов. Революционный навык прошлого — не теряться в критические минуты и пользоваться нужным мгновением — помог ему сластись от гибели. А о приезде его в Кронштадт белогвардейцы знали и были уверены, что он — в их руках.

Рассказывая об этом, Михаил Иванович потирал руки, точно это событие было только забавным приключением.

Не поэтому ли все его жестокие и откровенно беспощадные оценки тех книг, которые ему не нравились, не были обидны авторам, когда он говорил с ними лицом к лицу! Он был похож в эти минуты на доброго друга или на отца, который наставлял на путь истинный. Скажет правдивое слово, ударит больно, а сам ласково и задорно улыбается.

В одно из моих посещений Михаила Ивановича у нас зашел разговор о поэзии. Как и всегда, мне пришлось изумляться, откуда у этого занятого огромной работой человека берется время, чтобы следить за текущей литературой и, в частности, за работой наших поэтов.

— Теперь поэты норовят лучше Пушкина писать, — пошутил он, усмехаясь. — Неплохо пишут некоторые, но кой-кого треплет лихорадка: обязательно им надо и стих исковеркать и слова какие-то вертяльные придумать. Что Пушкин! Что Лермонтов! Очень уж обыкновенно и просто, в зубах навязло. Ну-ка, закрутим и запутаем по-чудному, чтоб с панталыку читателя сбить. Читаю и не понимаю, а если и понимаю, то злюсь и протестую. А ведь, поди-ка, авторы-то думают, что они оригинальные новаторы. Но ведь ни капли у них нет искреннего чувства — все от фокусов, от притворства, от формалистической игры. А что такое лирика? Это — музыка души, песня сердца, это — глубина переживания. Тут не до фокусов, когда душа болит или радуется. Почему наши русские песни так хватают за сердце? Потому что страдания свои, печали и горести или свое веселье люди выливали от всей полноты чувства. Помните «Певцов» Тургенева? Слушают люди и плачут. Или Некрасов. Или Шевченко. Кстати, Шевченко-то надо без перевода читать. А тут этакий новатор начнет уродовать слова да нагромождать в одну кучу — и такой кавардак в глазах и в голове, что хочется отчураться и окно настежь открыть. Создается мода, а неустойчивые даровитые люди

слепо подражают ей. И вот, глядишь, дарование-то и вянет. А творить — значит петь своим голосом. Быть самим собой — значит идти своей дорогой, а не плестись в хвосте и не напяливать на себя плаща с чужого плеча. Ничего нет противнее позы, вывертов, фиглярства в поэзии. Пушкин мудро сказал когда-то: «Слова поэта — это уже его дела».

На редкость правдивый и непосредственный, Михаил Иванович не выносил никакой декламации, в какой бы форме она ни выражалась. Он терпеть не мог ораторов, которые говорят штампованными, чужими фразами, готовыми формулами.

— Или у человека нет своих мыслей, — говорил он с печальным негодованием и с усмешкой осуждения, — или он хочет скрыть свои мысли под хламом избитых слов, или просто хочет обмануть слушателей казенной болтологией. Но ведь люди-то у нас — живые, не болваны, не марионетки: они очень хорошо чувствуют и понимают, где правда, искренность, убеждение, а где ложь, маскарад, чиновничий пафос. Такого, прости господи, совсем не слушают — или дремлют, или уходят с заседания. А вот выступит какая-нибудь работница да распахнет душу — все выложит, что у ней накопилось, да по-своему, по-рабочему, с поговорочками, с природным своим юмором, или со злой насмешечкой, или с горестным крепким вопросом, — а сотни людей сразу же оживают, начинают жадно слушать, точно перед ними двери раскрылись и все вырвались на свободу. А всколыхнуть душу, растревожить заветные думы — это и есть свойство народного трибуна и честного борца за свободу. Так говорил с народом Ленин. Кто много мыслит и чувствует, тот просто и ясно говорит и многое дарит людям. Вот это самое я мог бы сказать и нашим писателям. Совсем не главное дело — пухлую книгу написать, да еще торпливо, банально, истасканными словами. Слов-то много: вязнешь, задыхаешься в словах, а содержание мизерное. Такая пухлая книга вызывает жуткое ощущение скуки, как тот штампованный оратор, о котором я говорил. А наши писатели почему-то все

торопятся такие толстые тюки готовить. Нет, лучше меньше, да лучше. Важно писать экономно, ярко, сильно, со тщательным отбором только необходимых слов — так, чтобы эти сильные немногие слова раскрывали огромное содержание. Чехов умел это делать изумительно. Его рассказ «Невеста» стоит в тысячу раз больше, чем все Потапенки, Шеллеры-Михайловы, Эртели, не говоря уже о Саловых, Барыковых, Боборыкиных... Были такие, да быльем поросли. Эту чудесную тайну творчества надо постигнуть у Антона Павловича. А ведь книга — это исповедь автора, это — человек. По книге можно судить о ее создателе: кто он? куда идет? какие возвещает истины? какие открывает горизонты? что нового увидел он в нашей действительности?

Михаил Иванович был благороднейшим представителем той славной старой гвардии революционеров, богато одаренных духовно и морально целеустремленных, которые отдали себя целиком великому делу освобождения народа от гнета деспотизма, для которых борьба за свободу, за счастье человечества, за коммунистические идеалы была главным содержанием их жизни. Это была замечательная плеяда людей, которые вдохновлялись гением Ленина. Их имена в истории останутся навеки, как имена благодетелей человечества, как народных героев. Их путь, их жизнь — это призыв к совершенству. Если основным признаком культуры нужно считать высокое общественное воспитание, то Михаил Иванович вместе со своими соратниками из этой блестящей плеяды является образцом культурнейшего человека. Воплотивший в себе лучшие дары талантливого русского народа, вышедший из самой гущи трудового крестьянства, прошедший великую школу пролетарской борьбы, неустанно работавший над собою, он является высоким интеллигентом, носителем самых передовых идей нашего времени. Как надо жить, как себя воспитывать, как совершенствоваться, чтобы быть подлинным гражданином и патриотом своей страны, борцом и создателем, — надо учиться у Михаила Ивановича Ка-

линина. Надо всесторонне — глубоко и широко — изучать его жизнь, его живую личность. Мы глубоко почитаем и преклоняемся перед такими людьми, как Дзержинский, Орджоникидзе, Киров, Куйбышев, Скворцов-Степанов, но мало знаем о них как о живых людях. О них надо писать целые книги, большие монографии в поучение молодым поколениям. Нашим литераторам следует со всей силой своего таланта потрудиться над созданием образа положительного героя нашей эпохи на примере жизни и творческих деяний таких людей, как Михаил Иванович Калинин и его незабвенные соратники.

М. А. ШОЛОХОВ

ВЕЛИКИЙ ДРУГ ЛИТЕРАТУРЫ

Со смертью Михаила Ивановича Калнина наша литература потеряла великого друга и подлинного, строгого ценителя писательского труда.

Воспитанный на русской классической литературе, безупречно знавший ее и до конца жизни любивший лучшие ее творения чистой, по-юношески свежей любовью, Михаил Иванович всегда проявлял живейший интерес и к молодому слову современных писателей.

Мне довелось видеться с Михаилом Ивановичем. Внимательно расспросив о моих творческих планах, о том, как идет работа над романом «Они сражались за Родину», он сказал:

— Я давно хотел вас видеть, чтобы поговорить о вашей книге. Признаться, я побаивался, как бы вы, работая над романом об Отечественной войне, не упустили из виду следующего, как мне кажется, весьма важного обстоятельства, — и Михаил Иванович подробно изложил и обосновал, что, по его мнению, должно бы быть отображено в будущей книге.

Когда в ответ я сказал, что это входит в мои замыслы и что я непременно, в меру моих сил, по-

стараюсь об этом написать, Михаил Иванович, сворачивавший папироску, исподлобья, из-под блеснувших очков весело взглянул на меня и, улыбнувшись милой стариковской улыбкой, как бы озарившей на миг все его лицо, сказал:

— Ну, вот и хорошо. Очень хорошо! Стало быть, опасения мои были напрасны. — И, уже посерьезнев, продолжал: — Поймите, мы, читатели, хотим от вас, писателей, не просто книг, а хороших книг, глубоко и всесторонне отображающих нашу жизнь. Этим обстоятельством и объясняется мое, так сказать, «вмешательство» в ваши планы. А о таком грозном событии, как минувшая война, из которой наш народ вышел с победой, с великой честью, мы тем более хотим читать настоящие книги, такие книги, которые жили бы, ну, скажем, десятилетия, если не говорить о большем. А то ведь как у некоторых писателей получается? Не выносил, не выстрадал, не обдумал как следует, поспешил, и вот, извольте, готова книга-поденка, а то, чего доброго, и две в год. А ты ее сегодня прочитал, а назавтра, смотришь, уже забыл этого капитана или лейтенанта — основного героя произведения — и героиню забыл, и фамилии их не помнишь, а содержание книги с трудом восстанавливаешь в памяти... Прошли перед тобою не живые люди, а серые, бесплотные тени, как же их упомнить? А если к этому добавить еще плохой язык автора и далеко не безупречную форму произведения, то и помнить-то не зачем. Вот и выходит, что труд типографских рабочих, издательского аппарата, бумага, средства — все затрачено напрасно. Бесплодно будет потрачено и дорогое время читателей.

Недавно один писатель прислал мне пухлую книгу, изданную областным издательством, и письмо. В письме жалуется, что Союз писателей его затирает, не выдвинули книгу на соискание Сталинской премии, а книга, по его словам, достойна премии. Хоть и плохо у меня со зрением, но прочитал я этот объемистый труд. Прочитал и не ответил автору, — Михаил Иванович безнадежно махнул

рукой, заулыбался. — Нехорошо, конечно, поступил, но иначе не мог. Книга не только Сталинской премии недостойна, но недостойна даже издания. Что же отвечать такому автору, у которого таланта ни на грош, а самомнения хоть отбавляй? Он, пожалуй, и мне бы не поверил. А вот старому умному писателю, который тоже не так давно прислал мне свою новую, но плохую книгу, я ответил... Ответил, что книга плохая, холодная. Так и сказал: плохая книга!

Михаил Иванович помолчал и, постукивая по столу пальцами, улыбаясь чему-то, может быть, своим воспоминаниям, продолжал:

— Лет около пятидесяти тому назад, в тюрьме, в Тифлисе, попалась мне книга известного писателя. В камере я был один, и книга у меня была одна. Читал я ее и перечитывал буквально десятки раз! Казалось бы, надо на всю жизнь запомнить эту книгу! А получилось так: только вышел на свободу — и тотчас же забыл! И перечитать за всю жизнь, знаете ли, ни разу не потянуло. Не настоящая книга мне тогда попалась... А вот Толстого или Чехова раз прочитаешь — и на всю жизнь помнишь, перед глазами стоит. Станешь перечитывать — все знакомое, словно не сорок лет назад читал, а только вчера... Правда, бывают и у «бессмертных» писателей такие произведения, что прочитаешь труд, по форме совершенный, но написанный равнодушной рукой, и у тебя на душе становится холодно, вот так холодно, как будто руку на мрамор положил...

Михаил Иванович положил на стол свою маленькую, старчески сухую руку, и так выразительно и впечатляюще было это скупое, подчеркивающее высказанную мысль движение, что на нас, присутствующих, словно бы пахнуло мертвящим холодом безжизненности мрамора.

— А хорошая книга, по-моему, та, у которой под обложкой жизнь пульсирует, как кровь под кожей, которая запоминается, если не навсегда, но надолго, которую еще раз захочется прочитать...

Чеховскую «Степь» вы помните? — спросил, оживляясь, Михаил Иванович и с увлечением заговорил о Чехове, Толстом, Горьком.

Потом он пытливо расспрашивал о жизни колхозников на Дону и, вспомнив свою поездку на фронты гражданской войны, задумчиво сказал:

— Хороший там народ, как и везде у нас. С таким народом и воевать и строить можно. Особенно хороши у вас там женщины: трудолюбивы, упорны, с характером. Тогда, бывало, они при встрече со мной не ныли, не плакали, что вот, мол, ситца нет, мыла нет, иногда, когда уже сильно за живое брало, поругивались... основательно поругивались, — и, посмеиваясь, прищурившись с эдакой крестьянской, непростой хитрецей, сказал: — Что же, по-моему, лучше выругаться, когда нестерпимо, чем ныть и хлюпать, а? Как вы думаете?

С любовью говоря о несокрушимой жизнеспособности нашего народа, Михаил Иванович рассказывал о таком случае:

— ...Тогда же, в двадцатых годах, в ваших краях проездом я как-то заехал на пасеку. Война только кончилась, пасека разорена, медком-то побаловались и белые и наши... А пасечник-старик встречает меня веселый, оживленный. Спрашиваю: «Ну, как живешь, дедушка?» — «Хорошо, Михайло Иванович!» — «Чем же хорошо? Война-то разорила?» — «Тем и хорошо, что разорила, да не совсем: из сорока ульев один остался, и то — слава богу! Семья в этом улье могучая, скоро пчелки отраиваться будут. Приезжай, Михайло Иванович, годика через три, пасеку не узнаешь, а сотовым медом дорогого гостя и сейчас угостить могу...»

Прощаясь со мной, Михаил Иванович спросил, когда я думаю закончить первую книгу. Я назвал приблизительно срок.

— Тогда я еще дождусь и почитаю, — сказал он. — А, впрочем, вы не торопитесь и не особенно считайтесь с нашим читательским желанием: наше дело жать на писателя, чтобы книга была по-

скорее, а ваше дело — создать такую книгу, чтобы она была достойна внимания народа, которому вы служите. В конце концов за книгу будете отвечать вы, а не читатель. Об этом не забывайте! — напутствовал меня Михаил Иванович.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
Михаил Иванович Калинин	5

ГОДЫ ПОДПОЛЬНОЙ БОРЬБЫ

И. Д. Иванов. Героические годы	17
С. Я. Аллилуев. Борец за рабочее дело	21
К. М. Рохтма. Агент «Искры»	24
Т. А. Словатинская. Мои встречи с Калининным	27
А. Г. Правдин. В Олонецкой ссылке	30
К. Н. Бедняков. Неутомимый организатор и про- пагандист	37
М. Е. Маслюк. Защитник рабочих	42
М. Т. Иванова. Жизнь, полная борьбы	46
М. Лукашов. Всегда с народом	52
М. В. Петров. В годы реакции	56
А. Г. Заворская. На заводе «Айваз»	58

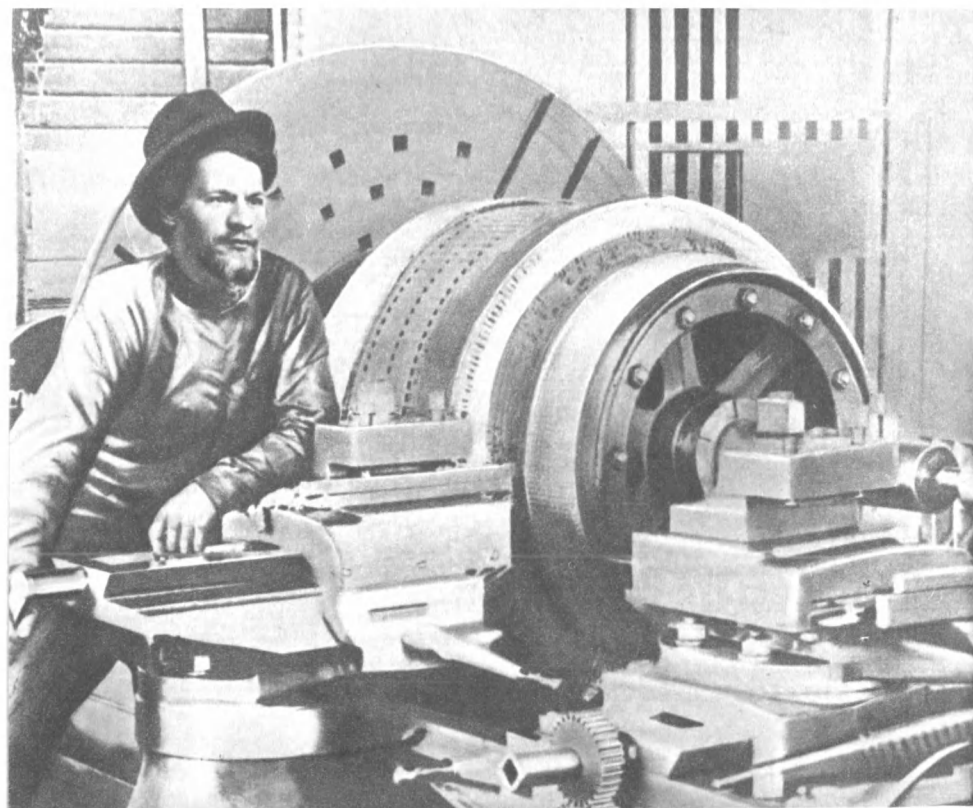
ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

М. Л. Крепс. Штрихи из жизни	63
Ф. Авиновичский. Городской голова	71
Ф. Быков. Первая тракторная колонна	75
Н. А. Семашко. Мудрый государственный деятель	78
М. П. Мошкарров. Внимание к людям	81
Г. И. Петровский. На высоком посту	83
И. И. Скрамэ. С агитпоездом «Октябрьская револю- ция»	88
М. Д. Савченко. Незабываемые встречи	93
Ф. В. Ростовцев. Агитпоезд в Орле	97
С. В. Евгенов. Первый приезд в Тамбов	100
С. М. Буденный. В Первой конной	108
С. Сумный. Перед разгромом Врангеля	111
С. Ф. Котиков. Никогда не забуду	115
Е. И. Калинин. Он умел разговаривать с народом	120

И. А. Чекунов. С ходатайством к Калинин	125
И. Я. Голубков. Простой и чуткий	127
А. В. Артюхина. Странички из воспоминаний	129
П. И. Батов. Забота о воинах	134
А. Д. Очкин. Человек большой души	137
П. И. Калинин. На родине	140

ГОДЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

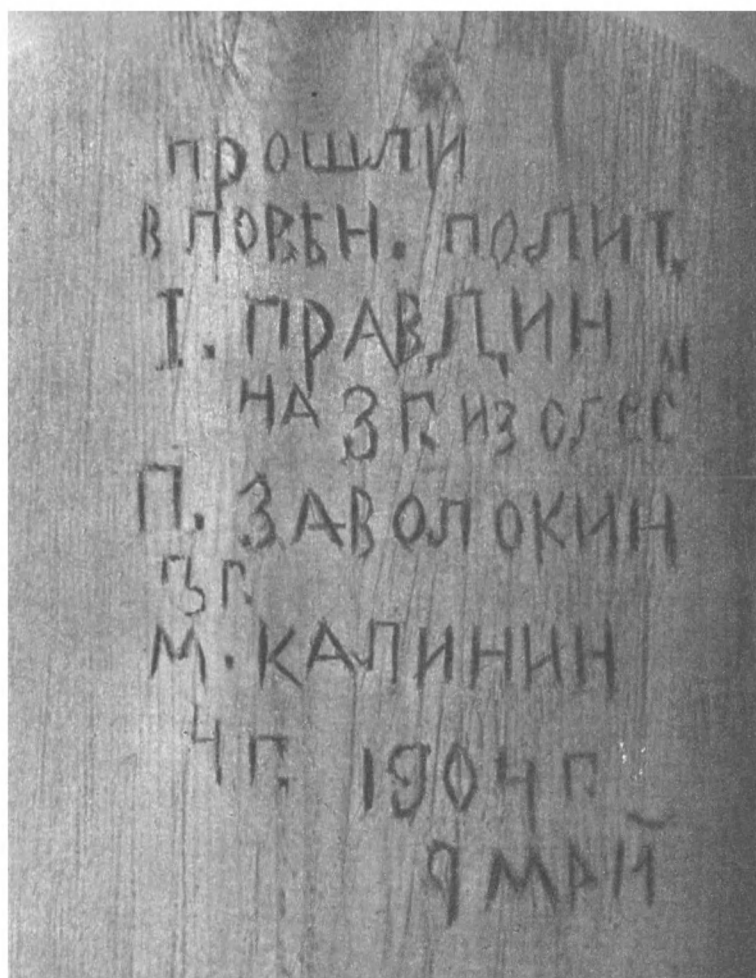
Н. П. Богданов. Борец за ленинский план электрификации	147
М. В. Котомкин. Приемная Всесоюзного старосты	153
В. А. Алексеев. Он для меня — всегда живой	158
Д. М. Логинов. Умение руководить	165
А. М. Терпигорев. Встречи с учеными	170
И. Т. Дунаев. С скромный и принципиальный	173
А. С. Сапунов. Таким я помню его	177
Д. И. Логинов. Агитатор и пропагандист	184
Л. А. Померанцева. Неизгладимые впечатления	187
Н. Е. Верклов. В совхозе «Голынки»	189
С. Д. Спасский. Путь революционера	193
С. В. Борисов. В Горьком	197
Е. Елагин. Друг колхозников	200
И. А. Степанов. Беседа с журналистами	202
А. П. Пискарев. Мудрый наставник	206
В. П. Чернова. За советом к Михаилу Ивановичу	208
А. Кузнецов. В гостях у красноармейцев	210
В. И. Терещатов. Партизаны у М. И. Калинина	212
В. А. Ковшаров. Пламенный патриот	215
Л. Г. Цалкин. Вручение наград на фронте	218
Н. Ф. Денисовский. Знаток и ценитель искусства	222
Ф. В. Гладков. Встречи с Михаилом Ивановичем Калининым	227
М. А. Шолохов. Великий друг литературы	240

М. И. Калинин за токарным станком на заводе
Вольта в гор. Ревеле. 1903 г.

М. И. Калинин. 1904 г.

Надпись, вырезанная в этапной избе в дер. Мян-
сельга по дороге ссыльных в Повенец. Май
1904 г.

М. И. Калинин — городской голова гор. Петрограда. 1918 г.

М. И. Калинин. 1919 г.

М. И. Калинин беседует с крестьянами дер. Ара-
пово Пензенской губ. Май 1919 г.

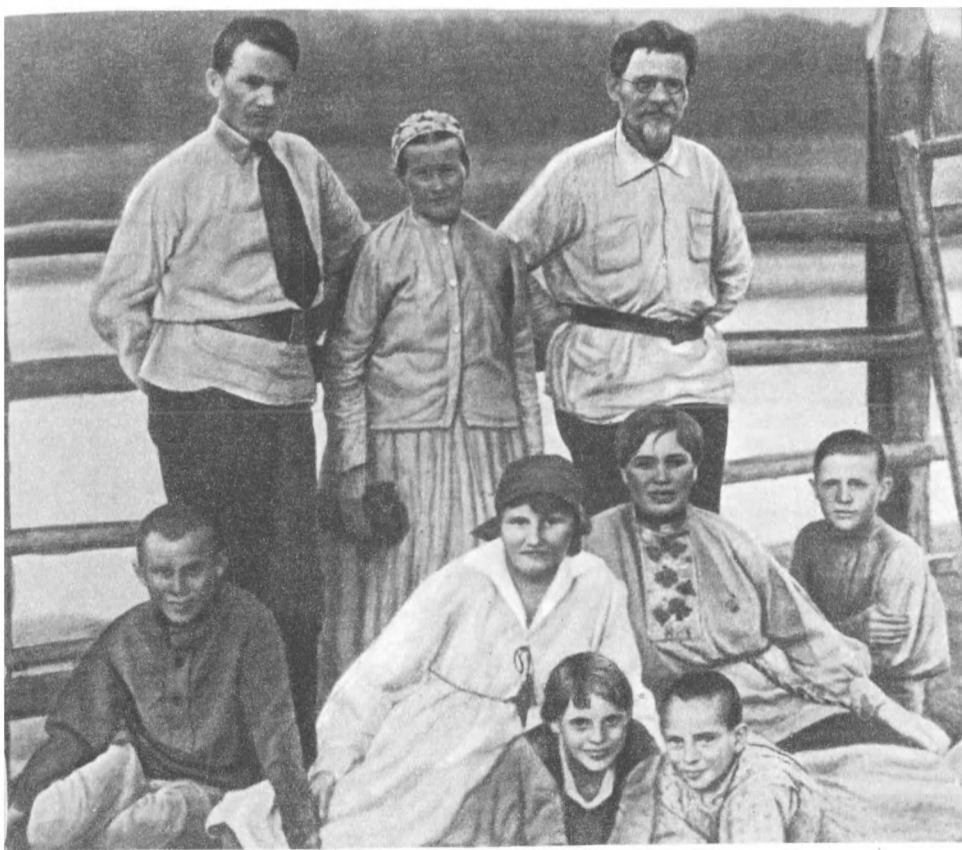
В. И. Ленин и М. И. Калинин. 1 марта 1920 г.

М. И. Калинин и Г. И. Петровский на субботнике
в Харькове. Март 1920 г.

М. И. Калинин и С. М. Буденный в 1-й Конной армии. Октябрь 1920 г.

У агитпоезда «Октябрьская революция». Гор. Екатеринбург, 1921 г.

М. И. Калинин с семьей на родине, в дер. Верхняя Троица. 1921 г.

М. И. Калинин среди тверяков — делегатов XII Всероссийского съезда Советов. Май 1925 г.

Выступление М. И. Калинина на митинге при пуске Днепрогэса. Октябрь 1932 г.

М. И. Калинин вручает орден Ленина льнотре-
пальщице колхоза «Артель труда» Краснохолм-
ского райсна Калининской области тов. Юфере-
вой. Март 1936 г.

М. И. Калинин среди работников газеты «Социалистическое земледелие». 1938 г.

В Приемной М. И. Калинина, 1939 г.

М. И. Калинин с дочерью Юлией Михайловной и внуками. 1939 г.

М. И. Калинин беседует с колхозниками в селе Городня Завидовского района Калининской области. Январь 1942 г.

Вручение М. И. Калининым правительственных наград в 33-й армии Западного фронта. Сентябрь 1942 г.

И. И. Калинин с художниками, работающими в «Окнах ТАСС». Декабрь 1942 г.

М. И. Калинин среди партизан и воинов Советской Армии после вручения им правительственных наград. Кремль, 21 мая 1943 г.

М. И. Калинин среди пионеров, отдыхающих в пионерском лагере «Артек». Крым, 1945 г.

ВОСПОМИНАНИЯ О М. И. КАЛИНИНЕ

Редактор *Н. К. Карпова*

Художник *А. Е. Коршунов*

Художественный редактор *В. Г. Ефимов*

Технический редактор *В. К. Рождайкина*

Корректоры: *С. В. Авдеева, Э. Б. Прощаева*

* * *

Сдано в набор 5. IX. 1960 г. Подписано к печати
14. X. 1960 г. Формат 84×108/32 7.75 печ. л.
(12.71 усл. печ. л.) 8.9 изд. л. + 12 вклеек.
ЕА05426. Тираж 10 000 экз. Заказ 5125.
Цена 2 р. 70 коп. С 1. I. 1961 г.— 27 коп.

* * *

Калининское областное книжное
издательство

Областная типография

г. Калинин, Студенческий пер., 28,
Дом печати

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Ваши отзывы о книге «Воспоминания о М. И. Калинин» просим направлять по адресу: г. Калинин, Студенческий пер., д. 28. Областное книжное издательство.

2 р. 70 к.
С 1.1. 1961 г. цена 27 коп.